

Министерство образования и науки Российской Федерации

**Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Оренбургский государственный университет»**

А. В. Флоря

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Учебное пособие

Орск 2016

УДК 808
ББК 81.2 Рус
Ф73

Печатается по решению редакционно-издательского совета Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ

Рецензенты:

Донецких Л. И., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, теоретической и прикладной лингвистики ФГБОУ ВПО «Удмурдский государственный университет»;

Лелис Е. И., доктор филологических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой журналистики ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения»

Ф73 Флоря, А. В. Культура речи : учебное пособие / А. В. Флоря. – Орск : Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2016. – 151 с. – ISBN 978-5-8424-0807-8.

Книга А.В. Флори представляет собой обобщение его многолетнего педагогического опыта. Она посвящена проблемам современного состояния речевой культуры. Автор излагает системный подход к интерпретации текстового материала, рассматривает лингвистический материал с учетом общекультурологических позиций, подробное изложение которых дается во введении.

Книга предназначена для студентов филологических факультетов и других специальностей.

ISBN 978-5-8424-0807-8

© Флоря А. В., 2016
© Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2016
© Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1 Общее понимание культуры	5
2 Правильность речи	32
3 Точность речи	59
4 Понятность, связность, логичность речи	72
5 Чистота речи	91
6 Уместность речи	103
7 Богатство, разнообразие речи	119
8 Выразительность речи	127
Заключение	138
Библиографический список	141
Приложение 1. Общая типология ошибок и недочетов	144
Приложение 2. Логичность	149

ВВЕДЕНИЕ

Речевая культура – важнейшая составная часть общей культуры человека.

Приступая к изучению дисциплины «Культура речи», мы прежде всего должны уяснить значение основных терминов – «культура» и «речь».

Считается, что эти понятия не нуждаются в разъяснениях – по крайней мере, первое из них. Авторы статей и учебников по этой дисциплине обычно объясняют, что такое речь и речевая культура, но игнорируют вопрос о культуре как таковой. Хотя это странно, потому что даже в названии данной науки термин «культура» главный.

Следует помнить, что главное в культуре – это связи человека с миром: с природой, человечеством, историей. Культура – осознание этих связей. Язык (и речь) лишь одна из них, хотя, может быть, важнейшая. Жизнь больше и богаче любой науки. И, выходя в сферу культурологии, мы, в конечном счете, выходим в большую жизнь, опыт которой обобщает эта наука. Обогащенные этим опытом, мы вернемся к вопросам филологии с более глубоким пониманием нашего предмета.

Сущность культуры, ее функции, отличие от не-культуры, наконец, ее системность необходимо хорошо уяснить, прежде чем приступить к изложению лингвистического аспекта культурологии.

Многие культурологические вопросы не имеют отношения к нашей дисциплине. Мы остановимся на том, что может быть актуально в том числе для языкознания.

1 ОБЩЕЕ ПОНИМАНИЕ КУЛЬТУРЫ

Итак, лингвисты, занимаясь культурой речи, не говорят о сущности самой культуры.

В начале XX в. А. Швейцер писал: «Что такое культура? (...) [К]ак ни странно, в мировой литературе никто до сих пор, собственно, не ставил такого вопроса и тем более не пытался ответить на него. Считалось, что незачем определять существо культуры, поскольку она сама налицо»¹.

Это далеко не так. На самом деле попыток определить и объяснить термин «культура» было множество – еще с античных времен².

Американские антропологи А. Кребер и К. Клакхон проанализировали более 150 (!) определений культуры³.

Существует популярная точка зрения, идущая, вероятно, от Н. Бердяева, что слово «культура» происходит от «культы», иначе говоря, имеет религиозное происхождение и содержание. Культура – то, что будто бы порождено культом. В действительности же, напротив, понятие кulta является производным от «культуры», а сама она имеет сельскохозяйственное происхождение (срав.: *культивировать, агрокультура, культурные растения*). Культ – это почитание божеств, покровительствующих хозяйственной (то есть культурной) деятельности людей⁴.

1 Швейцер, А. Упадок и возрождение культуры / А. Швейцер. – М., 1993. – С. 249. Следующие далее цитаты из А. Швейцера взяты отсюда же.

2 См. : Асоян, Ю. Историография концепта «cultura» (Античность – Ренессанс – Новое время) // Ю. Асоян, А. Малафеев // Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков. – М.: ОГИ, 2000. – С. 29-61.

3 См.: Волков, Ю. Г. Социология. (Культура. Определения культуры) / Ю. Г. Волков, В. И. Добреньков. См. электронный ресурс :

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/volkov/02.php.

4 Культура – слово латинского происхождения. Морфологически оно представляет собой причастие будущего времени (произведенное по тому же типу, что и *natura*), образованное от глагола *colo, colere*. Этот латинский глагол имеет широкий спектр значений. Выделяются три основные группы смыслов: 1) «обрабатывать», «возделывать»; 2) «вращивать»; 3) «обитать», «населять» (последнее через латинское *colonus* трансформировалось в *колония*). По мнению одного из авторитетных исследователей, существовала несомненная связь трех групп значений *colere* в латинской культуре Рима.

Культура противопоставляется *натуре* – природе, то есть тому, что *рождается* само. Культура – то, что создается. Культура – это продвижение дальше природы: или улучшение того, что она создала (культивирование, по Г. Зиммелю), или сотворение чего-то принципиально нового, отсутствующего в природе.

Культура – это мир артефактов, то есть объектов, которых природа не создает. Это не только материальные объекты (предметы, вещи), но также идеальные (социальные институты, законы, нормы поведения, ценности, идеи).

Артефактом является и человек – и не только потому, что он – продукт воспитания. Само его зачатие, вынашивание, рождение, а также всё, что этому предшествует (знакомство родителей, ухаживание, брак), происходит в культурной среде.

Итак, «культурное» – значит «искусственное». Но «искусственное» не обязательно означает «положительное». Атомная бомба, наркотики, порнография, мат и прочее тоже имеют искусственное происхождение.

Для большинства же людей культура – это нечто не просто искусственное, но исключительно хорошее.

Форму *colere* в латинском языке лингвисты возводят к индоевропейскому **kuel-*, имеющему значения «двигаться», «вращаться» (...)

В латинском языке отмечается развитие именно этого, связанного с человеком, круга значений-смыслов. Он складывался из двух взаимосвязанных моментов: 1) «жить в каком-либо месте» – *colere, in-colere*; 2) «обживать какое-либо место, обрабатывать землю в своем месте», и уже отсюда просто «обрабатывать», «культивировать» – *colere* (сюда же примыкает *agricola* «земледелец» и *agricultura* «обработка земли») (...)

Поскольку, отмечает Ю. С. Степанов, «предметом заботы [человека] было не только само место, земля, но и божество, которое его охраняло, то развилось особое значение «почитать», «ублажать бога», откуда *cultus* – «попечение, забота о божестве» – «культ»). Но «и бог заботится о людях, проживающих в данном месте», – отсюда то же значение, но с субъектом «бог»: «покровительствовать, хранить (человека)» (ср. русское *Да хранит тебя Бог!*), и второе значение латинского слова *cultus* «культ» – «попечение о человеке». Таким образом, к двум первоначальным группам смыслов («населять», «обрабатывать») *присоединяется* (курсив – мой А. Ф.) еще одна область значений – культовая» (Асоян, Ю. Историография концепта «*cultura*» (Античность – Ренессанс – Новое время) // Ю. Асоян, А. Малафеев. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков. – М.: ОГИ, 2000. – С. 29-30).

Вот и упомянутый нами А. Швейцер кратко определяет культуру, как «материальный и духовный прогресс как индивидов, так и всевозможных сообществ». Поскольку прогресс, развитие хороши по определению, то и культура – явление положительное.

Тем самым предполагается, что она **должна противостоять чему-то отрицательному**. Культура противопоставляется не просто природе, а дикой природе, а также обществу – столь же «дикому» (прежде всего первобытному, но не обязательно), существующему по принципу «Bellum omnium contra omnes» – война всех против всех. Швейцер пишет по этому поводу: «Борьба за существование ведется на два фронта. Человеку приходится утверждать себя в природе – перед ее стихийными силами и в обществе – перед себе подобными». «Следовательно, и сущность культуры двойка. Культура слагается из господства разума над силами природы и из господства разума над человеческими убеждениями и помыслами».

Общее, «рабочее», определение культуры можно найти у З. Фрейда: «“Культура” обозначает всю сумму достижений и учреждений, отличающих нашу жизнь от жизни наших животных предков и служащих двум целям: защите людей от природы и урегулированию отношений между людьми»⁵.

Однако есть и третий «фронт», на котором человек ведет борьбу с помощью культуры, – это его собственная «животная» природа.

Культура – явление сугубо человеческое, культура выделяет человека из природы и защищает от ее опасных воздействий, в том числе от природы *в самом человеке*, от того, что именуют «зверем в человеке». Как сказано в пьесе Е. Л. Шварца, нужно «убивать дракона в самом себе» («Дракон»).

А в другой, более ранней, пьесе Шварца есть слова, непосредственно касающиеся нашей темы. Главный герой, попав в совершенно необычную, на первый взгляд, страну, где живут сказочные герои,

⁵ Фрейд, З. Недовольство культурой / З. Фрейд. См. электронный ресурс: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Freid/ned_kult.php

замечает, что не такая уж она необыкновенная: *«Ваша страна – увы! – похожа на все страны в мире. Богатство и бедность, знатность и рабство, смерть и несчастье, разум и глупость, святость, преступление, совесть, бесстыдство – всё это перемешано так тесно, что просто ужасаешься. Очень трудно будет все это распутать, разобрать и привести в порядок так, чтобы не повредить ничему живому»* («Тень»).

Трудно, однако возможно и необходимо.

В этом и состоит одно из важнейших свойств культуры: она приводит в порядок человеческое сознание, помогает разобраться в сложных вещах, не повреждая ничему живому и естественному.

Культура – это сфера тонких различий. Иначе говоря: чем человек умнее, интеллигентнее, глубже, то есть культурнее, тем лучше он понимает, чем отличаются друг от друга сходные, но всё же не одинаковые вещи.

Как сказал в 1934 г. президент Гарвардского университета А. Лоуренс Лоуэлл, «в мире нет ничего более неуловимого, чем культура. Ее невозможно разложить на составные части, потому что их было бы бесконечно много. Ее невозможно описать как целое, так как ее образ изменяется, подобно Протею. Любая попытка ухватить ее суть – все равно что попытка схватить воздух: он всегда оказывается не в твоих пальцах, а в другом месте»⁶.

Но мы сделаем попытку ухватить – разумеется, суть, а не воздух – именно потому, что культура – это знание, понимание деталей, нюансов, тонкостей.

А значит, и её самое нужно отделить от сходных и смежных с ней явлений, но всё-таки не совпадающих с нею.

Культура и не-культура

Мы не станем претендовать на «открытие Америки». Существует научная дисциплина «культурология», и мы воспользуемся ее наработками, в частности, развернутой характеристикой культуры:

⁶ Цит. по ст. : Познер, Р. Что такое культура? К семиотической экспликации основных понятий антропологии / Р. Познер // Критика и семиотика. – 2004. – Вып. – 7. — С. 21.

«Культура – это система ценностей, жизненных представлений, образцов поведения, норм, совокупность способов и приемов человеческой деятельности, объективированных в предметных, материальных носителях (средствах труда, знаках) и передаваемых последующим поколениям. Она включает в себя нематериальную культуру – созданные человеком абстракции, такие, как ценности, верования, символы, нормы, обычаи и установленные принципы, и материальную культуру – физические артефакты или предметы (...) Культура – это основа, позволяющая людям интерпретировать свой опыт и направлять свои действия, в то время как общество представляет собой сети социальных отношений, возникающих между людьми. Культура – это то, что выделяет человеческое общество из животного мира. Культура есть среда, искусственно созданная при помощи языка, мышления и символических значений»⁷.

Функции культуры

Главная функция культуры – «сохранять и воспроизводить совокупный духовный опыт человечества, передавать его из поколения в поколение и обогащать его»⁸. Остальные функции выводятся из этой: они связаны с тем, для чего именно необходимо хранить, воспроизводить и обогащать накопленный человечеством опыт.

Вот как выглядит система культурных функций по А. И. Кравченко⁹:

1) **Защитная** роль культуры «состоит в том, что при помощи искусственно созданных орудий и приспособлений – орудий труда, лекарств, оружия, транспортных средств, источников энергии – человек неимоверно увеличил свои возможности приспособления к окружающему миру, подчинения себе сил природы». Следует добавить:

7 Волков, Ю. Г. Социология (Культура. Определения культуры) / Ю. Г. Волков, В. И. Добренчиков. См. электронный ресурс:

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/volkov/02.php.

8 Радугин, А. А. Культурология : курс лекций / А. А. Радугин. – М. : Центр, 2001. См. электронный ресурс : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Rad/index.php.

9 Кравченко, А. И. Культурология / А. И. Кравченко. – 4-е изд. – М. : Академический Проект, Трикста, 2003. – С. 13-16.

для подчинения сил не только природы, но и общества. *Язык тоже относится к защитным средствам.* Для иллюстрации прибегнем к «доказательству от противного», обратившись к рассказу В. Г. Короленко «Без языка», герой которого – Матвей Лозинский, – не зная английского, чувствует себя в Америке одиноким и неприкаянным, терпит разнообразные неприятности и даже чуть не попадает в тюрьму. И, напротив, когда ему на помощь приходит земляк, владеющий языком, то, что выглядело катастрофой, разрешается благополучно и достаточно просто. Приведу очень красноречивые цитаты из рассказа: *«Что он скажет, он, человек без языка, без паспорта, судьям этой проклятой стороны?..»*, то есть стороны обвинения; а также – обратим на это особое внимание: *«(...) человек без языка чувствовал, что и в нем просыпается что-то волчье...»*. Человек становится беззащитным и перед обществом, и перед самим собой, перед «зверем в себе». От этого его спасает язык, то есть культура.

2) **Креативная**, то есть творческая, созидаящая, функция культуры заключается в преобразовании действительности к лучшему. Самоочевидно, что без языка процесс творчества (любого, а не только литературного) попросту невозможен. Творчество (даже не словесное – музыка, изобразительное искусство) создает идеи, образы, которые, в конце концов, требуют воплощения в речи: авторы формулируют их для себя и для других, произведения искусства имеют названия, комментируются и так далее, причем это всё воплощается не в обычной (бытовой), а в художественной, образной, то есть подчеркнуто культурной, речи.

3) **Коммуникативная** функция – это передача информации, знаний, обеспечение процесса общения, связей между людьми. Здесь роль языка тоже не нуждается в комментариях, ибо коммуникативная функция является важнейшей и для него. Нужно только сделать уточнение. Слова «информация» и «знание», «коммуникация» и «общение» – это, конечно, синонимы, однако неполные. Впрочем, любая синонимия не бывает абсолютным тождеством, всегда есть различия

в смысловых оттенках, пусть даже минимальные. (Мы уже говорили, что культура состоит как раз в понимании тонких различий.) Информация и коммуникация – понятия более утилитарные, имеющие прагматический, актуальный смысл. Знание и общение более глубоки, более бескорыстны. Их ценность не в сиюминутной пользе, а в них самих и в том, что они нравственно обогащают и облагораживают человека, то есть делают его более культурным.

4) **Сигнификативная** функция – это способность культуры создавать смыслы, делать объекты окружающего мира значимыми и ценностными для человека. Важнейшая роль в смыслообразовании также принадлежит языку. Он, во-первых, дает наименования предметам, во-вторых, связывает эти наименования со значениями, в-третьих, насыщает слова особым, иногда уникальным смыслом. Так, например, лебедь может быть просто птицей, восприниматься как часть природы и не вызывать особых эмоций. А может – например, в стихотворении Н. А. Заболоцкого «Лебедь в зоопарке» – восприниматься как чудо («*Плывет белоснежное диво, // Животное, полное грез*») и олицетворение благородной красоты и чистоты («*Красавица, дева, дикарка – // Высокая лебедь плывет*», «*И вся она как изваянье // Приподнятой к небу волны*»), образ одухотворенной Природы и ее животворных сил («*Крылатое диво на лире // Поет нам о счастье весны*»). Все эти смыслы поэт передает средствами языка. Это прежде всего оценочные слова, эпитеты, сравнения, но не только. Уже само употребление существительного «*лебедь*» в женском роде придает слову ауру архаичности, благородства и создает сказочный ореол – за счет ассоциации с пушкинской царевной-Лебедью («*Глядь – поверх текучих вод // Лебедь белая плывет*»).

5) **Нормативная** функция культуры – это выработка разумных, социально приемлемых форм человеческого поведения, его правил, стандартов, моделей. Язык создает не только стандарты правильного произношения, написания, изменения и сочетания слов, но

оптимальные, органичные для конкретных ситуаций модели речевого поведения.

б) **Релаксационная** функция культуры связана с защитной как ее разновидность. Релаксация – это расслабление, снятие психического напряжения. Многие культурологи, и не только они, в данной связи вспоминают М. М. Бахтина, его учение о «смеховой культуре», «карнавализации». Бахтинская концепция «площадного слова» – это, разумеется, объект лингвистики.

Релаксация в такой форме вступает в противоречие с нормативной функцией. Это противоречие может быть как антагонистическим (если расслабление выходит за рамки культуры, становится вульгарным, пошлым, о чем пишет А. И. Кравченко), так и нормальным диалектическим, если раскрывает двойственность самой культуры. Последняя не только устанавливает границы человеческого поведения в социуме, но и раздвигает их.

Но релаксация может и не быть связана с нарушением норм. Так, идеальный русский язык может быть мощным лекарством от депрессии для человека, страдающего от уродливых сторон действительности, в том числе от падения культуры, от безграмотной и вульгарной речи. Классика – это напоминание о том, что есть и другой мир – другие мысли, чувства, другие человеческие отношения.

Великолепнейший пример такого рода – всем известное стихотворение в прозе И. С. Тургенева *«Русский язык»*: *«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»*

Почти кощунственно «переводить» такой текст на язык психологических понятий, но Тургенев говорит здесь именно о релаксации. Он употребляет обороты, характеризующие депрессивное состояние: *«во дни сомнений»*, *«во дни тягостных раздумий»*, особенно *«как не*

впасть в отчаяние». А смысл релаксации, то есть утешения, заключаются в последней фразе.

А. И. Кравченко классифицирует культурные функции с социологических позиций. Несколько иначе, более развернуто, этот вопрос излагает А. Д. Барышева, сочетая обществоведческий и психологический критерии:

«**Определяющей функцией культуры является гуманистическая, или воспитательная, духовно-нравственная** (здесь и далее полужирный шрифт мой – А.Ф). Суть ее отражает понятие “культура души” (...))».

Адаптивная функция культуры представлена взаимодополняющими функциями: адаптации (приспособления), социализации (включения человека в общественную жизнь) и гармонизации (примирения рациональных и иррациональных начал в человеке). Главная культурная задача, решаемая в рамках данной функции, состоит в превращении человека из биологического существа в социальное и стабилизации его в этом качестве.

Регулятивная функция может быть представлена тремя взаимодополняющими функциями: аксиологической, нормативной, семиотической.

В этом ряду важнейшей является **аксиологическая** (ценностная) функция. Культура – это прежде всего нормативная система, и как таковая она формирует у человека определенные ценностные ориентации (наиболее значимые предпочтения личности). Мерилом их оценки выступает нравственное содержание.

Семиотическая (знаковая) функция предполагает знание человеком специальных языковых систем.

Познавательная функция включает в себя гносеологическую, коммуникативную и трансляционную функции.

Гносеологическая (познавательная) функция культуры определяется ее способностью концентрировать в себе опыт многих поколений людей и через его призму давать народам целостное представ-

ление о них самих. В то же время – в порядке обратной связи – сама культура, ее уровень развития служат индикатором, позволяющим судить о преобразовательной деятельности человека (природы и самого себя).

Коммуникативная функция позволяет вступать людям в общение друг с другом. Но для позитивного общения важно достичь определенного уровня взаимопонимания, формирование которого зависит от владения общей системой смыслов и специфическими языками.

Функцию трансляции, передачи социального опыта от поколения к поколению, обозначают также как **информативную**, или функцию **исторической преемственности**. В этой функции культура выступает как «память» человечества¹⁰.

Фундаментальные признаки культуры – ориентация на гуманистические ценности, созидательный, прогрессивный¹¹ и жизнеутверждающий пафос; стремление к гармонии, к порядку, к системе, к различению тонких смысловых оттенков; сохранение и преумножение знания; разумная сложность формы (выдающееся произведение искусства трудно повторить технически, его создание требует мастерства). Культура может быть простой, но не примитивной.

И, разумеется, важно и то, как культура воздействует на человека. Она его облагораживает, делает умнее, духовно богаче и тоньше, воспитывает в нем уважение к людям и к себе самому, развивает его личность. Это не всё, но главное.

10 Барышева, А. Д. Функции культуры / А. Д. Барышева. См. электронный ресурс: http://www.libma.ru/kulturologija/kulturologija_shpargalka/index.php.

11 Культура имеет не просто искусственный, а *прогрессивный* характер. Она не только создает то, чего нет в природе, но пытается улучшить то, что в ней есть, и вообще превзойти природу. Культуре не всегда это удается, но стремление существует. Конечно, прогресс иногда отрицают даже деятели культуры, иногда выдающиеся и великие. Но, во-первых, это их личное мнение, которое не обязательно должно быть истинным. Иногда это системное заблуждение, а иногда просто прихоть, каприз (например, автору хочется выглядеть скептиком или пессимистом). Во-вторых, в каждом случае следует разбираться, что имеется в виду. Иногда при более глубоком изучении чужой позиции выясняется, что ее выразитель – отнюдь не антипрогрессист. Допустим, он не верит в то, что развитие науки и техники сделает человечество лучше, но не отрицает самой возможности нравственного прогресса и т. д.

Можно ли сказать: то, что улучшает человека, идет ему на пользу, – это культура? Или так: культура – то, что не порождает аномальных, уродливых, агрессивных реакций?

В принципе, так должно быть, но не всегда бывает. Явления культуры противоречивы, их влияние на разных людей бывает непредсказуемо. Нужно учитывать и негативные реакции девиантных людей на культурные явления. Маньяк может сжечь храм Артемиды, облить «Даная» Рембрандта кислотой, освистать оперу Моцарта и так далее, но такие воздействия не предполагаются и, тем более, не провоцируются деятелями искусства.

Впрочем, это крайние случаи. Гораздо чаще агрессию порождает не культура, а невежество, глупость и хамство. Если культура кого-то не облагораживает или пробуждает в ком-то раздражение и злобу, ее вины в этом нет: в ней это не заложено.

Возможны (и не столь уж редки) более сложные ситуации, когда подлинная культура не признается деятелями подлинной же культуры. Великое эстетическое и моральное значение трагедий Шекспира у большинства людей не вызывает сомнений, но Л. Н. Толстой считал эти пьесы безнравственными и, следовательно, вредными. Того же мнения он был о Данте, Микеланджело, Ибсене, Бетховене, Вагнере, Спенсере, Дарвине и многих других, но мы на этом основании не можем квалифицировать их деятельность и творчество как антикультуру – хотя доводы Толстого иногда убедительны¹².

12 Экстравагантная позиция Л. Н. Толстого – отнюдь не каприз, а плод глубокого размышления и подлинной мудрости. Здесь не место для подробного анализа его концепции, но кратко ее можно изложить так: Шекспир – вершина той культуры, которая основывается на конфликте сильных страстей, мощных индивидуалистических характеров. Эти столкновения сопровождаются чудовищными жестокостями и преступлениями. Творчество Шекспира, *возможно*, укрепляет его поклонников в признании зла и страдания не просто неизбежными, но и *необходимыми*, разумными, оправданными элементами бытия: потому что на фоне зла ярче проявляется добро, раскрывается красота человеческих характеров, и вообще, как пелось в одной эстрадной песне, «*жить, ты пойми, интереснее (!) в мире таком*» и т. п. Как сказала Б. Ахмадулина – именно по поводу Шекспира:

*И мир на том стоит,
что нет блаженства, если нет трагедий.*

Эта великая истина имеет ту же ценность, что утверждение, будто мир «стоит» на трех китах. Л. Н. Толстому такая точка зрения глубоко антипатична.

Культуре обычно противопоставляется *бескультурье*, то есть отсутствие культуры – невежество (необразованность) и невежливость (невоспитанность). Некультурный человек еще не безнадежен. Его можно обучить и воспитать (перевоспитать), если он сам осознает свои недостатки¹³, стыдится их, тянется к добру и стремится стать лучше. Типичный человек такого рода – Иван Бездомный в «Мастере и Маргарите». В сущности, он некультурен только в общепринятом смысле, но в глубине души он даже интеллигентен, хотя и по-своему. Он тянется к умным и образованным собеседникам, он нравственно чуток (сразу же остро заинтересовался личностью Пилата), смел и самоотвержен (бросается спасать людей от inferнального «консультанта», не думая об опасности для себя), честен и самокритичен. Вот сцена, в которой он проявляет гораздо больше глубинной интеллигентности, чем архиобразованный Мастер.

– Да... – тут гость вдруг встревожился, – но вы, надеюсь, не буйный? (...) Успокойте меня, скажите, вы не буйный?

– Вчера в ресторане я одному типу по морде засветил, – **мужественно** признался преображенный поэт.

– Основание? – **строго** спросил гость.

– Да, признаться, без основания, – **сконфузившись**, ответил Иван. (Хотя основания были: этот субъект пытался ему помешать ловить «консультанта». Между прочим, в сериале В. Бортко этим «типом» вообще оказался критик Латунский, погубитель Мастера. – А. Ф.)

– Безобразие, – **осудил гость Ивана** и добавил: – А кроме того, что это вы так выражаетесь: по морде засветил? **Ведь неизвестно, что именно имеется у человека, морда или лицо. И, пожалуй, ведь все-таки лицо. Так что, знаете ли, кулаками... Нет, уж это вы оставьте, и навсегда.**

¹³ В данном случае *недостаток*, пожалуй, наиболее точное слово: человеку чего-то не хватает. Здесь зло предстает, так сказать, в понимании Августина – это недостаток добра.

Отчитав таким образом *Ивана*, *гость* осведомился:

– *Профессия?*

– *Поэт*, – *почему-то* неохотно признался *Иван*.

Пришедший **огорчился**.

– ***Ох, как мне не везет!*** – воскликнул он, но тут же **спохватился**, извинился и спросил: – *А как ваша фамилия?*

– *Бездомный*.

– *Эх, эх...* – сказал *гость*, **морщась**.

– *А вам, что же, мои стихи не нравятся?* – с любопытством спросил *Иван*.

– ***Ужасно не нравятся***.

– *А вы какие читали?*

– ***Никаких я ваших стихов не читал!*** – **нервно** воскликнул посетитель.

– *А как же вы говорите?*

– *Ну, что ж тут такого*, – ответил *гость*, – **как будто я других не читал?** Впрочем... разве что чудо? Хорошо, я готов принять на веру. Хороши ваши стихи, скажите сами?

– ***Чудовищны!*** – вдруг **смело и откровенно произнес** *Иван*.

– ***Не пишите больше!*** – попросил *пришедший умоляюще*.

– ***Обещаю и клянусь!*** – торжественно произнес *Иван*¹⁴.

Эгоцентричный Мастер порицает человека и читает ему нравов учения, не вникая в детали, даже требует «не писать больше», с чем *Иван* очень легко соглашается – и держит слово. Бросить писать – не легкое решение для творческого человека. (А между прочим, *Иван*, по-видимому, отнюдь не бездарен, если «*Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой*»). Конечно, это – «преображенный» *Иван*, но каким образом он «преобразился»? Ведь не по волшебству, а сам – после серьезного и нелюбопытного размышления.

14 Булгаков, М. А. Александр Пушкин. Записки покойника. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков. – М. : АСТ МОСКВА, 2009. – С. 359.

Бескультурье – это еще не зло: некультурный человек не ведает, что творит, и может перевоспитаться, как тот же Иван Бездомный, который даже стал профессором философии. (Другой вопрос – сделался ли он лучше. По-моему – нет.)

По-настоящему плоха *антикультура*, то есть сознательное отвержение норм, правил, приличий, добра, красоты и вообще всего, что образует понятие «культура».

В одной из телевизионных бесед о русской культуре Ю. М. Лотман сказал, что интеллигентности противостоит хамство, за которым стоит психология раба — человека, испытавшего много унижений, не уважающего себя по этой причине и компенсирующего это чувство унижением других.

Иными словами, хамство даже «богатых и знаменитых» показывает, что они безо всяких оснований претендуют на «элитарность» и «аристократизм» (социальный или духовный). Ю. М. Лотман указывает на их подлинную природу и социальный статус.

Антикультура совершенно сознательно пробуждает в человеке худшее, низменное, высмеивая нравственные нормы, унижая и опошля высокое искусство. Личные цели тех, кто этим занимается, откровенно корыстны – нажива, скандальная популярность, а социальная «сверхзадача» состоит в манипуляции массовым сознанием, в разрушении культуры, в растлении народа. Антикультура проповедует антиценности – эгоизм, стяжательство, вседозволенность, ксенофобию, шовинизм и проч. Бульварные издания, телешоу, антигуманная пропаганда, пошлая реклама, приносящая тройной вред: навязывающая плохие товары, прививающая дурной вкус (в том числе вульгарные речевые стереотипы) и высмеивающая интеллект – вот образцы антикультуры в чистейшем виде.

Антикультуре прямо противоположна *контркультура*, хотя оба слова образованы по общей модели – содержат приставку со значением противоположности.

Дело в том, что «культура» – это условность. **Культура – явление динамичное**, то есть подвижное, изменчивое. Не существует просто культуры «как таковой», «культуры вообще». В реальности мы имеем дело со сложной системой, в которой есть *главенствующая (доминантная) культура* и множество культурных подсистем – *субкультур*. Единство культурных систем и подсистем, при их разнообразии, называется *интеграцией*, а усложнение культурной картины общества – *диверсификацией*.

По идее, доминантная культура должна быть культурой большинства, то есть совпадать или почти совпадать с народной – с фольклором – или основываться на нем. Это вполне возможная ситуация: в частности, древнегреческие литература, искусство, философия вырастают из мифологии. Мифология, преобразаясь в поэмы Гесиода, трагедии Еврипида или в неоплатоническую философию, диверсифицируется, то есть распространяется на новые сферы и при этом видоизменяется. (В свою очередь, все эти и еще многие другие явления, интегрируются в тот комплекс, который мы именуем древнегреческой культурой, поскольку не отрицают, а дополняют друг друга.)

Но чаще мы имеем дело с другой картиной: доминантная культура – не то, что складывается естественным образом, а то, что создается по государственному заказу (официальному или неофициальному), то, что власть поддерживает, предлагает или даже навязывает большинству.

Причем это навязывание может быть весьма успешным. Так, например, кинокомедия И. Пырьева «Кубанские казаки» (1949) не воспринималась большинством зрителей как ложь и лакировка, да и формально не была ею – фильм снимался в настоящем колхозе-миллионере. Таковых колхозов сразу после войны было очень мало, но они были. Но зрители, даже не думая об этом и понимая, что им показывают нечто не типичное для настоящего времени, видели в фильме картину ближайшего светлого будущего – и в целом не ошиблись. Но, парадоксальным образом, в послесталинский период,

то есть тогда, когда фильм уже мог бы восприниматься как реалистический (жизнь «догнала» кино), он был объявлен лживым и лакировочным. Он диверсифицировался – выпал из новой доминантной культуры (в которой, однако, сохранились песни из фильма) и до некоторого времени пребывал в рамках маргинальной культуры, не поощряемой государством. До «перестройки» его показывали редко, хотя не запрещали и даже практически не критиковали, зато во время «перестройки» он стал объектом обличений и символом «тоталитарной лжи». Сейчас отношение к «Кубанским казакам» стало более взвешенным. Фильм едва ли относится к современной доминантной культуре, но считается достоянием советской киноклассики, то есть частью уже не официозной сталинской, а национальной культуры. Сейчас зрителей привлекают герои фильма – люди труда: чистые и скромные, полные достоинства, интеллигентные и даже аристократичные. Они заставляют вспомнить слова Б. Пастернака:

*В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства
Они несли как господа –*

с той поправкой, что они всё это уже перенесли и нужды не испытывают. В восприятии картины огромную роль, конечно, играет ностальгия, тоска по идеалу. Мощное воздействие на зрителей оказывают и неподдельный оптимизм народа-победителя, и его светлые надежды, запечатленные в фильме.

На этом частном примере мы можем наблюдать культурную динамику одного произведения искусства. Практически все они претерпевают изменения в социокультурной системе.

У доминантной культуры есть и плюсы, и минусы. Положительные стороны – это нормализация общественной жизни, просвещение, воспитание людей, трансляция социально значимых ценностей, как правило – достаточно высокие эстетические стандарты, потому что

власти не выгодно опираться на явную бездарность. Отрицательные стороны тоже очевидны: ригидность (косность, отсутствие гибкости), нетерпимость к отклонениям от «генеральной линии», ограничение или подавление свободы творчества, склонность к инволюции, то есть к обратному развитию. Она довольно легко пропитывается самодовольством, теряет творческий импульс и деградирует¹⁵.

Поэтому необходимо органическое сосуществование, взаимодействие официальной культуры с культурами недоминантного характера, присущими не всему обществу, а его отдельным слоям – народам, живущим в данном государстве, или различным социальным группам. Такие культурные подсистемы называются *субкультурами*. Они могут не носить антагонистического характера по отношению к доминантной культуре, быть ее разновидностью (например, в советский период – по крайней мере, доперестроечный – фольклорные ансамбли, олицетворявшие многонациональное советское искусство, или молодежные передачи на центральном телевидении).

Когда субкультура относится к доминантной культуре критически или даже отрицательно, тогда она становится *контркультурой*¹⁶.

У контркультуры есть два принципиальных отличия от антикультуры. Во-первых, она отвергает не любую, а лишь официозную (варианты: примитивную, эпигонскую, ретроградную, устаревшую) культуру и противопоставляет ей *настоящие* ценности, причем иногда исконные, традиционные, но забытые¹⁷. Следовательно, во-

15 Официозная культура может быть талантливой, иметь успех даже после исчерпания породившей ее эпохи – в основном благодаря фактору ностальгии, но *обычно не создает новых ценностей*. Так, например, комедия Г. Александрова «Русский сувенир» (1960), снятая в эпоху «оттепели» по стандартам «большого сталинского стиля», потерпела провал, хотя зрители продолжали (да и продолжают, наверное) любить лучшие фильмы Г. Александрова 1930-40-х гг.: «Веселых ребят», «Цирк», «Волгу-Волгу» и «Весну», в меньшей степени – «Светлый путь».

16 Отдельный и весьма непростой вопрос: относятся ли к культуре асоциальные субкультуры – прежде всего тюремная? По нашему мнению, они за пределами культуры (см. ее признаки и функции), но обсуждать этот предмет мы не будем.

17 Реальная картина значительно сложнее, потому что в культуре взаимодействуют не только новое, современное («модерное») и традиционное, но и еще более древнее – архаическое. Когда модерн борется с традицией, то есть тем, что непосредственно предшествовало ему, он может противопоставлять ей архаику. Но последнюю может пробуждать и традиция в борьбе

вторых, она защищает более высокую этику, нежели та, которая в данное время принята в обществе. Правда, предложить также более высокую эстетику она может не всегда, но бывают исключения – в виде творческого новаторства, эксперимента. В различной степени «контркультурны» были Руссо, Лев Толстой, Ницше, Лотреамон, Маяковский, Джойс, Беккет, чье творчество само стало классикой и обогатило духовный опыт человечества.

Иными словами, контркультура – это вариант культуры. Другое дело – отличить ее от бескультурья и антикультуры бывает очень сложно.

Культуре противостоит не только отсутствие культуры, но и ее имитация. Однако имитации могут быть разными – и, соответственно, именоваться разными словами. Отсутствие культуры – бескультурье и антикультуру – мы разграничиваем по принципу «неосознанное – осознанное». Для разграничения различных подделок под культуру можно воспользоваться тем же критерием.

Когда некультурный (плохо образованный, невоспитанный) человек проникается верой в свой талант и начинает заниматься просветительской, творческой или даже научной деятельностью, то его деятельность можно назвать *квазикультурной*.

с модерном. «Обобщенно можно выделить следующие основные схемы: 1) модерное, опираясь на архаическое, репрессирует традиционное, а затем и само архаическое, либо вступает с ним в своеобразную комбинаторику взаимоподдержки; 2) традиционное в борьбе с модерным, опираясь на архаику, репрессирует модерное и восстанавливает свой баланс; 3) архаическое, разбуженное модерным, подавляет и модерное, и традиционное – происходит раскультирование общества» (Земсков, В. Б. Дисбаланс в системе взаимодействия пластов культуры как фактор культурной динамики / В. Б. Земсков // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 2. – С. 138). В этом взаимодействии тоже проявляется противоречивость культуры и двойственность ее воздействия на общество, о которых было сказано в самом начале. Контркультура, по-видимому, ближе ко второму варианту. Она часто восстанавливает погребенные модерном традиционные ценности, одновременно отрицая носителя этих ценностей – традиционную культуру – и реанимируя архаику. Так вели себя футуристы, высмеивая своих современников – декадентов, но и призывая сбросить русскую классику «с парохода современности», одновременно подражая дикарям (см. статью К. Чуковского «Кубофутуристы»). При этом они не могли уйти от языка классической литературы, о чем, например, писал еще Л. В. Щерба по отношению к В. Маяковскому.

Латинская приставка *quasi-* означает: «якобы», «как будто», а также «почти» или «недо-». Квазикультура – это «недокультура», до настоящей она не дотягивает. Впрочем, «квазикультура» – не строгий термин. (У этого слова есть и другие значения – например, «массовая культура», вообще – *профанация* подлинной культуры¹⁸).

Как было сказано, сущность культуры – в улучшении человека. Эта главная цель может не достигаться, а названные признаки – не проявляться из-за творческой беспомощности автора, но, если его намерения искренни, а усилия честны, мы имеем дело с культурной работой. Это мы и называем *квазикультурой*, то есть *культурой, не достигающей своих целей* по причине бездарности ее создателя и/или узости его кругозора, ущербности убеждений. Чаще всего квазикультура проявляется в графомании.

О графомании с положительным знаком, в конце концов дающей эстетический результат, пусть даже скромный, Л. Филатов написал замечательное стихотворение «Баллада о труде», которое я привожу с незначительными сокращениями.

*Скончался скромный человек
Без имени и отчества.
Клиент прилежнейший аптек
И рыцарь стихотворчества.
(...)
Почил великий аноним,
Трудившийся до одури...
...Снимите шляпы перед ним,
Талантливые лодыри!..¹⁹*

18 См., в частности: Леонтьев, Д. А. Имитация смыслов : блеск, нищета и соблазны квазикультуры / Д. А. Леонтьев // Фонд им. Д. С. Лихачева. См. электронный ресурс: <http://lfond.spb.ru/programs/likhachev/100/stenogrammi/leontev.html>.

19 Филатов, Л. Стихи. Песни. Пародии. Сказки. Пьесы. Киноповести / Л. Филатов ; сост. Л. Быков. – Екатеринбург : «У-Фактория», 1999. – С. 87-88.

Довольно часто бывает так, что человек обладает неплохими художественными способностями или даже талантом, но ему нечего сказать. Такие люди могут иметь успех, но, мягко выражаясь, у весьма наивной публики, преувеличивающей элитарность – их и свою собственную.

Разновидностью квазикультуры является так называемая любительская наука. О том, как она выглядит в языкознании, рассказывается в полезной статье академика А. А. Зализняка «О профессиональной и любительской лингвистике» (Наука и жизнь. – 2009. – №№ 1-2), где названы типичные черты любой квазинауки, а не только филологической: дилетант нетребователен к себе, не придерживается строгости анализа, не может мотивировать собственный выбор объяснения факта из многих возможных («я так вижу»). Вообще, любителям «чужд главный принцип науки как таковой – требование доказать выдвигаемое утверждение или по крайней мере предъявить веские аргументы в его пользу, которые показали бы его предпочтительность перед конкурирующими версиями. Любителю совершенно достаточно того, что, по его мнению, "так могло быть"».

Ну, и, разумеется, следует прочесть классический текст на данную тему – «Дилетантизм в науке» А. И. Герцена.

Квазикультура, по крайней мере, не делает зла *сознательно*, не делает его именно ради зла, ради разрушения. Иногда человек догадывается, что он не гений, но занимается самовнушением: а вдруг я всё же талантлив? а вдруг я создам или открою что-нибудь? а вдруг я все-таки делаю что-то полезное?

И, наконец, существует деятельность, которая обладает формальными признаками настоящей культуры, а в действительности паразитирует на ней. Мы назовем ее *псевдокультурой*. Она имеет в основном коммерческое назначение и служит корыстным интересам ее производителей и распространителей, но камуфлируется под нечто высокое и серьезное. Она родственна антикультуре: то и другое творчески недобросовестно (или просто халтурно), пробуждает низмен-

ные чувства и пропагандирует антиценности – прежде всего мещанские – и/или рисует тенденциозную, искаженную картину действительности. Таковы, например, «любовные романы», имитирующие настоящую художественную литературу, «проблемные», а на самом деле поверхностные, дилетантские ток-шоу, псевдоисторические книги и телепередачи – так называемая «фолк-история», сериалы – но не «мыльные оперы».

Можно ли считать псевдокультурой «массовую культуру» (она же – «поп-культура»)? И да, и нет. На эту тему написаны фундаментальные исследования, и здесь не место подробно обсуждать данный вопрос. Чаще всего «масскульт» ассоциируется с такими понятиями, как «суррогат», «подделка», «дешевка», «ширпотреб», «попса», «кич», «безвкусица» и т. п.²⁰

Но массовость, общедоступность – это еще не обязательный критерий низкопробности. Напротив, массовое искусство не просто может быть и бывает, но *должно* быть высокого художественного качества. Советское искусство – именно массовое, а не элитарное – таким и было: «Тихий Дон» М. Шолохова, поэзия А. Твардовского, песни И. Дунаевского, фильмы С. Эйзенштейна, гениальная пропагандистская картина М. Калатозова «Соль Сванетии», его же «Верные друзья», «Летят журавли» (единственный советский и российский фильм – лауреат Золотой пальмовой ветви Каннского фестиваля²¹), «Неотправленное письмо», пьесы В. Розова (кстати, сценариста двух последних упомянутых фильмов) и спектакли по ним, прежде всего О. Ефремова и А. Эфроса, – это самое демократическое, общепонятное искусство. Но кто скажет, что оно вульгарно и примитивно?

20 Тришин, В. Н. Словарь синонимов ASIS / В. Н. Тришин. – 2010. См. электронный ресурс: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/. Кроме того, понятие «поп-культура» очень неоднородно. Есть в нем и подлинное искусство, то есть подлинная культура, и, мягко говоря, суррогаты – явления квази-, псевдо- или антикультурные.

21 Строго говоря, несправедливо, что единственный (правда, не считая фильма Ф. Эрлмера «Великий перелом», удостоенного каннского Гран-при в 1946 г., когда Золотой пальмовой ветви еще не было), но это уже другое дело.

Впрочем, уместно ли по отношению к нему определение «*массовое*»? На наш взгляд, к нему больше подходит «*народное*».

Обычно под «масскультом» понимают не любую гуманитарную продукцию (будь то кино, эстрада, СМИ и проч.), предназначенную для широких слоев населения, и даже не ту, которая имеет коммерческий характер, а ту, в которой он преобладает над эстетикой и этикой, над человеческим содержанием, или вообще вытесняет их. Х. Ортега-и-Гассет называет это «дегуманизацией искусства».

Здесь уместно привести несколько выдержек из новой книги Виталия Третьякова «Теория телевидения. ТВ как неоязычество и как карнавал», опубликованных в «Литературной газете» (2015, № 29). Это написано со знанием предмета.

«Массовая культура всё упрощает, всё снижает и всё опошляет. Именно это мы и наблюдаем сегодня на телевизионных экранах. Пандемия массовой культуры (достигнутая, бесспорно, при посредстве телевидения и многократно расширившаяся с появлением интернета и сетевых СМИ, в том числе персональных квазиСМИ) совпала с кризисом самой высокой культуры и профессионального искусства. Так называемый постмодернизм, сам не создав ничего приближающегося к образцам классического искусства, принялся «перерабатывать» эти образцы, расчлняя, уничтожая и опошляя их (...)

Тут мы наблюдаем не только *когнитивный диссонанс (...)*, но и *этический (моральный) и эстетический диссонансы (...)*

*Когнитивный диссонанс, вызываемый телевидением, есть расхождение (до противоположности и конфликта) между реальными знаниями о жизни, а также тем, что подтверждается *здоровым смыслом*, и того *виртуального*, что демонстрирует телеэкран наряду с отражённой им реальностью или даже вместо неё.*

*Эстетический диссонанс – конфликт в индивидуальном и общественном сознании, возникающий в результате того, что *безобразное* либо уравнивается с *прекрасным*, либо даже ставится выше него (...)*

Этический (моральный) диссонанс ощущается или осознаётся индивидуальным и общественным сознанием при полном смешении разных (часто прямо противоположных) моральных норм, а также смешении морального с *аморальным* и при навязчивой демонстрации безнравственного (включая прямые патологии) в ущерб нравственному.

Современный телезритель постоянно пребывает в состоянии этих трёх диссонансов: всё, что транслируется телевидением (...), противоречит друг другу и всем устоявшимся представлениям о реальности, о научном знании, о здравом смысле, о прекрасном и моральном». ²²

Что ж, поверим мнению профессионала, подтверждающего то, в чем, наверное, большинство телезрителей и не сомневается.

Конечно, определения «*массовая*» и «*народная*» (культура) не идеальны, однако польза их в том, что они, по крайней мере, указывают на то, что за демократизмом и общедоступностью культурной продукции стоят очень разные вещи, вплоть до полной противоположности.

Для чего нужны эти уточнения? Причина в том, что смыслы «*анти-*», «*квази-*», «*псевдо-*» и даже «*контр-*» приложимы не просто к культуре вообще, но и к культуре речи, и мы в дальнейшем будем оговаривать эти нюансы.

Почему речи? Потому что язык соотносится с культурой в самом общем смысле: «(...) язык и культура – сложные и многогранные явления, имеющие коммуникативно-деятельностную, ценностную и символическую природу. Культура устанавливает место человека в системе общественного производства, распределения и потребления материальных ценностей. Она целостна, имеет индивидуальное своеобразие и общие идею и стиль. Язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает ее, формирует культуру, как бы прорастая в нее, но и сам развивается в культуре. Культура формирует

²² Третьяков, Виталий. Благо или зло? // Виталий Третьяков // Теория телевидения. ТВ как неоязычество и как карнавал. Курс лекций. – М. : Ладомир, 2015. Цит. по: ЛГ. – 2015. – № 29 (<http://lgz.ru/article/-29-6517-15-07-2015/blago-ili-zlo/>).

сложную и многообразную языковую систему, благодаря которой происходит накопление человеческого опыта и передача его из поколения в поколение. Уровнем развития материальной и духовной культуры общества определяется форма существования языка»²³.

Язык – явление культуры, поскольку он искусственного происхождения. Но это сугубо теоретическое положение, которое для нас не актуально.

Мы не употребляем выражение «культура языка», потому что язык – это составная часть культуры по умолчанию. Существуют языки более или менее сложные, развитые, но нет языков «некультурных».

Иное дело – речь, то есть воплощение языковой системы в устных или письменных текстах. Мы говорим о культуре речи, понимая под этим уровень владения ресурсами языка.

Здесь нужно сделать уточнение. Речь – понятие более конкретное, чем язык (система), и более обобщенное, чем речевой акт – процесс порождения *определенного* текста. Речь – это и принципиальная возможность практически воплощать систему языка, и умение это делать, и сама деятельность по созданию текстов, и форма реализации языка – в этом смысле говорят о письменной или устной речи, научной, официально-деловой, художественной, бытовой речи и так далее, а также об индивидуальной речи данного человека («У него хорошая речь»). В последнем случае, как и в остальных, имеется в виду не конкретная фраза этого человека или не конкретный текст, им созданный, а вся совокупность его речевых умений и порождаемых им высказываний, то есть весь его индивидуальный стиль. По отношению к речи, понимаемой именно в таком широком смысле, мы и говорим о ее культуре.

23 Базарова, Л. В. К вопросу о соотношении языка и культуры / Л. В. Базарова // Образование и культура России в изменяющемся мире. – Новосибирск, 2007. – С. 76.

Системность речевой культуры

С самого начала важно понять, что **культура – это система**, причем **в разных смыслах и отношениях**.

По-настоящему культурный человек хорошо образован, его мировоззрение целостно, любое явление он воспринимает в контексте, во взаимосвязи с другими, в комплексе противоречий, в движении, развитии. Культурному человеку свойственно историческое мышление – то есть он не ограничивается узкими рамками своего сиюминутного существования, он думает о будущем и умеет уважать прошлое (как выразился Н. Бердяев, в культуре «нет хамизма», то есть презрения к предкам – по примеру библейского Хама). Речь, конечно, идет о честной, объективной истории, а не о псевдоисторической мифологии, которая также именуется «фолк-истори».

Кроме того, **целостна и системна культура самого человека**. Ибо, как справедливо замечает К. И. Чуковский, культура речи неотделима от общей культуры («Живой как жизнь»). Не бывает никакой культуры речи, отдельной от культуры поведения, мышления, чувств. Уже давно стали расхожими слова Д. С. Лихачева, что можно притвориться каким угодно, только не интеллигентным. Однако большинству людей *вообще* невозможно притвориться. Даже очень хорошие, даже великие актеры, изображая несвойственные им доброту, ум, любовь к ближнему, непременно выдают себя хотя бы одной чертой, хотя бы интонацией. Но фактически любой человек разоблачает себя едва ли не ежесекундно – и прежде всего речью. Фальшь, игра, маска видны всегда, и заблуждается лишь тот, кто хочет быть обманутым.

Это всё очень важно, и об этом следует помнить.

Но культура системна и в собственно лингвистическом смысле, и не только потому, что она опирается на систему языка. Этим прежде всего обосновывается важнейшее качество речевой культуры – правильность, то есть нормативность. Это первое.

Во-вторых, свою систему образуют качества хорошей речи.

Их можно разделить на две группы:

а) базисные, назовем их **оптимальными**, то есть образующими коммуникативный оптимум, – они необходимы и достаточны для любого текста, чтобы он считался культурным: правильность, точность, логичность, уместность, чистота;

б) «надстроечные», назовем их **максимальными**, создающими культурный максимум, – они выводят текст за пределы просто речевой культуры в сферу искусства, в область красноречия: богатство, выразительность.

Эти качества теснейшим образом взаимосвязаны и взаимообусловлены. Точность составляет органическое единство с правильностью. Богатство и выразительность речи, например, неотделимы от чистоты и уместности и т. д.

Весьма типичны нарушения баланса между качествами, составляющими культурный оптимум и максимум. Когда преувеличивается одно (чаще второстепенное, производное – например, выразительность речи), страдает другое (как правило, фундаментальное – прежде всего грамотность). Вот, например, заглавие материала: «*В жилах динозавров текла ни теплая, ни холодная кровь*» (Новости Mail.Ru – <https://news.mail.ru/society/18549380/>). Автору захотелось употребить фразеологический оборот *в жилах текла кровь*. Строго говоря, он в данном случае не подходит, его употребляют в других устойчивых контекстах. Во-первых, и это главное – кровь упоминается здесь *не в буквальном*, а в условном, аллегорическом смысле. Во-вторых, имеется в виду, что данный человек – чей-то потомок: *В его жилах течет кровь конкистадоров (янычар, индейцев и т.п .)*. В-третьих, иногда это может быть характеристика человека, причем именно аллегорическая: *В ваших жилах течет русалочья кровь* – причем ни о какой русалочьей крови в буквальном смысле не может быть и речи.

Ничего подобного в случае с динозаврами нет. Здесь говорится о температуре крови в буквальном смысле. То есть фразеологический

оборот использован неуместно. Зато и построена эта фраза не очень грамотно. Следовало бы: *Кровь динозавров не была ни горячей, ни холодной*, или, если уж очень хотелось упомянуть жилы: *Кровь в жилах динозавров не была ни горячей, ни холодной*.

Резюме

1) Культура – это искусственная среда, совокупность артефактов, то есть объектов, которых не может создать природа. Артефактом является и человек – как существо социальное, продукт воспитания, личность.

2) Культура защищает человека от опасностей, исходящих от дикости – в природе, в социуме и в самом человеке.

3) Один из важнейших признаков гуманитарной культуры – умение человека осознавать нюансы, тонкие различия между понятиями. На этом требовании основано коммуникативное качество речевой точности (а также уместность, богатство и чистота).

4) Культура речи системна в трех отношениях:

а) это часть общей культуры человека, поэтому ее лингвистические **аспекты** существуют в единстве с паралингвистическими;

б) она основывается на языке – и, следовательно, отражает системные отношения, существующие в нем;

в) коммуникативные качества речевой культуры образуют целостность, они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Занимаясь анализом каждого из них, мы неизбежно затрагиваем и другие.

2 ПРАВИЛЬНОСТЬ РЕЧИ

Правильность речи – это ее грамотность, соблюдение норм.

Норма – это реализация языковой единицы, возникшая исторически и закрепленная традицией.

Нормы бывают, как минимум, трех видов:

а) **ретроспективные** – принятые когда-то в прошлом;

б) **дескриптивные (описательные)** – те, которые приняты сейчас;

в) **прескриптивные (предписательные)** – те, которые были бы желательны, потому что они лучше всего соответствуют законам языка, его системе.²⁴

В идеале дескриптивные, то есть практически сложившиеся, нормы должны совпадать с прескриптивными, то есть лучшими из теоретически возможных. В большинстве случаев так и бывает, но в реальной речевой практике бывают и расхождения.

Например, у М. И. Цветаевой есть такие строки:

*Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали.*

Теоретически это вполне правильный вариант, соответствующий фонематическому принципу орфографии: буквы соответствуют фонемам, а не звукам. Это написание можно считать прескриптивной нормой, то есть такой, которая была бы, если бы мы всегда пунктуально следовали правилам.

Но практически в подобных случаях закрепилось фонетическое написание с буквой *с*, которая соответствует звуку (срав. *отверстый*, *отверстие*). И, следовательно, правильным вариантом следует считать «разверстую». Это мы назовем дескриптивной нормой, то есть такой, которая сложилась исторически.

²⁴ См.: Мыркин, В. Я. Всегда ли языковая норма соотносится с языковой системой / В. Я. Мыркин // Филологические науки. – 1998. – № 3. – С. 29.

А есть еще ретроспективная норма – такая, которая была когда-то: допустим, *«разверзнутая»*. (Хотя, может быть, это вариант и современной нормы, но все-таки выглядит архаизмом.)

Приведу еще один пример, свидетельствующий о том, что норма – не всегда то, что следует считать единственно правильным и неизменным. Норма в значительной степени – условность, хотя условность, конечно, не всегда произвольная.

Большинство людей понимают просторечие как нарушение системы, а вот разговорную речь – как отклонение от нормы, то есть кодифицированного (узаконенного) стандарта, но отклонение, *остающееся в пределах, допускаемых системой языка*.

Иными словами, нормативный вариант не является «правильным», а разговорный – «неправильным». Нормативный вариант – кодифицированный, узаконенный, а разговорный – нет.

Разговорный вариант вполне мог бы стать нормой, но не стал по каким-то конкретным причинам. Просто филологи «так договорились». (Почему они «так договорились» – вопрос отдельный, это тоже чем-то мотивируется.)

Например, разговорный вариант *до́говор* мог бы стать нормой, потому что он не запрещен акцентологической системой: существуют *вы́говор, за́говор*.

А вот *доховóр* – с ударением на последнем слоге, но с фрикативным *h* – это просторечие, так как фонема *h* в литературном языке отсутствует. Так что просторечный вариант, будучи нарушением системы, нормой стать не мог бы.

Разумеется, норма не является чем-то жестким. Существуют варианты норм – мы это покажем в дальнейшем.

Итак, норма – то, что официально узаконено, что предписывается, рекомендуется или разрешается словарями и грамматиками.

С нормой соотносится термин «узус».

Узус – то, что реально существует в речи, является общепонятным и общеупотребительным и соответствует системе.

Узус и норма соотносятся как речь и язык. В идеале они должны совпадать, но узус шире. Узус – то, что в принципе возможно по законам языка. Норма более или менее закономерно закрепляет какие-то варианты, существующие в узусе.

Орфоэпические нормы:

а) произнесение конкретных звуков и звуковых сочетаний в заимствованных словах, отсутствие редукции гласных в безударных слогах: [о]азис, п[оэ]тический, р[о]к[о]ко, фу[э]те;

б) отсутствие палатализации согласных перед <э> *детектив* [дэтэ], *детерминизм* [дэтэ], *декольте* [дэтэ], *протеже* [тэ] и др.

В XIX в. слова *тэма*, *идэя* произносились с твердыми согласными и писались соответственно – через э.

«При первом появлении “Свадьбы [Кречинского – А. Ф.]” критики оказались на удивление слепы. Даже те, что по заслугам слыли либералами, – а вернее, именно они. И именно по причине собственной либеральности, не желавшей прощать новоявленной комедии ее пустоты и пустяшности. “По всему видно, – утверждал один слепой, – что содержание комедии анекдотическое, и вся она отзывается французским влиянием, отчего частью и теряет свое серьезное значение; главное лицо ее – Кречинский, как это можно заключить из двух-трех слов, какого-то темного происхождения; пройдоха, втершийся в знать путем мошенничества – какая избитая тэма!”» (см.: С. Рассадин. Гений и злодейство, или Дело Сухово-Кобылина).

Или, например, можно вспомнить восклицание С. Ю. Витте, которое было своего рода его девизом – *«Есть идэя!»*.

Но в начале XX в. такое произношение, по-видимому, воспринималось как манерное. Так, Л. Андреев в драматической миниатюре «Монумент» использует его как средство саркастической речевой характеристики жеманной и неумной дамы:

Ее Превосходительство. *Уже? здравствуйте, уже? Я так счастлива, наконец, видеть и вообще, наконец, приблизиться – не так ли, господа? Моя мечта – садитесь, господа, – или, лучше сказать, моя*

идея наконец близка... Не хотите ли чаю? впрочем, чай потом, а сперва нужно что-то другое... что? Надеюсь, господа, вы простите слабую женщину, которая, это правда, так богата *идеями*, но совершенно беспомощна в вопросах – как это называется?

Мухоморов (подсказывая). Прозаической действительности, Ваше Превосходительство.

Ее Превосходительство. Мерси. Вот видите, какая у меня голова, ах, я такая бедная. Раз это не *идея*, то я уже ничего не понимаю, я бессильна, как дитя, – нет, нет, не спорьте. Я даже удивляюсь иногда: зачем у меня тело? Ну, у других, я понимаю, ну, там на что-нибудь нужно; а зачем мне?

Здесь насмешка исходит от автора и относится к чужой речи.

Но иногда, особенно в наше время, говорящие сами употребляют аналогичные речевые формы без смягчения согласных перед э или/и без редукции безударных о, э, выражая гамму разнообразных уничижительных чувств – иронию, сарказм, презрение и проч. Обычно это насмешка над чужим творчеством (*ид[э]я*, *т[э]ма*), чужими увлечениями (*мел[о]ман* – как правило, имеется в виду, что он не разбирается в музыке или причиняет своим хобби неудобства другим), занятиями (*пр[о]цесс*), социальным статусом (*акад[э]мик*²⁵, *пр[о]ф[э]ссор* – прозрачный намек на их невежество), качеством (*коф[э]* – намек на то, что это пойло не может называться «кофе», разве что «кофэ»).

Несколько иначе ведет себя героиня романа Виля Липатова «Игорь Саввович» – старая интеллигентка и даже дворянка по происхождению. Она выражает свое презрение к такой организации, как

25 Очень выразительно словечко *акадэмик* звучит в эксцентрической кинокомедии Г. Полоки «А был ли Каротин?». Его употребляют не то уголовники, не то уличные хулиганы в адрес одного из милиционеров, выполняющих особо важное задание под видом сотрудников Академии Наук. Легенда для них выбрана архинеудачно: эти люди совершенно не похожи на ученых, тем более на академиков, зато очень похожи на оперативников. Пикантность заключается в том, что блатные как бы угадывают истинную профессию мнимого академика, демонстрируя враждебность не столько к интеллигенту (в фильме есть и этот мотив, но он выражен по-другому), сколько к «профессиональному» антиподу.

трест. Вероятно, еще во времена своей молодости, то есть в 1920-е гг., в период нэпа, она сделала вывод, что «трэст» – это нечто «буржуазное», и с тех пор не меняла своего мнения. Она произносит это слово так, как произносила его в те времена²⁶. (Для справки: Игорь Саввович приходится ей внуком – незаконным отпрыском ее сына, профессора Сергея Валентинова. Все действующие лица знают об этом, но скрывают.)

– *Угощайтесь, Игорь Саввович! Прошу тебя, Сережа, непременно положить салфетку на колени... Знаете, Игорь Саввович, мой великовозрастный сын коллекционирует сальные пятна. В химчистке говорят: “Такие не выводим!” – Бабушка разъярилась. – Ходить с сальными пятнами? Фи! Интересно, что говорят об этом в твоём институте?*

– *Я работаю в тресте, мама!*

– *Я не могу произносить слово “трэст”. Это черт знает что такое!*

И это было знакомым, ритуальным, очень смешным, потому что Надежда Георгиевна “трест” произносила через “э”, презрительно и брезгливо, и при этом делала руками такое движение, какое делает чистюля-кошка, коснувшись грязной лужи.

Подобное произношение может иметь и ёрнический оттенок. Например, в сатире В. Шукшина «Энергичные люди» в доме Аристарха Кузькина собираются жулики, оказавшиеся перед реальной угрозой ареста, и обсуждают своё положение.

Еще резко, длинно позвонили.

– *По одному... с вещами, – тихо сказал Чернявый.*

– *Иди, – кивнул Брюхатый Аристарху.*

²⁶ Это довольно тонкий момент. В самом произношении нет ничего презрительного. В начале XX в. в интеллигентских кругах, к которым принадлежала и бабушка, принято было говорить: *шофэр* (у Игоря-Северянина было: *Нельзя ли по морю, шоффэр? А на звезду?*), *инженэр*, *трэст* и т.п. Бабушка выражает свое презрение к «трэстам» периода нэпа, не желая знать, отличаются ли от них советские тресты 1970-х гг. – которые и произносятся по-другому, то есть мягко.

– *Может, это макулатуру собирают... пионеры*, – тихо сказал бледный Аристарх. – Подождем.

Опять звонок.

(...)

Опять звонок, на этот раз вовсе длинный, никакой не “пионерский”.

В знаменитом спектакле Г. М. Товстоногова в Большом драматическом театре (БДТ) персонажи произносят такой текст (возможно, это импровизация):

– *Может, это макулатуру собирают... пионеры.*

– *Звонок какой-то не пионерский.*

– *Нет, это не пионэры.*

– *Это милиционэры.*

Мошенники испытывают нешуточный страх, однако пытаются заглушить его черным юмором.

Отметим, что сначала слова *пионеры*, *пионерский* произносятся нормально (то есть с редукцией *о* и смягчением *н* *пи[ан']еры*, *пи[ан']ерский*), когда говорящие не иронизируют, и лишь потом возникает «манерное» произношение.

Насмешка или какая-то иная эмоциональная окрашенность вообще острее чувствуется на контрасте «манерного» произношения и его отсутствия.

Таков, например, в фильме «Джентльмены удачи» обмен репликами двух заведующих детскими садами: «*Я ваш коллега*». – «*Только учтите, дорогой коллега: замок будет крепкий*». Эта ситуация общеизвестна, и нет необходимости ее комментировать. Герой Е. Леонова произносит слово *коллега* обыкновенно, а его собеседница, героиня Л. Соколовой, – с сарказмом: *дорогой к[о]ллега* (и даже с подчеркнутым удвоенным *л*).

В фильме «Большая перемена» герои обмениваются репликами с тем же словом – и тоже с ироническим оттенком. Петр Тимохин (С. Крамаров), ученик вечерней школы, бывший двоечник, пока еще

не излечившийся от своей «неслыханной жадности», рассудив, что быть ученым выгоднее, чем рабочим, пришел в пединститут, на кафедру истории, и заявил о своем желании поступить в аспирантуру: «*Позвольте вас спросить, к[о]ллега, сколько у вас платят?*». Заведующий кафедрой профессор Волосюк (М. Яншин) разочаровал его: «*Живет аспирант не жирно*» и так далее, после чего Тимохин ретировался, а профессор сказал ему: «*До свидания, **коллега***» – не передразнивая его, то есть не произнося последнее слово без редукции [о], не поддерживая тимохинской развязной речевой манеры.

Ту же роль выражения иронии играет имитация иностранного прононса – например, **назализации** (носового оттенка, или **ринезма**): *Бывает, например, такой брильянт, над которым долго трудились ювелиры – так это не Кабачков* (фильм К. Шахназарова «Добряки», сценарий Л. Зорина); или знаменитейшее «*много диких обезьян*» в фильме В. Титова «Здравствуйте, я ваша тетя». Можно вспомнить также «Брильянтовую руку», где сначала Геша Козлодоев (А. Миرونнов), пытается мотивировать свое нежелание, отказываясь идти на ковер к «шефу»: «*Мне надо принять ванну* (с ринезмом – А.Ф.), *выпить чашечку ко[ф']е*», а Лёлик (А. Папанов) его передразнивает: «*Будет тебе там и ванна* (с ринезмом – А. Ф.), *и ко[фэ], и какава с чаем*»²⁷.

Напротив, подчеркнутая демонстративная палатализация в иноязычных словах воспринимается как вульгарность – или ее стилизация, как в повести В. Шукшина «До третьих петухов»:

– *Понимаешь, хочу **коттеджик** себе построить... Материалы завезли, а строить некому. Не возьмешься?*

27 Это скрытая цитата из «Золотого тельца», отсылка к диалогу, предваряющему экзекуцию Васисуалия Лоханкина (то есть избиение «некультурными» людьми персонажа, считающего себя интеллигентом)

– *Что? Общее собрание будет?* – спросил Васисуалий Андреевич тоненьким голосом.

– *Будет, будет,* – сказал Никита Пряхин, приближаясь к Лоханкину, – *все тебе будет. Кофе тебе будет, какава! Ложись!*

Гешу Козодоева ждет примерно то же самое.

– Мне же справку надо добывать... – Да зачем она тебе? – воскликнула Баба-Яга. – Построишь **коттеджик**... его увидют – ко мне гости всякие приезжают – увидют – сразу: кто делал? Кто делал – Иван делал... Чуешь? Слава пойдет по всему лесу.

– А как же справка? – опять спросил Иван. – Меня же назад без справки-то не пустют.

– Ну и что?

– Как же? Куда же я?

– Источником будешь при **коттеджике**... Когда будешь строить, запланируй себе комнатку в подвале... Тепло, тихо, никакой заботушки. Гости наверху заскучали – куда? – пошли к Ивану: истории разные слушать. А ты им ври побольше... Разные случаи рассказывай. Я об тебе заботиться буду. Я буду тебя звать – Иванушка...

– Карга старая, – сказал Иван. – Ишь ты, какой невод завела! Иванушкой она звать будет. А я на тебя буду горб гнуть? (...)

– А-а, – зловеще протянула Баба-Яга, – теперь я поняла, с кем имею дело; симулянт, проходимец... тип. Мы таких – знаешь, что делаем? – зажариваем. Ну-ка, кто там?! – И Яга трижды хлопнула в ладоши. – Стража! Взять этого дурака, связать – мы его будем немножко жарить.

Стражники, четыре здоровых лба, схватили Ивана, связали и положили на лавку.

– Последний раз спрашиваю, – еще попыталась Баба-Яга, – будешь **коттеджик** строить?

– Будь ты проклята! – сказал гордо связанный Иван.

Вот несколько часто употребляемых слов с **диерезами**, то есть пропуском [j] между гласными: *арие[иэ]тта*, *дие[иэ]реза*, *дие[иэ]з*, *дие[иэ]та*, *градие[иэ]нт* (математический термин – вектор), *коэффицие[иэ]нт*, *пацие[иэ]нт*, *пие[иэ]тет*, *реквие[иэ]м*, *реципие[иэ]нт*, *тамплие[иэ]р*,

Без диерезы, то есть с [j] интервокальным (между гласными) произносятся слова *абитуриент*, *ингредиент* [ијэ] (Зарва, М. В. Рус-

ское словесное ударение. Словарь нарицательных имён / М. В. Зарва. – М. : ЭНАС, 2001. Здесь и далее: <http://www.gramota.ru>).

Возможно произношение гласного [а] без редукции: *жалеть, щадить, счастливый, площадь, двадцать* и др., хотя, впрочем, оно не считается литературным.

Произнесение согласных:

– Долгое [ж] (в пределах корня) в разных орфографических вариантах произносится мягко: *вожжи, дрожжи, жжет, жжёнка* (алкогольный напиток), *жужжит, можжевельник* (возможно твердое), *брезжить, брюзжать, визжать, ежжу, позже, мозжечок* (возможно твердое), на морфемном шве – твердо – *изжить, разжечь* и т. п.

Возьмем в качестве иллюстрации глагол *возжечь* – ж твердое на стыке морфем из *зж*, в корне – долгое [ж'] из *жж*: *возжгу, возжжешь, возжгут; возжгёт, возжгла; возжгший; возжжённый (возжжён, возжжена); возжгши*. Всё произносится четко по правилу.

– В иноязычных (или близких к ним) словах перед [э] – мягкое произнесение согласного: *агрессия, бекон, бухгалтер, Гименей* [м'э, н'э]²⁸, *дебаты, декадент* [д'э, т'э], *декан, декрет, депрессия* [д'э, р'э и рэ], *импотент* (но *потенция* [э]), *интеллект, контекст, кофе, мезонин, морфема, одессит, патент, претендент, рекорд, темп* (это в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, а, например, в Большом толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова – [тэ]мн), *терапевт, термин, шинель, эссенция*),

твердое: *адаптер, анданте*²⁹, *адюльтер, алтей, анестезия* [нэ, тэ], *антитеза, артерия, астероид, атеизм, деизм, аутентичный, ац-*

28 Б. Н. Тимофеев-Еропкин назвал привычное для оперных певцов (ария Онегина П. Чайковского, эпиталама из «Нерона» А. Рубинштейна) произношение *Гимэнэй* «нелепоманерным».

29 Вот забавный пример из пьесы Л. Зорина «Цитата», где начальница, в духе «перестройки» приобщаясь к культуре – безуспешно, произносит это словечко явно с мягким [т']. Она распекает еще более некультурного подчиненного за то, что он проигнорировал концерт модного музыканта.

тек, бактерия (у С.А. Кузнецова), *багатель, баттерфляй, бифштекс, гротеск, дейтерий* [дэ, тэ], *дека, интеграл, интервал, интервью, интернат, интерьер, картель, катетер* [тэтэ], *контейнер, коттедж, критерий, латентный, лотерея* [тэ], *мартен, модель, модерн, неврастеник, пантеон, партер, постель, претензия, протез, реквием* [рэ, эм], *свитер, сеттер* [сэ, тэ], *стратегия, теннис, темпера* [тэ], *тембр, тенденция* [тэ, дэ], *тендер* [тэ, дэ], *фокстерьер, энергия, эпителий*);

твердые *г, к, х* – старомосковское произношение: *строгъй, дикъй, тихъй, стягивать, сталкывать, стряхивать*.

Особое внимание обратим на произнесение групп согласных – в корне или: *песня, мысль, гарантия, пронзить* и т.п. – допустимы и ассимиляция, и ее отсутствие. Но отсутствие ассимиляции, то есть твердый согласный перед мягким, воспринимается как подчеркнуто книжная речь. В случаях с *м* перед мягким – *мчатся, мщение* – первый согласный твердый; на стыке корня и суффикса: *временщик, изменчивый, сварщик* – первый согласный мягкий, *доверчивый, матерчатый* – первый согласный твердый и др.

Произнесение *чн* как [шн] – старомосковское.

«Следует обратить внимание на сочетание *чн*, так как при его произношении нередко допускаются ошибки. В произношении слов с этим сочетанием наблюдается колебание, что связано с изменением правил старого московского произношения. По нормам современного русского литературного языка сочетание *чн* обычно так и произносится [чн], особенно это относится к словам книжного происхождения (*алчный, беспечный*), а также к словам, появившимся в недавнем прошлом (*маскировочный, посадочный*). Произношение [шн] вместо

Живцова

*Вчера была я на концерте,
На Маркине. Ты б видел зал...
Но парень – всем, скажу я... взял.
Уж как исполнил он анданте...*

Балгазаров

Что ж не исполнить при таланте?

орфографического *чн* в настоящее время требуется в женских отчествах на *-ична*. *Ильини[шн]а, Лукини[шн]а, Никити[шн]а, Савви[шн]а, Фомини[шн]а*, – и сохраняется в отдельных словах: *горчи[шн]ый, коне[шн]о, пере[шн]ица, праче[шн]ая, пустя[шн]ый, скворе[шн]ик, яи[шн]ица*. Некоторые слова с сочетанием *чн* в соответствии с современными нормами литературного языка произносятся двояко: *було[шн]ая* и *було[чн]ая, копее[шн]ый* и *копее[чн]ый, моло[шн]ый* и *моло[чн]ый, порядо[шн]ый* и *порядо[чн]ый, сливо[шн]ый* и *сливо[чн]ый*. В отдельных случаях различное произношение сочетания *чн* служит для смысловой дифференциации слов: *серде[чн]ый удар* – *серде[шн]ый друг*»³⁰. Также: *ску[шн]ый* или *ску[шн]о, двое[шн]ик,*

Впрочем, у москвича А. С. Пушкина этот самый *сердечный друг* произносится [чн], судя по рифме:

Изабела

Так, есть. Ты мог бы жить. Судья готов смягчиться.

В нем милосердие бесовское: оно

Тебе дарует жизнь за узы муки вечной.

Клавдио

Что? вечная тюрьма?

Изабела

Тюрьма – хоть без оград,

Без цепи.

Клавдио

Изъяснись, что ж это?

Изабела

Друг сердечный,

Брат милый! Я боюсь... Послушай, милый брат

«Анджело»

30 Введенская, Л. А. Русский язык и культура речи : учебное пособие для вузов / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Катаева. – Ростов н/Д, 2001. – С. 83.

б) Нормы акцентологии, то есть правильных ударений.

Вот некоторые слова и словоформы, ударения в которых могут представлять сложность для говорящих:

*áвгустовский, агéнт, алка́ть (áлчу, áлчуи́щий, áлча и алка́ю, алка́ющий, алка́я), алкогóль, алфави́т, апо́стрóф, астрóлог, астрóном, áтомный, ба́ржа и баржа́ (ба́ржевый и баржа́вый), (из)балова́ть(ся), безвре́мье³¹, (по)бе́лишь – (по)бели́шь и (по)бе́ленный – (по)белённый, бряца́ть (бряца́ние), зави́дно, (из)балóванный, взáпуски, у двéри, докуме́нт, жерло́, (по)звони́т, ина́че и и́наче, изобре́тение и приобре́тение, и́скристый и иски́ристый, ка́мбала (камбала́ – считается равноправным или допустимым, но словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой этой формы не даёт – весьма странно, потому что, например, у культурнейшего Н. А. Заболоцкого: *Дремлет рыба камбала́, катало́г, каучу́к, кварта́л, кета́ и кета́, кирза́ и кирза́ (кирза́вый и кирза́вый), колла́нс, ко́лледж (коллédж – согласно словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, допустимо, но неверно), краси́вее, краси́вейший, марки́ровать и марки́ровать, мартироло́г, ме́льком и мелько́м, мизе́рный и ми́зерный, мышле́ние и мы́шление, óбух и обóух, огни́во, óпрометью, опто́вый, отку́пори(ва)ть, питека́нтроп, плéсневеть (плесневéть – разг.), пра́отец, ржа́веть и ржавéть, салютова́ть (салютовать – устар.), свёкла, твóрог и творóг, фено́мен, те́фтели и тефте́ли, только тефте́ли у М. В. Зарвы, фо́бия у В. В. Лопатина (здесь и далее: <http://www.gramota.ru>), оба варианта фо́бия и фобия́ у С. А. Кузнецова, но у него фо́бия во второй части слов (бактериофо́бия, гидрофо́бия то есть водобоязнь, фотофо́бия, то есть светобоязнь, ксенофо́бия – неприятие «чужого» (в расовом, национальном, религиозном или социальном смысле), пресловутая русофо́бия (словечко если не**

31 Однако у А. Вознесенского – *безвре́мье*:

*На сердце хмара
В век безвременья
мы не построили своего храма.
Мы все – римейки.*

придуманно, то введено в обиход И. Шафаревичем); впрочем, *агорафобия* и *агорафобия* – боязнь широких пространств – у Лопатина, хотя у него же: *клаустрофобия* – боязнь замкнутых пространств), *фольварк* (польская усадьба), *фольга́* (устар. *фольга*), *фóрзац*, *фрамуга*, *ходатайство(вать)*, *чёрпать*, *чёрпаю*, *чёрпаешь* и т. д. (но *черпальный* и в существительном *черпальщик*), *эмалировать*, *эпилепсия* и *эпилепсия*, *эссе́*.

Иногда в одном слове разными ударениями различаются семантические оттенки или даже вовсе различные значения (в этом случае мы, строго говоря, имеем дело уже с разными словами): *испи́тый* (выпитый) и *испито́й* (изможденный, изнуренный), *языко́вая* (трудность) и *языко́вая* (колбаса), *общíна* (родовая, студенческая) и *о́бщина* (палата общин), *опо́шление* (опошляться самому; в словаре – *опошление* от *опошлить* и *опошлиться*) и *опошлéние* (опошлять что-то), *опро́щение* (словообразовательный процесс – упрощение морфемной структуры слова) и *опрощéние* (изменение образа жизни; в словаре только эта форма и только это значение), *харáктерный* (актер) и *характёрный* (признак). Автор этих строк через акцентологию разграничивает смыслы «кулинарное искусство» (*кулина́рия*) и «магазин» (*кулина́рия*), «явление» (*фено́мен*) и «человек с феноменальными способностями» (*феноме́н*), хотя словари их не разделяют.

Особо отметим случаи, когда другое ударение соответствует иному значению, сейчас уже забытому, то есть устаревшему:

*Прекрасна и сурова наша радость.
О Сталинград,
в час гнева твоего
прими земной поклон от Ленинграда,
от воинства и гра́жданства его!*

О. Ф. Берггольц

Мы сейчас знаем слово *граждáнство*, означающее принадлежность к стране. Употребленное в стихотворении слово *гра́жданство*

означает гражданское, мирное население, в своей доблести не уступающее военным.

А вот случай, связанный не с перемещением ударения на другой слог, а с фонетическим вариантом гласного, отчего серьезно меняется смысл:

*Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди, и гибли **безупречно**.
Умрешь не даром, дело прочно,
Когда под ним струится кровь...*

Н. А. Некрасов

Обычно в книгах, в том числе в школьных хрестоматиях, печатают: *гибли безупречно*, хотя это явно не рифмуется с прочно, вызывая сомнение в поэтических способностях Некрасова, но и не только в этом. *Гибли безупречно* следует понимать как призыв погибнуть достойно, чтобы героя было не в чем упрекнуть. На самом же деле подразумевается, что за честь отчизны, за убежденье, за любовь следует погибнуть *безупречно* – то есть жертвовать собой, не упрекая никого.

Из **норм словообразования** ограничимся названиями жителей разных городов.

Полезные источники: Словарь названий жителей СССР / под ред. А. М. Бабкина, Е. А. Левашова. – М., 1975; Левашов, Е. А. Географические названия : прилагательные, образованные от них. Названия жителей : словарь-справочник / Е. А. Левашов. – СПб., 2000. См. также электронный ресурс: <http://www.gramota.ru>.

Самые распространенные суффиксы:

А) –анин (–янин) от основ на –ич, –ец:

Галич – галичанин,

Углич – угличанин,

Череповец – череповчанин,

Шуя – шуянин (интерференция, наложение: Шуя + –янин),

Орша – оршанин,

Калуга – калужанин (есть и калужец),

Онега – онежанин (и онежец),

Вологда – вологжанин.

От основ на согласный (согласные) – с чередованиями:

Великий Устюг – устюжанин,

Котлас – котлашанин.

На –ск с чередованиями или усечением:

Железноводск – железноводчанин,

Минск – минчанин,

Орск – орчанин,

Братск – братчанин,

Иркутск – иркутянин,

Курск – курянин,

Смоленск – смолянин.

Б) –ец от урбанонимов с основой на –ск:

Благовещенск – благовещенец,

Борисоглебск – борисоглебец,

Приволжск – приволжец,

Ульяновск – ульяновец,

Бологое – бологовец.

От некоторых урбанонимов образуются названия с вариантами:

Брянск – брянец, но было: брянчанин (считается архаизмом),

Хабаровск – хабаровец, предпочтительно: хабаровчанин.

В) Мало употребителен суффикс –як:

Пенза – пензяк,

Тула – туляк.

Г) Еще одна малопродуктивная модель – с суффиксом *-ич*:

Вятка – вятич (и вятичанин),

Кострома – костромич,

Москва – москвич.

Д) И, наконец, есть особые названия:

Уфа – уфимец,

Баку – бакинец,

Тверь – тверитин,

Одесса – одессит,

Архангельск – архангелогородец.

По разным причинам (в основном из-за неблагозвучия или двусмысленности) названия могут не образовываться, тогда используются описательные формулировки: напр., *житель Комсомольска, Мытищ* и т. п.

Отдельного внимания требуют и названия местностей. Например, Б. Н. Тимофеев-Еропкин возражал против суффикса *-щин-* в топонимах (*Новгородщина, Рязанщина, Тамбовщина*) или называл слово *Оренбуржье* «странным»: «Думаю, что это слово не родилось в недрах народного языка, а сочинено в недрах канцелярско-редакционных. Что хорошо для “Поволжья”, то не годится для “Оренбуржья”. Во всяком случае, “Петербуржья” никогда не существовало»³².

Грамматические нормы

а) флексии существительных в им. пад. мн. ч.: *бочары, боцманы, бухгалтеры, вентили, мичманы, клапаны, полюсы, пекари, слесари, токари*, в частности, экспансия окончания *-а (-я)*: *векселя, вертела, перепела, пояса, профессора, якоря*;

– варианты, например: *листья – листы* (бумажные – *листья*, древесные – *листья* и *листья*, второе устаревшее).

32 Тимофеев-Еропкин, Б. Н. Правильно ли мы говорим? / Б. Н. Тимофеев-Еропкин. – Л. : Лениздат, 1961. – С. 127.

б) варианты флексий у вещественных существительных I склонения (по Академической Грамматике) в род. пад., ед. ч. – у (–ю) в партитивном, то есть частичном, значении: *ложка меду, стакан чаю*; –а (–я) – в сочетаниях с определениями или приложениями: *ложка липового меда, стакан цейлонского чая* или *стакан чая «Липтон»*; в непартитивном значении: *запах чая, вкус меда*; в партитивном значении в редких (обычно заимствованных) многосложных словах – *таблетка тетрациклина*;

в) флексии у существительных в род. пад., мн. ч.: *пара носков, чулок, гольфов, гетров, гамаш, бот и ботов, десять гектаров, ампер, рентген; баклажанов, помидоров; патиссонов; болгар, румын, молдаван, бурят, грузин, осетин, туркмен.*

У М. М. Зощенко есть забавный рассказ «Кочерга», сюжет которого выстраивается вокруг выяснения вопроса: как склоняется слово *кочерга* во множественном числе. Эта проблема возникла перед сотрудниками одного учреждения, которым нужно было употребить данное слово в официальном документе.

Тогда секретарь смотался в юридический отдел и оттуда привел служащего, который отличался тем, что умел составлять любые бумаги так ловко, что обходил все подводные камни.

Служащему разъяснили его задачу – составить нужное требование таким образом, чтобы слово “кочерга” не упоминалось во множественном числе и вместе с тем, чтобы склад выдал пять штук.

Немного покусав карандаш, служащий набросал черновик:

«До сего времени наше учреждение, имея шесть печей, обходилось всего лишь одной кочергой. В силу этого просьба выдать еще пять штук, для того чтобы на каждую печку имелась бы одна самостоятельная кочерга. Итого выдать – пять штук».

Уже эту бумажку хотели послать на склад, но тут к директору явилась машинистка и сказала, что она сейчас звонила своей ма-

*маше, старой машинистке с тридцатилетним стажем. И та ее за-
верила, что нужно писать: пять **кочерг**. Или пять **кочерг**.*

Секретарь сказал:

– Я так и думал. Только на меня нашло затмение.

(...)

*Уже наступила весна. Потом будет лето. До зимы далеко. Об
отоплении думать пока что не приходится. Весной хорошо думать о
грамотности, хотя бы в связи с весенними испытаниями в средней
школе. Что же касается данного слова, то слово действительно ка-
верзное, доступное Академии наук и машинистке с тридцатилетним
стажем.*

Безграмотное склонение слова производит комический и сати-
рический эффект – как, например, в уже упомянутой пьесе Л. Андре-
ева «Монумент»:

Маслобойников. *Обойдемся как-нибудь. Так что ж, картинки
будем смотреть или что? Давайте уж картинки посмотрим. Ну-ка,
милый, покажь, что намалевал? Разверни, разверни.*

Фраков. *Вот. Пожалуйста.* (Развертывает на стене проект па-
мятника.)

На рисунке Пушкин изображен в короткой римской тунике с
венком на голове.

Голоса. *Удивительно!*

– Какая прелесть!

– Нет, но как классично, какая поза!

– Великолепно!

Голова. *Так. Это самое и есть Пушкин? Скажи ты! А отчего
же он без **брюков**? По-моему, брюки бы надоть.*

Фраков. *Извините, почтеннейший, но Минин и Пожарский...*

Голова. *Чудак! Так то – Минин и Пожарский: тогда и все без
брюков ходили, а теперь стыдно.*

Сейчас так не говорят уже, наверное, и самые малограмотные
люди.

Вот еще несколько слов, вызывающих затруднения: *будень* (малоупотребительное и, возможно, устаревшее³³, есть у С. А. Кузнецова: – *будни – будней*, у Маяковского – *Я с теми, кто вышел строить и мечь в сплошной лихорадке буден*, но, впрочем, у него же есть и единственное число: *краска будня; будни*, –ей и *буден* (В. В. Лопатин); *будни, будней* и (разг.) *буден* *мн.* (С. А. Кузнецов).

Некоторые другие слова: *дупла – дупел, дно – доньев, жерло, мн. жёрла – жерл* (между двумя сонорными беглый гласный излишен), *русла – русел и русл, свёрла – свёрл, сёдла – сёдел, западни – западней, лохмотья – лохмотьев.*

Но:

*И пышный мрамор оттенит
Всю прозрачность твоих лохмотий.*

О. Мандельштам. А. Ахматовой

г) Отметим некоторые существительные нулевого склонения:

бигуди – сред. и *мн.* (по словарю М. В. Зарвы), неизм. по С. А. Кузнецову; *мн.* [франц. *bigoudi*], но бывает и плюральное склонение: *бигудей* и др. (Русский орфографический словарь Российской академии наук / отв. ред. В. В. Лопатин. Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ», 2001-2007; далее – там же);

драпри неизм.; сред. и *мн.* [франц. *draperie*];

жалюзи *мн.* и сред. [франц. *jalousie*];

колли неизм.; муж. и жен. [англ. *collie*];

мафиозо, нескл., муж., во множественном: *мафиози*.

д) Предпочтительные в книжной речи усеченные краткие формы мужского рода у многосложных прилагательных: *величествен, могуществен, невежествен, тождествен, торжествен*, но *определенен* – в отличие от причастия *определен*, *почтенен* – в отличие от *почтен*, *растленен* – *растлен* и т. п.

33 Возможно, это слово польского происхождения. Сейчас в единственном числе оно практически не используется.

е) Культура речи предполагает строгие правила употребления числительных – например, верное склонение составных (*ста девяноста восьмью тысячами четырьмястами сорока тремя человеками*); порядковых – *в двухтысячном году, в две тысячи пятнадцатом году* (ошибки встречаются до сих пор); корректное употребление количественных и собирательных – *трое братьев, но три сестры*, а также по отношению к лицам с высоким социальным статусом³⁴: *два профессора, академика, лауреата Нобелевской премии*; правильные сочетания существительных с дробными существительными – существительное управляется дробной, а не целой частью: *три целых шесть десятых метра* (а не *метров*); «правильными являются конструкции 35,5 процента (не ...процентов), 12,6 километра (не ...километров), то есть при смешанном числе существительным управляет дробь, а не целое число. Также: 45,0 (сорок пять и ноль десятых) секунды, 6 7/8 (шесть и семь восьмых) метра и т. п.» («Справочник по правописанию и литературной правке» Д. Э. Розенталя). Строго говоря, это синтаксическая норма, но для удобства мы упоминаем ее здесь.

ж) Чередования *о/а* соответственно в корнях глаголов СВ и НСВ необходимы: *заморозить – замораживать, облагородить – облагораживать, приколоть – прикалывать*;

отсутствуют: *захлопнуть – захлопывать, обворовать – обворовывать, беспокоить – беспокоивать, озаботить – озабочивать, опорочить – опорочивать, опозорить – опозоривать, отсрочить – отсрочивать, узаконить – узаконивать* и даже *облапошить – облапошивать*³⁵;

з) суффиксальные варианты *–изова–/–изирова–* в двувидовых глаголах (или чередования в глаголах СВ и НСВ – вследствие так

34 Бельчиков, Ю. А. Стилистика и культура речи / Ю. А. Бельчиков. – М. : Наука, 2002. – С. 66.

35 Между прочим, в фильме «Любовь и голуби»: «Ну почему вы думаете, будто его кто-то **облапошивает**, а не он?». Этот вульгарный вариант исходит из уст «культурной» Раисы Захаровны (Л. Гурченко). Интересно: авторы не знали этого или сделали так специально?

называемой «тенденции к аналитизму») – *гармонизовать* – *гармонизировать*, *колонизовать* – *колонизировать*, *легализовать* – *легализировать*, *популяризовать* – *популяризировать*; невозможны варианты у глаголов *агонизировать* (вернее, существуют варианты для разных контекстов: *умирающий агонирует*, *режим хунты агонизирует*; в словаре С. А. Кузнецова: *агонировать*, –*рую*, –*руешь*; *агонирующий*; НСВ = *Агонизировать*.), *госпитализировать*, *иронизировать*, *латинизировать* (в разных значениях: *ассимилировать*, *уподоблять* чему-то латинскому и *перегружать* речь латинизмами), *механизировать*, *полемизировать*, *символизировать*.

Иногда – если нет вариантов – для корреляции по виду используются приставки, например: *просигнализировать*.

Перечислю некоторые распространенные **грамматические ошибки**:

а) употребление собирательных числительных по отношению к лицам или существам женского пола: *трое сестер* или *трое кошек*;

б) неизменение числительного *полтора*: *В течение полтора суток город опустел* (правильно: «*полтора суток*»);

в) путаница *оба* и *обе*³⁶ – вспоминается реприза из «Радионяни»:
– *Алик и Саша, подойдите, пожалуйста.*

– *Николай Владимирович, нам **обеим** подойти?*

– *Да, подойдите **обе**;*

г) неправильная корреляция глаголов по виду – классический пример из киноповести Г. Полонского «Доживем до понедельника» (*положить* – *класть*): «*Я им говорю: **не ложьте** зеркало в парту. **Ложат!***» (Таисия Николаевна, учительница младших классов).

Синтаксические ошибки

Самой распространенной синтаксической ошибкой является нарушение норм управления, например:

подтверждает о... (или *о том, что...*) – далее то же самое
взвесил о том, что...

36 Кстати, смешение *оба* и *обе* встречается в диалектах: *обе мужики*, *обоими руками* и т. п.

закон предусматривает о...
утверждает о...
понимает о...
поделиться о ...
показывая в нескольких словах о...
мы уже обсуждали об этом... и т. д.

Правильно следует говорить:

подтверждает то, что...
взвесил (что?) – например, все “за” и “против”...
утверждает, что...
понимает, что...
показывая, что...
мы уже обсуждали (что?) эту тему... и т. д.

Основная причина ошибок в таких оборотах – аналогия с формулировками, более общими по смыслу, то есть подгонка оборотов видового значения, требующих винительного падежа, под обороты родового значения, требующие предложного падежа или допускающие его. Так, обороты *подтверждать – что?*, *утверждать – что?*, *взвесить – что?*, *обсуждать – что?* и тому подобное – это разновидности генерального по смыслу оборота, содержащего предложный падеж *говорить – о чем?*

А вот, возможно, устаревший беспредложный оборот *проницать – что?* (Сейчас говорят: *проникать сквозь что-то.*) *Лучи маяков проницают туманы* (А. Блок. Король на площади); *Письма Блока – явление редкой культуры, и некогда письма те будут четвертою книгой стихов; здесь в поэте отчетливо разрывается лик “певчей птицы”*; и ясновзорная мысль *проницает сознание* (А. Белый. Воспоминания о Блоке).

Слова и выражения, аналогичные по смыслу (Русский язык и культура речи : учебник, практикум и словарь : в 2 ч. / под общ. ред. проф. В. Д. Черняк. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2013. – С. 269; примеры *отчасти* авторские – А. Ф.):

<i>обидеться (обижаться) (на что?) на критику</i>	<i>обижен (чем?) отставкой</i>
<i>обрадоваться (чему?) телеграмме</i>	<i>обрадован (чем?) известием</i>
<i>обращать (обратить) внимание (на что?) на детали</i>	<i>уделять (уделить) внимание (чему?) мелочам</i>
<i>опираться (на что?) на опыт</i>	<i>базироваться (на чем?) на расчетах</i>
<i>основываться (на чем?) на знаниях</i>	<i>обосновываться (чем?) теорией</i>
<i>отзываться (отозваться), дать отзыв (о чем?) о диссертации</i>	<i>дать рецензию (на что?) на статью</i>
<i>наполненный (чем?) водой, воздухом – наполнение в буквальном смысле</i>	<i>полный, (пре)исполненный (чего?) радости, гордости, восхищения, восторга – наполнение в переносном смысле</i>
<i>превосходство (над кем?) над соперником</i>	<i>преимущество (перед кем?) соперником</i>
<i>(вос)препятствовать (чему?) захвату</i>	<i>тормозить (что?) приватизацию</i>
<i>различать (что и что?) общее и индивидуальное, добро и зло</i>	<i>отличать (что от чего?) добро от зла</i>
<i>различие (между чем и чем?) между старым и новым</i>	<i>отличие (чего от чего?) добра от зла</i>
<i>(рас)сердиться (на кого? на что?) на шутника, на глупую шутку</i>	<i>рассержен (чем? но не кем) глупой шуткой</i>
<i>быть уверенным, уверен, уверенность (в чем?) в победе</i>	<i>вера (во что?) в победу</i>
<i>удивляться (удивиться) (чему?) вопросу</i>	<i>удивлен (чем?) предложением</i>
<i>(у)платить (за что?) за проезд</i>	<i>оплатить (что?) счет, проезд – это слово шире по своей сочетаемости: оплатить можно и услуги, и счет, где они зафиксированы</i>
<i>(у)плата (за что?) за переговоры</i>	<i>оплата (чего?) переговоров, счетов</i>

Оттенки значений одного слова (Там же. С. 270-273):

<i>вершить</i> (т. е. решать, совершать) (что?) <i>суд, расправу</i>	<i>вершить</i> (т. е. распоряжаться) (чем?) <i>судьбами</i>
<i>винить</i> (вина приписывается человеку без полной уверенности) (в чем?) <i>в бедах, неприятностях</i>	<i>винить</i> (вина очевидна) (за что?) <i>за опоздание, за грубость</i>
<i>воздать</i> (т. е. отдать, выразить, оказать) (что?) <i>должное</i>	<i>воздать</i> (т. е. отплатить) (чем?) <i>добром</i>
<i>гарантировать</i> (т. е. обеспечить) (кому что?) <i>парламенту неприкосновенность</i>	<i>гарантировать</i> (т. е. оградить, защитить) (кого от чего?) <i>клиента от случайностей</i>
<i>говорить</i> (в полном объеме) (что?) <i>правду</i>	<i>говорить</i> (в общем виде или, напротив, о частностях) (о чем?) <i>о пустяках</i>
<i>(по)жертвовать</i> (т. е. приносить в дар материальные ценности) (что?) <i>деньги</i>	<i>(по)жертвовать</i> (т. е. поступаться чем-либо, отказаться от чего-либо) (чем?) <i>комфортом,</i>
<i>заплатить</i> (т. е. отдать деньги) (за что?) <i>за проживание</i>	<i>заплатить</i> (т. е. возместить) (что?) <i>налоги</i>
<i>заслужить</i> (т. е. добиться) (что?) <i>славу</i>	<i>заслуживать</i> (т. е. быть достойным) (чего?) <i>славы</i>
<i>искать</i> (т. е. стараться найти спрятанное или потерянное) (что?) <i>книгу</i>	<i>искать</i> (т. е. добиваться) (чего?) <i>поддержки</i>
<i>обеспечить</i> (т. е. снабдить в необходимом количестве) (кого чем?) <i>рабочих материалами</i>	<i>обеспечить</i> (т. е. гарантировать, создать условия) (кому что?) <i>детям возможность учиться</i>
<i>ограничи(ва)ть</i> (т. е. поставить предел (кого чем?) <i>срок двумя сутками</i>	<i>ограничивать</i> (т. е. стеснять) (кого в чем?) <i>себя в еде</i>
<i>перемежаться</i> (т. е. сменяться чем-либо другим, идти попеременно) (чем?) <i>Лес перемежается просеками</i>	<i>перемежаться</i> (т. е. чередоваться) (с чем?) <i>Пение перемежается с чтением стихов</i>
<i>придать</i> (т. е. прибавить) (что?) <i>отряду артиллерию</i>	<i>придать</i> (т. е. усилить качество) (чего?) <i>бодрости</i>

<i>принадлежать</i> (входить в собственность) кому – <i>дом принадлежит семье</i>	<i>принадлежать</i> (входить в состав) к кому – <i>к одной семье, одному клану</i>
<i>удовлетворять</i> (исполнять требования) (что?) <i>просьбу</i>	<i>удовлетворять</i> (соответствовать) (чему?) <i>норме</i>
<i>удостоить</i> (признать достойным, наградить) (чего?) <i>награды</i>	<i>удостоить</i> (оказать внимание) (чем?) <i>взглядом</i>
<i>указать</i> (показать, перечислить) (что?) <i>необходимые книги</i>	<i>указать</i> (обратить внимание) (на что?) <i>на важное обстоятельство</i>

Ошибки могут возникать из-за контаминации (объединения) разных грамматических моделей, особенно если в оборотах, которые смешиваются, есть семантическая близость.

Президент так и говорил: я излагаю свой взгляд, своё видение на страну и на ключевые проблемы, которые ей придётся решить на пути своего развития (Попцов, О. Модернизация оптимизма / О. Попцов // ЛГ. – 2010. – № 8 — <http://lgz.ru/article/№8-6263-2010-03-03-/Modernizatsiya-optimizma11793/>). Интересно: он именно так и говорил: *видение на страну и на проблемы?* Здесь происходит грамматическая контаминация *видение – чего? – страны, проблем и взгляд – на что? – на страну, проблемы.*

Распространенную ошибку допускают журналисты, употребляя существительное в родительном падеже с предлогами “согласно” и “благодаря”: согласно приказа, согласно договора, благодаря хорошей погоды. Правильно: согласно приказу, согласно договору, благодаря хорошей погоде. Имя существительное в сочетании с предлогами “благодаря” и “согласно” употребляется в дательном падеже³⁷.

Ошибки и недочеты встречаются и на других уровнях. Они бывают речевыми и стилистическими. Например, тавтология – речевая ошибка, если это не осознанная автором небрежность, и она же – сти-

37 Новикова, В. И. Речевые ошибки в электронных СМИ / В. И. Новикова. См. электронный ресурс: <http://www.gramota.ru>

листический недочет, если это неудачный (например, неостроумный) прием.

Тавтология – это излишество, передаваемое однокоренными словами. Наиболее явные тавтологии: *произошло* *чрезвычайное происшествие*, *большая часть участников*, *объединить в одно*, *домоуправление нашего дома*. (Последний пример, разумеется, из «Собачьего сердца», остальные – из телевизионных текстов.)

Композиция Покровского собора единственная в своем роде. Она объединяет в единое целое восемь куполообразных... – здесь фраза обрывается («Я шагаю по Москве»); вообще-то их 11. Надо полагать, это не просто небрежность автора сценария (Г. Шпаликова), а стилизация речи экскурсовода, казённо и формально относящегося к своей профессии.

Иногда тавтологии бывают малозаметными и даже совершенно неочевидными, когда они связаны с фонетическими трансформациями: *Полный перечень обвинений перечислен...* или: *Почему же зрение нашей газеты стало близоруким?* (фильм «Как стать счастливым»?)

Плеоназм – излишество, передаваемое разнокоренными словами: *временная передышка*, *первое боевое крещение*, *другая альтернатива*, *патриот своей родины*, *продолжать дальше*, *ненужный хлам*, *этимология происхождения*, *более предпочитать*, *снова вернулся* (возвратился), *феномен имеет естественную природу*, *усугубляться всё больше* и др. (примеры из телетекстов).

Из «Самоубийцы» Н. Р. Эрдмана: *Вы мне очень необходимы, товарищ Калабушкин; (...) вы год как нигде не работаете и вам известно жить на чужом изживении.*

Вы все время повторяете, что старше меня на 24 года. Это надо же, какой точный педант («Развязка Петербургских тайн»).

Надеюсь, что вы поладите между собой (перевод «Фантомаса»).

Следует отметить, что тавтологии бывают оправданными и даже неизбежными. Как отмечает И. Б. Голуб, «употребление однокоренных слов в одном словосочетании, предложении бывает оправдано в

том случае, если они являются единственными носителями соответствующих значений. Не избежать повторения однокоренных слов, когда надо сказать: *Мать варит варенье; Накрой ведро крышкой; Постели постель.* В языке немало тавтологических сочетаний, употребление которых неизбежно: *словарь иностранных слов, следственные органы расследовали* и т. п.»³⁸

38 Голуб, И. Б. Русский язык и культура речи : учебное пособие / И. Б. Голуб. – Логос, 2002. – С. 251.

3 ТОЧНОСТЬ РЕЧИ

Точность – это прежде всего соответствие высказывания фактам, истинному положению вещей. Точность понимается как «одно из коммуникативных качеств речи: характеристика содержания речи на основе соотношения речи и действительности (фактическая, предметная точность), речи и мышления (понятийная, смысловая точность)»³⁹. Она обусловлена логическим законом тождества⁴⁰.

От неточности следует отличать некорректность, когда реалии жизни грубо не нарушаются. Например, много лет назад в газету (если автор этих строк не ошибается) «Аргументы и факты» кто-то (видимо, ученик 7 класса) прислал высказывание учителя физики: «Эйнштейну присудили Нобелевскую премию за открытие броуновского движения». Поскольку всем известно, что Эйнштейн знаменит созданием теории относительности, и почти всем – что он нобелевский лауреат, несложно построить силлогизм, что премию он получил именно за это. Оговорка учителя, по мнению школьника, продемонстрировала столь вопиющее невежество, что ученик послал ее в рубрику «Школьные маразмы».

Но такой ли это маразм на самом деле? Броуновское движение открыл ботаник Роберт Броун в 1827 г. – обнаружил, но не объяснил. Это сделал Эйнштейн. Нобелевская премия, вопреки распространенному заблуждению, была присуждена ему не за теорию относительности, а за теорию фотоэффекта и другие труды по математической физике, то есть *в том числе* по броуновскому движению. Так что учитель не сказал ничего крамольного, а лишь употребил не то слово («открытие» вместо «объяснения», то есть фактически «раскрытия») и неадекватно расставил смысловые акценты. Его слова следует читать не ложными, а некорректными. Некорректность – это искажение

39 Матвеева, Т. В. Точность речи / Т. В. Матвеева // Русский язык и культура речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова и Е. Н. Ширяева. – М., 2003. – С. 717.

40 Гречихин, А. А. Вузовская учебная книга. Типология, стандартизация, компьютеризация / А. А. Гречихин, Ю. Г. Девс. – М., 2000.

не столько информации, сколько ее структуры (отношения между ее частями), объема, релевантности (актуальности), причем несущественное, не ведущее к принципиальному изменению содержания.

Ошибки, связанные с нарушением такой точности, называются фактическими. Вот несколько примеров из текстов Ю. Латыниной: *В 1991 году, когда грянула перестройка...* («Земля войны») (в том году «перестройка» не «грянула», а, скорее, «отгремела»); *Но это было на сто градусов больше температуры костра, на котором сожгли Коперника* («Стальной король») или *«Она металась, как стрелка осциллографа»* («Земля войны»).

Нарушения фактической точности обычно лингвистически не заметны. Чтобы их обнаружить, нужно знать внеязыковые реалии – например, что у того же осциллографа стрелок нет. Конечно, нельзя сказать, что такие ошибки не проявляются в языке – в языке проявляется всё, о чем мы говорим или можем говорить.

Точность наименований

Мы уже отмечали, что качества речевой культуры неразрывно связаны друг с другом. Точность неотделима от правильности. Это проявляется, например, на словообразовательном уровне. Именно это качество определяет строение слова – его морфемный состав. Очень часто для верного понимания слова бывает существенно, какая выбирается морфема – в частности, префикс, как в предыдущем примере: *открытие* броуновского движения и *раскрытие* его природы.

Впрочем, иногда необходимо, чтобы морфемы четко различались еще и на слух.

Например, А. П. Чехов сделал набросок к одной из сцен главы IV рассказа «Новая дача»: *«Барин мужику: “Если ты не бросишь пить, то я буду тебя презирать”*. Дома бабы: *“Что барин сказал?” – “Говорит: буду призирать”* (то есть оказывать всяческую помощь – А. Ф.). *Бабы рады»* (1898).

Конечно, недоразумение здесь порождается не одной этой причиной, а общим несовпадением сознаний и стилей мышления и вы-

ражения: в конце концов, все поселяне поняли барина одинаково превратно. Барин произносит слово, которого деревенские люди, возможно, и не знают. Презрение – это чувство из мира аристократов. Зато есть своеобразная «логика» в том, чтобы пожалеть и призреть убогого, то есть пьяницу.

Бывают еще более курьезные примеры – в «Собачем сердце»: *Ляжете в клинику утром. Мой ассистент **приготовит** вас* – на обед или на ужин?⁴¹ Вот как развлекается наша псевдоученая буржуазия...

Итак, словообразовательная правильность нередко определяет лексико-семантическую точность.

Приведем некоторые особенно распространенные причины и примеры языковой неточности.

1) **Незнание истинного значения слова:** *Папа стоял на коленях на самой пляжной кромке и его, как маленького, тянул за руку рослый мокрый парень, один из отряда бугристых спасательных **кариатид**, которые обычно сутками торчали на своей деревянной вышке, обжираясь мороженым, заигрывая с курортницами, но по большей части, конечно, дурея от скуки* (М. Степнова. Женщины Лазаря. — М.: АСТ; Астрель, 2011).

Писательница явно перепутала кариатид с атлантами⁴². Кариатида – это скульптура женщины, причем выполняющая функцию колонны, да еще и в одежде. Так что образ неуместен трижды.

Иногда авторов подводит пристрастие к экзотике другого рода – к стилизации старины: *Галочка мечтательно смежала **сизокрылые вежды** и сквозь тяжелые кончики перепутавшихся ресниц видела мреющую, миражную комнату с гигантским окном, наполненным до самого горизонта сияющей водной гладью, в которой – микроскопически яркой точкой – таял притворившийся белым халатиком оди-*

41 Возможно, во времена М. Булгакова так и говорили, но, по иронии судьбы, в том же тексте приводится видовая пара к данному глаголу – именно в гастрономическом смысле: *А из горячих московских закусок – это первая. Когда-то их великолепно **приготавливали** в Славянском базаре.*

42 Кстати, в советские времена был известен роман белорусского писателя Ивана Шамякина «Атланты и кариатиды», об архитекторах.

нокий и необыкновенно обаятельный парус (М. Степнова. «Женщины Лазаря»).

Здесь мы видим некорректный образ: вежды – это веки, и смежать их можно, но почему они – «сизокрылые»? Из-за ресниц соответствующего оттенка? Ну, разве что.

Но бывают и явные ошибки: *Она стала, тихо опустив десницы вдоль тела* (Е. Колядина. Цветочный крест) – то есть у нее две правых руки.

Или:

У меня был забавный случай. Мой знакомый режиссёр собрался снимать клип на основе песни знаменитого барда и предложил мне написать сценарий. На каком-то торжестве он подвёл меня к этому барду, и тот, будучи без гитары, просто полунапел мне текст. Речь шла опять-таки о нашем парне, погибшем теперь уже в Чечне. Павший, как водится, отправлялся прямо на небо, и “Господь прижимал его десницами к груди”.

– Ну как? – спросил бард, закончив.

– Изумительно, – сообщил я. – Можно только одно маленькое редакторское замечание?

– Пожалуйста! – кивнул он, насупливаясь.

– Всё-таки наш православный Бог не Шива и вряд ли у него несколько правых рук. А если вас уж так тянет на старославянизмы, то поменяйте “десницы” на “длани”. Остальное нормально.

– Спасибо! – вымолвил бард, побуревший, как свёкла

Ю. Поляков. Орало эпохи
(ЛГ. – 2006. – № 52 — <http://www.lgz.ru/>)

Незнание значения (и даже самого слова) может быть комическим литературным приемом. Вот, например, сцена в ресторане:

Клеопатра Максимовна. *Мне претит эта скучная, серая жизнь. Я хочу диссонансов, Егор Тимофеевич.*

Егорушка. *Человек!*

Костя. *Что прикажете?*

Егорушка. *Диссонансов. Два раза. Для меня и для барышни.*

Костя. *Сей минут*

Н. Эрдман. Самоубийца

Иногда человек понимает слово приблизительно, то есть в целом адекватно осознает общий смысл слова, но меняет характер его отношений с действительностью: «И снова с грустью приходится отметить: ошибка, которая в прежних изданиях упоминалась как вопиющая, единственная в своем роде, за последние годы стала почти привычной. Уже в газете миллионы людей читают, что “Наташа Ростова – *прототип* сестры Софьи Андреевны Татьяны” (отметим как особый недостаток три родительных подряд – А.Ф.). Что за притча! (...) Нельзя же придавать слову обратный смысл! Читаем в газете: *прообраз прошлого* – опять та же дикость, бессмыслица, ибо в подобных случаях (как и в сочетаниях *про* запас, *про* черный день) *про* относит слово отнюдь не к прошлому, но только к *будущему*» (примеры Н. Я. Галь). Заметим, что в принципе литературный герой может стать прототипом реального человека, если последний ему подражает, «делает жизнь» с него, но такие метафоры нужно объяснять.

Неверное употребление слов часто сопровождается и нарушением их сочетаемости: *Маня радостно кивала добрым ртом, щедро набитым золотой рудой, и сдвигала в кучу барахло, чтобы папе было удобнее постелить полотенце* (М. Степнова. Женщины Лазаря); *заводы, (...) которые выпускали электроэнергию, с помощью которой делалась сталь* (энергию не выпускают, а производят, причем не заводы, а электростанции; строго говоря, и сталь не делается, а выпускается) (Ю. Латынина).

В этих случаях незнакомые или забытые (подзабытые) слова употребляются не по назначению, но хотя бы не искажаются.

Однако иногда неточное употребление слова приводит к видоизменению его внешнего вида, структуры и даже грамматического

значения, например: *млекопитающиеся* вместо *млекопитающие*. Первое слово, в принципе, было бы возможно, если бы оно означало животных, которые сами питаются молоком, – в частности, мух (пример Б. Н. Тимофеева-Еропкина)⁴³.

2) «**Народная этимология**» – подгонка незнакомого слова под знакомое. Слово при этом искажается. Оно становится внешне более привычным для говорящего, но совершенно бессмысленным. Примеры: *орел и орешка* вместо *орел и решка*, *полувёр* (то есть верующий наполовину?) вместо *пулёр* (примеры Б. Н. Тимофеева-Еропкина), *полуклиника* вместо *поликлиника*, *страховой полюс* вместо *полис*.

Даже если такие искажения распространены, то в разговорной речи. Если же они возникают в каком-нибудь литературном тексте, то обычно там и остаются. Вот, пожалуй, одно из редких исключений.

Гурмыжская. *А сколько бы ты дал за него?*

Восмибратов (подумав). *Рубликов пятьсот-с вам довольно будет?*

Гурмыжская. *Что ты, что ты? За тот полторы, а за этот пятьсот; ведь этот больше и лучше.*

Восмибратов. *Точно-с. Извините! Это я так маханально, не подумавши; да и неохота с этим делом вязаться теперь. А как ваша цена?*

Гурмыжская. *Да по крайней мере две тысячи*

А. Н. Островский. Лес

Словечко *маханально*, то есть искаженное *машинально*, приглянулось многим, приобрело новый смысл (беспардонность) и стало использоваться в частной речи:

⁴³ См. : Тимофеев-Еропкин, Б. Н. Правильно ли мы говорим? / Б. Н. Тимофеев-Еропкин. – Л., 1961. – С. 21-22.

Ваш Розанов пишет набор фраз, пишет, выражаясь словами Михайловского, “маханально”, цепляясь за созвучия, пересыпая все: “тайна!..”, “не постигаю!..”

В. Свенцицкий – П. Флоренскому 31.VII.1904;

и в публичной – прежде всего в публицистике – кстати, пишущий ссылается на статью, возможно, самого популярного и влиятельного критика того времени. Цитирую:

“Порнография”, хотя и “философическая”, и “любодейный дух”, прикрытый фиговыми листьями работы г. Шарапова, – не думаю, чтобы главным образом в этом состояло неприличие г. Розанова как писателя. Неприличен он прежде всего своей нечистоплотной маханальностью: той развязностью, с которой он пускает в обращение небывалые факты собственного сочинения или делает достоверные, но ни для кого не интересные, сообщения о подробностях житейно-бытия своих знакомых; той небрежностью, с которой он пишет “первые попавшиеся слова”, не давая себе труда в них вдуматься, и даже прямо и просто свой бред печатает

Н. К. Михайловский. О г. Розанове, его великих открытиях, его маханальности и философической порнографии

Здесь «народная этимология» становится уже приемом.

Или:

Сгоряча г. Милюков выслал старшего дворника газеты “Речь”, человека грубого и бестолкового, который “маханально” обругал меня нехорошими словами. Дворник заявил, что мой запрос – “дрянной прием партийной фальсификации”. Что поэтому – запрос не заслуживает ответа

Л. Д. Троцкий. Итоги “балканского запроса”

Итак, кем-то совершенная ошибка может совершенно изменить свой характер, когда кто-то обращает на нее внимание и вводит в иной контекст, в котором неверная формулировка обретает смысл.

Например: *Она так и говорила – “скрипя сердцем”*. Она правильно говорила – я слышал пронзительный, душераздирающий скрип этого ожесточенного сердца. Оно не было смазано ни одним добрым чувством (А. и Г. Вайнеры. *Завещание Колумба*). Или вот название статьи Михаила Сильвановича – «Цена “борделя” нефти» (ЛГ. 2009. № 8 – <http://www.lgz.ru/article/№8-6212-2009-02-25>): **Баррели за доллары превратили нашу экономику в самый настоящий бордель, где не работают, а облапошивают, а потом нагло гуляют всем напоказ. Заведение сие давно пора прикрыть.**

В Интернете довольно часто встречается словечко “импотекa”. В ответ на запрос поисковые системы выдают от 2 до 4 тысяч ссылок. Оно известно уже более 10 лет. Его конкретный автор не известен, так что это слово можно считать народным творчеством. Скорее всего самые разные люди сочиняют его независимо друг от друга по общей модели каламбурной контаминации слов *ипотека* и *импотенция*.

Надо сказать, что такая «народная этимология», скорее, ближе к детской. Во-первых, «взрослая» «народная этимология» – это, как правило, результат неосознанной ошибки, именно ошибки, чаще всего ослышки. Детская «народная этимология» – результат игры или сознательного желания исправить «неправильное» слово.

Во-вторых, в строгом смысле слова «взрослая» «народная этимология» – это сугубо формальная субституция (подгонка незнакомого под знакомое). Переделанное слово становится внешне более привычным, но смысла не приобретает, а иногда делается еще более абсурдным. Типичная «народная этимология» – это *битон молока* (то есть бидон), *страховой полюс* и т. п.

Детская же «народная этимология» – это не просто переделка слов, а внесение смысла в бессмыслицу. Типичные примеры – из книги «От двух до пяти» К. И. Чуковского: *вертилятор* (вентилятор), *улицционер* (милиционер), *песковатор* (экскаватор), *прицепт* (рецепт: потому что прицепляется к аптечной бутылке).

Скрипя сердцем, бордель нефти, импотекa – явления аналогичные, хотя эти неологизмы придуманы не детьми.

3) **Смешение сходных понятий: Первая теорема, которая не требует доказательств:** “*Не родись красивой, а родись активной*” (фильм «Самая обаятельная и привлекательная»). Теоремы как раз требуют доказательств, в отличие от аксиом.

4) **Смешение паронимов:** *на банной пólке* (вместо: *на банном полкѐ*), а также **парономазия:** *Антеи небо держат* (вместо: *Атланты*).

5) **Смешение однокорневых слов (дублетов),** похожих на паронимы и даже многими относимых к ним. Дублеты ближе другу к другу, чем паронимы, – по семантике и по структуре.

Например:

Судья. *Сначала покончим с этим свидетелем* (Суд присяжных. 16.01.2012);

Весьма часто смешиваются слова *надевать* (одежду) и *одевать* (кого-то); *порезать* (палец) и *нарезать* (колбасу – в этом случае вместо второго часто употребляется первое); *дать закурить* или *прикурить* – дать соответственно сигарету и огня или только второе; *лиричный* (проникновенный, полный поэзии) и *лирический* (относящийся к лирике). О реке следует говорить, что она *стала* (замерзла), а не *встала* (поднялась на дыбы). К таким словам можно отнести и варианты словоформ, у которых меняются не аффиксы, а флексии (нередко с перемещением ударения), если это связано с изменением смысловых оттенков: *учителѣя* (преподаватели) и *учѣтели* (те, у кого учатся, кому подражают)⁴⁴; *языкóвый* (сделанный из языка) и *языковóй* (лингвистический).

б) **Нечувствительность к семантическим оттенкам синонимов.** Пример такого рода приводит Б. Н. Тимофеев-Еропкин в замет-

44 См. в «Отцах и детях» И. С. Тургенева:

– *Вы собственно физикой занимаетесь?* – спросил, в свою очередь, Павел Петрович.
– *Физикой, да; вообще естественными науками.*
– *Говорят, германцы в последнее время сильно успели по этой части.*
– *Да, немцы в этом наши учителя,* – небрежно отвечал Базаров.

ке с характерным названием «Об одной маленькой неточности, заметной только для чуткого уха». Выражения типа *Закрой дверь!* или *Открой окно!* нельзя считать безусловно правильными. Открываются и закрываются предметы, имеющие крышку (сундук, шкатулка), а открываются и затворяются предметы, имеющие створки (окна, ворота).

Отметим также неучет полисемии, причем даже в тексте, который признан классическим (мы на него уже ссылались): *Ляжете в клинику утром. Мой ассистент **приготовит** вас* («Собачье сердце»).

7) **Двусмысленность метафорического или фразеологически связанного значения** – в таких случаях «внутренняя форма», скрытый, давно уже не ощущаемый первоначальный смысл слова актуализуется в некоторых контекстах. Воспользуемся примерами из книги *Норы Галь*: «**“Пыль наводнила пространство”**»; «**“Идите к черту, – сказал он и поторопился *отойти*”** – похоже, что и сам говорящий либо пошел к черту, либо отошел от черта подальше!». При этом иногда возникает **оксюморонный эффект**: *“Громко вскрикнула она, онемев от страха”*, – вероятно, похолодев?

Весьма распространены невольные оксюмороны *полная опустошенность, полное запустение, полное опустошение и т.п.*

Впрочем, такой оксюморон может использоваться и как прием, передающий, вероятно, впечатление шока или того, что называют «когнитивным диссонансом»:

*Дрожь у Даши вдруг прекратилась. Какое-то короткое время она чувствовала внутри **полнейшую пустоту**. Пустоту и тишину. И вот в эту пустоту и тишину хлынуло что-то, готовое ее разорвать. Сначала в грудь хлынуло, метнулось в голову. Огромными лапами сжало, сдавило мозг, но распирало череп. Сейчас лопнет...*

– Идиоты, блин! – закричала она, уже никого не видя, оглядываясь слепо. – Чего вам надо всем? Чего вы хотите?!

Р. Сенчин. Чего вы хотите? (Дружба народов. 2013. № 3)

8) **Экстравагантная метафоризация:** *На плече его был водосточный жёлоб гранатомёта* (Ю. Латынина. Земля войны).

9) **Нарушение фразеологизма через употребление в его составе неверного слова:** *«Можно ли творить чудеса ударом волшебной палочки? С детства мы помним, что феи в сказках проделывали это не ударом, а взмахом, мановением, легким движением волшебной палочки»* (пример Н. Я. Галь);

через **контаминацию**, то есть **объединение**, разных фразеологизмов: *«“Нас постигла редкая удача” – не странное ли сочетание? Постигает – неудача, беда, несчастье, а удаче сродни глагол менее мрачный: нам выпала... И однако такую оговорку встречаешь у большого писателя»* (пример Н. Я. Галь).

Автор этих строк сочинил такую эпиграмму – вольный перевод Л. Кэрролла:

*Коль покоренье мира входит в ваши цели,
Должны вы занести на памяти скрижали:
Прекрасно, если вы победу потерпели,
Но и другие поражение одержали.*

Здесь видоизменение фразеологизмов – разумеется, не плод невежества, а прием, означающий, что и победа, и поражение в данном случае сомнительны, что одно не отличается от другого.

В аспекте культуры речи мы называем неточностью любое нарушение точности как необходимого коммуникативного требования – любые отклонения высказывания от реальной действительности – ложное и некорректное, намеренное и ненамеренное, с очевидными и неочевидными языковыми нарушениями.

Это не значит, что мы не будем разграничивать такие нюансы. Напротив, необходимо не только различать их, но и по возможности определять типичные для них отличительные признаки. Это нужно хотя бы для борьбы с манипуляцией сознания.

И в заключение мы выделим некоторые частные категории, входящие в состав макрокатегории «точность/неточность»⁴⁵.

Идентичность – тождественность, равнозначность, одинаковость, подобие предметов, явлений и понятий.

Истинность – соответствие высказывания объективной реальности. Это понятие более глубокое, чем идентичность. Истинность информации – это мера, степень ее соответствия своему объекту. Истинность – отражение не всех признаков объекта, а тех, которые составляют его сущность.

Модальность – это отношение к объективной действительности, определяемое степенью достоверности, то есть возможности, действительности или необходимости.

Достоверность – правильное, точное, не вызывающее сомнений отображение предметов и явлений окружающего мира; проверенное практикой знание. Одна из самых распространенных ошибок – фактическая недостоверность.

Очевидность – качество, достоверность которого не требует специальной проверки.

Определенность означает, что все мысли при повторении употребляются в одном и том же значении, в них вкладывается одно и то же точное, четкое содержание, соответствующее отображаемому в них предмету, явлению.

Однозначность – устойчивость, определенность, точность мысли, обусловленная законом тождества.

Недвусмысленность – положительное качество высказывания, когда в одно и то же понятие, относимое к одному и тому же времени и в одном и том же отношении взятое, вкладывается один и тот же смысл, одно значение. Понятие более конкретное, чем определенность.

45 См. : Гречихин, А. А. Вузовская учебная книга. Типология, стандартизация, компьютеризация / А. А. Гречихин, Ю. Г. Девс. – М., 2000. – С. 78-81.

Конкретность – преимущественное использование возможно ближайших видовых и конкретных понятий, примеров, фактов.

Содержательность – оптимальное соответствие текста сущности излагаемого предмета (объекта, явления, понятия). В узком понимании содержательность – это смысловая насыщенность произведения.

Ясность обусловлена прямой реакцией читателя на привычность, известность элементов и их связей в тексте. Ясно то, чего можно было ожидать, что уже угадывалось как в плане содержания, так и в плане выражения. Средством достижения ясности могут быть повторения в плане содержания, выраженные новыми словами и конструкциями. Ясность зависит от читательского восприятия, четкости и определенности структуры изложения, языковых связей, от того, отделяется ли главное от второстепенного, известное от неизвестного и т. п. Ясность противостоит неясности, то есть различного рода нарушениям плана содержания и плана выражения, а также их взаимосвязей.

4 ПОНЯТНОСТЬ, СВЯЗНОСТЬ, ЛОГИЧНОСТЬ РЕЧИ

Для корректного понимания текста нужно исключить амфиболию, то есть двусмысленность, которая может создаваться порядком слов и некоторыми другими факторами.

Покажем это на примере одного из самых знаменитых стихотворений Игоря-Северянина:

ЭТО БЫЛО У МОРЯ...

Поэма-миньонет

*Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла – в башне замка – Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.*

*Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерезать гранат,
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.*

*А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.*

Если бы автор не поставил двойное тире в строках

*Королева играла – в башне замка – Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж,*

это можно было бы понять таким образом: королева в башне замка, принадлежавшего некоему Шопену, играла во что-то (например, в

карты) или на чем-то, а в это время ее паж, слушая речи Шопена, кого-то полюбил.

Кроме того, паж, вероятно, был еще и композитором, поскольку текст завершается словосочетанием *соната пажа*. Это замечание наводит на мысль о том, что королева играла все-таки не в карты, а на музыкальном инструменте – сонаты, сочиненные пажом. И полюбила его – «вся в мотивах» этих сонат.

Собственно говоря, на слух, мы именно так и можем воспринимать данный текст. Глаголы *играть* и *полюбить* не требуют после себя обязательных дополнений, конкретизирующих, во что (или что) играла королева и кого полюбил паж. Чтобы понять это высказывание правильно, необходимы корректная пунктуация – два уточняющих тире, снимающие амфиболию, возникающую при таком порядке слов (то ли *замок Шопена*, то ли *играла Шопена*), и фоновые знания, прежде всего, кто такой Шопен, и тогда мы поймем, что его имя употребляется в метонимическом значении: музыка Шопена. Впрочем, амфиболия *полюбил ее* и *ее паж* всё равно остается.

Кроме того, зная, что И.-Северянин был склонен к сочинению **окказиональных** (авторских) слов, хотя в данном тексте их нет, мы вправе предположить, что они есть – если мы впервые воспринимаем это стихотворение, *особенно на слух*. Например: *где встречается царетка (то есть встречается редко) городской экипаж*. Мы можем предположить, что *царетка* – это принцесса (принцесса встречается экипаж в это время, как ее мать королева играет в замке). Разумеется, такая фраза довольно бессмысленна, однако в той фразе, которая дана у И.-Северянина, смысла не намного больше. Так что не всё ли равно, какое из двух малопонятных высказываний употреблено автором: одно вполне может быть вместо другого.

То же относится к фразе *Королева просила перерезать гранат*. Поскольку здесь уместнее глагол *разрезать*, то фразу можно понять и так, что королеве мешали какие-то *гранаты* (предположим, в той

стране так называются фрейлины – может быть, какие-нибудь грандессы), и она попросила их всех перерезать.

Такие фантастические словечки (*царетка, гранаты*) называются «мондегринами». Вспомним некоторые знаменитые мондегрини: *И колокольчик, дарвалдая* (то есть *дар Валдая*), *гудит уныло под дугой; кустракиты над рекой;* (то есть *куст ракиты над рекой*), «**Береж-карики**» – название вокального цикла дуэта «Иваси» (А. Иващенко и Г. Васильев) (строка одной из песен: *Давным-давно прошла баржа вдоль бережка реки*).

Мондегрини возникают и вследствие «ослышки»: *Души прекрасные порывы* (призыв душисть); *С огнем Прометея* – призыв: *Согнем Прометея!*⁴⁶, у А. С. Пушкина: *Слыхали ль вы*, которое на слух воспринимается как *слыхали львы*; у М. А. Булгакова: – *Очень хорошая мысль, – одобрил прокуратор, – (...) клянусь вам пиром двенадцати богов* («*Мастер и Маргарита*»), то есть на слух: *клянусь вам-пиром двенадцати богов*.

Амфиболии часто производят анекдотическое впечатление. Например, в фильме «Как стать счастливым?» писатель-неудачник мучительно и безуспешно строит фразу: *Музыкант отодвинул стул от рояля, откинул фалды* (куда? на рояль? – А. Ф.), *поднял руки с белыми манжетами и ударил ими по клавишам*, а его коллеги иронизируют:

– *Чем? Манжетами?*

– *Нет, фалдами.*

Или – в фильме «Дуэнья»: *Я сам их видел в объятиях у старой мельницы* (их обнимала старая мельница?).

Заголовок: *Американский миллиардер признался в убийстве по телевидению* (<https://news.mail.ru/incident/21387785/?frommail=1>): он по телевидению признался или совершил убийство?

46 Голуб, И. Б. Основы культуры речи : пособие для учащихся 8-9 классов / И. Б. Голуб. – М. : Просвещение, 2005. – С. 43.

Теперь остановимся на культуре дискуссии.

По словам выдающегося философа Э. В. Ильенкова, «умение действительно грамотно спорить (а не пререкаться!) с другим человеком – с внешним оппонентом, которого ты признаешь равным себе, лежит в основании другого, еще более ценного умения – умения спорить с самим собой, то есть в основании самокритичности мышления (...) Умение постоянно полемизировать с самим собой, без наличия внешнего оппонента, поэтому и является признаком высшей – диалектической – культуры ума. Другого противоядия против субъективно-одностороннего рассмотрения окружающего мира нет» (<http://caute.tk/iljenkov/texts/ums/iii.html>).

Иначе говоря, **диалектика – явление объективное**. Мир неоднозначен, противоречив, и культура мышления проявляется в том, что человек не придумывает противоречия, не навязывает их действительности, а выявляет то, что содержится в действительности. Мы не придумываем диалектику и логику, а извлекаем их из реального положения вещей, из подлинных отношений в мире.

Совершенно противоположного взгляда придерживается А. Шопенгауэр: «Каждый имеет собственную, природную диалектику, как и собственную логику, с тою только разницею, что первая не такая верная, как последняя. Люди редко думают и выводят заключения, противные законам логики, ложные суждения весьма часты, но ложные заключения очень редки. Вот почему редко можно найти человека с недостатком собственной природной логики и так часто с недостатком природной диалектики»⁴⁷.

Иначе говоря, все мы – философы, все – мыслители. Шопенгауэр не ищет «противоядия» от субъективизма. От этого один шаг до такой – очень откровенно высказанной – позиции: «Макиавелли советует князю пользоваться каждой минутой слабости своего соседа, чтобы напасть на него, потому что в противном случае этот же сосед

⁴⁷ Шопенгауэр, А. Эристика, или Искусство побеждать в спорах / А. Шопенгауэр. – СПб., 1900. – С. 10.

может воспользоваться его минутной слабостью. *Совсем иное дело, если бы господствовала правда и искренность; но нет возможности ни рассчитывать на них, ни руководствоваться этими принципами, потому что за такие хорошие качества награда бывает весьма плохая. Таким же образом следует поступать в споре* (курсив мой – А. Ф.). Весьма сомнительно, оплатит ли тебе противник тем же, если ты в споре отдашь ему справедливость, когда эта справедливость только кажущаяся; почти наверно можно сказать, что он не будет великодушничать а поведет дело *per nefas*⁴⁸; а отсюда вывод, что и ты *должен* (! – А. Ф.) поступать так же. Легко соглашусь с тем, что всегда надо стремиться к правде и что не надо быть пристрастным к собственным взглядам; но откуда знать, будет ли другой человек придерживаться того же мнения, что и мы»⁴⁹.

Шопенгауэр – принципиальный пессимист во всём. Не веря в благородство человеческой природы, он считает, что нечестность в споре – вещь абсолютно допустимая, а вовсе не постыдная. Впрочем, справедливости ради следует уточнить, что он не считал дискуссию принадлежностью науки. Для него это – «искусство», как, впрочем, и философия вообще.

Сочинение Шопенгауэра называется «*Эристикой*».

Чтобы дальнейшее рассмотрение этой темы оказалось плодотворным, определимся с важнейшими терминами.

Эристику часто смешивают с софистикой, используя то и другое как наименование недобросовестного, нечестного спора.

На самом деле это вещи весьма различные, даже принципиально.

Обычно выделяют три вида дискуссии – аподиктический, эристический и софистический.

Строго говоря, дискуссия и полемика – совсем не одно и то же, это даже противоположные вещи. *Дискуссия* – дело «мирное»: это ла-

48 Точное изречение: *per fas et nefas* (лат.) – правыми и неправыми путями, о достижении цели любыми – честными и нечестными средствами. Шопенгауэр говорит именно о нечестных способах.

49 Шопенгауэр, А. Цит соч. / А. Шопенгауэр. – С. 9-10.

тинский термин, в переводе означающий «исследование». Напротив, *полемика* – слово греческое со значением: «война», а, как известно, *a la guerre comme a la guerre*.

По-настоящему дискуссией может считаться только *аподиктика*, основанная на формальных законах мышления и корректных правилах умозаключения; цель ее – поиск истины.

Остальные представляют собой искажение или даже извращение логики.

Софистика – хотя слово и происходит от «*софии*», то есть мудрости, – это не мудрость, а *мудрствование* (можно и нужно добавить: *лукавое*). Софистика – это манипулирование правилами мышления, сознательное нарушение его законов и правил. Цель софистики – доказать всё, что угодно⁵⁰. **А если точнее, не доказать, а внушить всё, что угодно, потому что, соблюдая правила мышления, достичь этой цели невозможно.** Объективную истину софисты отрицают принципиально.

Однако софистика – это все-таки еще логика. Очень плохая, извращенная, но логика.

А вот *эристика* уже совершенно не связана с логикой. Это явная, бесстыдная демагогия, главный прием которой – уловка, а цель – победа и посрамление противника любой ценой. Если говорить точно, то любой *нечестной* ценой, или, как было сказано, *per nefas*. Умные и честные мыслители еще в древности знали цену подобного, с позволения сказать, искусства спора. Один из отцов риторики – Квинтилиан очень верно сказал: *«Импровизаторы хотят казаться умными перед дураками, но вместо того оказываются дураками перед умными людьми»*.

Фактически то, о чем написал свой трактат Шопенгауэр – это софистика, а не эристика.

50 Одним из основоположников софистики был Горгий Леонтийский, о котором Платон с явным одобрением говорил, что тот *открыл, что вероятное важнее истинного*, и умел в своих речах *малое представить великим, а великое малым, выдать старое за новое и новое признать старым, об одном и том же предмете высказывать противоречивые мнения*.

Обычно человека, с которым спорят, называют оппонентом (противник в споре – по словарю Д. Н. Ушакова). Это не совсем точно. Оппонент – тот участник спора, который является ведомым. В диалоге участвуют *пропонент* – тот, кто играет ведущую роль, выдвигает и отстаивает тезис и *оппонент* – тот, кто этот тезис оспаривает⁵¹.

Теперь обратимся к описанию уловок. За основу мы взяли книгу С. И. Поварнина «Искусство спора» (СПб : Лань, 1996), классическое эссе Карела Чапека «Двенадцать приемов литературной полемики, или Пособие по газетным дискуссиям», а также: Русский язык и культура речи : уч. пос. / под ред. В. И. Максимова. – М. : Гардарики, 2000 ; Родос, В. Б. Правила дискуссии и уловки спора / В. Б. Родос. – М. : Идея-Пресс, 2006.

Логические уловки

Ложное отождествление, или подмена термина (подмена понятия) – нарушение закона тождества.

Идеальный пример — из «Мастера и Маргариты»:

– *Я к тебе, дух зла и повелитель теней, – ответил вошедший, исподлобья недружелюбно глядя на Воланда.*

– *Если ты ко мне, то почему же ты не поздоровался со мной, бывший сборщик податей? – заговорил Воланд сурово.*

– *Потому что я не хочу, чтобы ты здоровствовал, – ответил дерзко вошедший.*

– *Но тебе придется примириться с этим, – возразил Воланд, и усмешка искривила его рот, – не успел ты появиться на крыше, как уже сразу отвесил нелепость, и я тебе скажу, в чем она, – в твоих интонациях. Ты произнес свои слова так, как будто ты не признаешь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты обо-*

51 Русский язык и культура речи : уч. пос. / под ред. В. И. Максимова. – М., 2000. – С. 120.

драть весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп.

– Я не буду с тобой спорить, старый софист, – ответил Левий Матвей⁵².

«Старый софист» Воланд – то есть отец лжи – производит целых два ряда подмен, причем весьма вульгарно, грубо, не проявляя никакой изобретательности и остроумия. Он ставит знак равенства, во-первых, между тенью и светом в буквальном и в переносном смысле (в переносном смысле это этические категории, в буквальном – нет); во-вторых – уравнивает свет и добро, тени и зло. То, что справедливо для одного, должно быть справедливо для другого. И если тени и зло – одно и то же, если живое и вообще мир не может существовать без теней, то, следовательно, мир не может существовать (просто погибнет!) без зла. Демагогия же заключается в том, что тени и зло – отнюдь не одно и то же, и тени – вовсе не зло, а необходимый и естественный элемент бытия. Без теней мир существовать не может, но без зла он существовал бы великолепно.

Если речь зашла о демагогии, то следует сказать, что существует и особая уловка под названием «демагогия», когда преувеличиваются отрицательные последствия того или иного решения, а чаще и просто искажаются.

В данном случае мы имеем дело с демагогией и в таком смысле. Воланд заявляет, что без зла настанет конец света.

Недостаточность аргумента (“non sequitur” – не следует, или не вытекает, буквально: не связывается) – нарушение закона достаточного основания. Допустим, некто заявляет: «Наполеон носил серую куртку и К. носит серую куртку, значит К. – Наполеон» (пример С. И. Поварнина). Здесь нет связи между основаниями и тезисом (чтобы быть Наполеоном, недостаточно носить серую куртку). Разумеется, это утверждение в высшей степени абсурдно, и вряд ли кто-

52 Булгаков, М. А. Александр Пушкин. Записки покойника. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков. — М.: АСТ МОСКВА, 2009. — С. 579-580.

нибудь из здравомыслящих людей станет его высказать. Однако в жизни есть не менее абсурдные вещи, которые высказываются очень откровенно и не вызывают смущения у говорящего. Он всерьез утверждает, что для того чтобы относиться к лучшей части человечества, *достаточно* принадлежать к определенному кругу, быть членом определенной партии и т. п. Хотя с тем же успехом можно считать себя Наполеоном.

Ложная предпосылка. Самый знаменитый пример такого рода: *«Ты имеешь то, чего не терял»*. Отсюда вытекает силлогизм: *«Ты не терял рогов. Следовательно, ты их имеешь»*.

«Бремя доказательства». Противник высказывает заранее приготовленный им тезис, не аргументируя его, зато предлагая «убийственный» вопрос: *«Что вы можете возразить против этого?»* Однако противник и не обязан возражать. Бремя доказательства должно возлагаться на того, кто высказал тезис, то есть это он должен обосновывать свою правоту.

Социально-психологические уловки

Некорректная формулировка альтернатив: *«Девочка, чего ты хочешь: чтобы тебе оторвали голову или поехать на дачу?»* (из фильма «Подкидыш»).⁵³

Другой вариант – вопрос, который мучает Раскольникова: *«Тварь я дрожащая или право имею?»*. Вообще, вся бредовая теория Раскольникова демонстрирует патологическую глупость этого персонажа, о чем можно было бы говорить долго. Сама формулировка чрезвычайно косноязычна и туманна по смыслу, ее не так-то просто

53 Ситуация общеизвестная, однако на всякий случай напоминаю, в чем она состоит. Мама оставила старшего сына с маленькой сестренкой. Брату понадобилось уйти из дома, и он пригрозил «оторвать голову» сестренке, если она будет плохо себя вести. Сестренка, разумеется, тотчас вышла погулять и, разумеется, заблудилась. Затем на ее пути встретились пожилые бездетные супруги, нежно именующие друг друга Лялей и Мулей. Ляля (Ф. Раневская) приняла решение удочерить ребенка. Муля резонно возразил, что нужно спросить девочку, не хочет ли она вернуться домой. Ляля, убежденная, что над девочкой дома издеваются, выдает свою сакраментальную фразу «Муля, не нервируй меня», а затем, пойдя на уступку мужу, изрекает другую фразу, не менее колоритную: «Девочка, чего ты хочешь: чтобы тебе оторвали голову или поехать на дачу?»

понять, но, кроме всего прочего, это еще и **ложная дилемма**. Она означает, что если человек не злодей, способный на любое преступление, то он – ничтожество, и никаких иных вариантов быть не может. *Tertium non datur* — третьего не дано. Моральный и интеллектуальный уровень этой, с позволения сказать, концепции вполне очевиден⁵⁴.

«**Аргумент к тщеславию**» предназначается для честолюбивых людей и существует обычно в двух вариантах – в виде:

а) «**приманки**» – неявной лести, намек на то, что оппонент в случае согласия с вашей точкой зрения проявит ум, проницательность;

54 Подробно по всем пунктам опровергать Раскольникова мы не будем, но некоторых наиболее слабых моментов его пресловутой «теории» коснемся, тем более в рамках разговора о связности и логичности. Эта «теория», якобы продуманная *во всех деталях* (или Достоевский сказал это в шутку?), опровергается элементарно. Раскольникову было совсем не обязательно проверять ее столь жуткой практикой, достаточно было бы некоторых простейших контраргументов.

Во-первых, он, разумеется, «тварь дрожащая», ибо тот, кто «право имеет», не решает проблемы с помощью топора: ему достаточно харизмы. Агрессия и насилие – оружие слабых.

Во-вторых, можно было попробовать «доказательство от противного». Не совсем понятно, что такое «иметь право», но, по-видимому, это означает: иметь право на всё *без исключения*. Иначе говоря, это абсолютная свобода, безо всяких ограничений. Раскольников рассуждает так: если он решится на самое страшное, то он способен вообще на всё. Но тогда логично предположить обратное: если он не способен хотя бы на что-то, пусть самое мелкое, – значит, он автоматически уже не «Наполеон». Раскольников мог попробовать начать с чего-нибудь поскромнее, даже не начать практически, а только поставить перед собой вопрос: «А мог бы я, например, стать алкоголиком, как Мармеладов?». Скорее всего, он оказался бы неспособен даже на это – следовательно, он *уже* не «Наполеон», и дальнейшие «эксперименты» излишни.

В-третьих, сама дилемма Раскольникова, мягко говоря, парадоксальна. «Тварь дрожащая» – это не просто ничтожный, а заурядный человек и, соответственно, тот, кто «право имеет» – это «Наполеон», то есть человек необыкновенный. Однако сделаться «Наполеоном» – это самое банальное стремление, и, как ни странно, это понимают и персонажи романа («Полно, кто же теперь себя Наполеоном не считает!»). Поэтому Раскольников, чтобы стать действительно необыкновенным человеком, должен *не подражать* Наполеону, а попытаться его *превзойти*. Отдельный вопрос: почему нужно подражать Наполеону в злодействах (которых тот *не совершал!*), а не в подвигах? Но даже если Раскольников был убежден, что Наполеон в критической ситуации *мог бы* пойти на убийство (все-таки правильно Раскольникова выгнали с юридического факультета!), то почему бы Раскольникову не попытаться стать *выше* Наполеона и не совершать преступления?

Это далеко не все доводы, которые доказывают несостоятельность теории Раскольникова, но никому из героев этого «философского романа» они в голову почему-то не приходят.

б) «подмазывания аргумента» – откровенной лести: *Вы же умный, проникательный (прогрессивный, гуманный) человек – как вы можете придерживаться таких взглядов!* и т. п.

«Самовосхваление» – рассказ или напоминание о своих достижениях, заслугах, талантах, богатом опыте и, в конце концов, навязывание собеседнику подчиненной роли.

«Досказывание» – перевод спора в желательное для говорящего русло с помощью формулировок: «Да, я понимаю, куда вы клоните...», «Вы, конечно, хотите сказать...» и т. п., хотя собеседник и не собирался говорить ничего подобного. За этим обычно следует довод: «Времени мало, поэтому я кратко сформулирую вашу мысль».

“**Argumentum ad hominem**” – «переход на личности». Уловка очень грубая и примитивная, но распространенная: *Какое вы имеете моральное право критиковать такого-то? Вы сами не без греха.* Возможно, не без греха и даже не без многих грехов, однако спорить нужно не с человеком – хоть трижды грешным, – а с идеей.

Разновидность этой уловки – «чтение в сердцах», то есть приписывание оппоненту неблагоприятных (корыстных) мотивов поведения: *Знаем мы, чьи интересы вы на самом деле защищаете* и т. п.

«Гибкая терминология» – подбор слов, который вызывает у слушателей положительный или, чаще, отрицательный настрой.

К. Чапек представляет эту уловку в двух видах.

а) **Termini** (терминология – лат.) – использование штампов с отрицательной окраской, когда «говорят “брызжет слюной” вместо “протестует”, “клеветает”, вместо “отмечает”, “обливает грязью” вместо “критикует”, и так далее. Будь вы даже человек на редкость тихий и безобидный, словно ягненок, с помощью подобных выражений вы будете наглядно обрисованы как субъект раздражительный, сумасбродный, безответственный и отчасти ненормальный. Это, кстати, само собой объяснит, почему ваш уважаемый противник обрушивается на вас с такой горячностью: он просто защищается от ваших вероломных нападок, ругани и брани».

б) «Caput canis (здесь: приписывать дурные качества – лат.). Состоит в искусстве употреблять лишь такие выражения, которые могут создать об избиваемом противнике только отрицательное мнение. Если вы осмотрительны, вас можно назвать трусливым; вы остроумны – скажут, что вы претендуете на остроумие; вы склонны к простым и конкретным доводам – можно объявить, что вы посредственны и тривиальны; у вас склонность к абстрактным аргументам – вас выгодно представить заумным схоластом, и так далее» (К. Чапек. Двенадцать приемов литературной полемики).

Иногда это делается не столь грубо и откровенно, а завуалированно – может быть, даже в виде похвалы, но такой, что она не делает человеку чести, отрицая в нем более серьезные (т. е. подлинные) достоинства. В этом, например, Л. Троцкий упрекает К. Чуковского, пишущего о М. Горьком: *«Все его творения как геометрические фигуры... Красок в них нет, а одни только линии». А через год-два: «Горький – огромный декоративный талант, – он всегда умел самыми яркими заплатами прикрывать все свои грехи». Красок нет, одна геометрия, – декоративный талант и яркие краски: не все ли равно, – только бы объявить художника упраздненным»* (Л. Д. Троцкий. Чуковский).

Двойная бухгалтерия (предвзятая интерпретация). Один и тот же аргумент признают истинным, когда это выгодно, и ложным, когда это невыгодно. Или, иначе, с помощью одних и тех же аргументов обосновывают прямо противоположные вещи. Так, например, один и тот же человек в подкрепление своей позиции может сказать, что такой-то лауреат Нобелевской премии думает так же, но в другой ситуации может сказать: *«Не нужно придавать чрезмерного значения Нобелевской премии. Всем известно, что ее давно присуждают по политическим мотивам».*

«Птичий язык», то есть использование или сложных специфических терминов, заведомо не известных и не понятных публике, или бессмысленных выражений типа: *нулевой рост, максимально гаран-*

тированный минимум, замедление темпов падения, сокращение налоговых ожиданий и т. п. (из учебника под ред. В. И. Максимова).

Вот великолепный образец такого «птичьего языка».

– *Товарищи!* – сказал он (Остап Бендер – А.Ф.) прекрасным голосом. – (...) *Предмет моей лекции – плодотворная дебютная идея. Что такое, товарищи, дебют и что такое, товарищи, идея? Дебют, товарищи, это quasi una fantasia. А что такое, товарищи, значит идея? Идея, товарищи, – это человеческая мысль, облеченная в логическую шахматную форму. Даже с ничтожными силами можно овладеть всей доской. Все зависит от каждого индивидуума в отдельности*

И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев

“Argumentum ad ignoratium” – довод к незнанию, или к невежеству. Он выражается в двух вариантах, но в обоих случаях противоядием против него является принцип Спинозы *Ignorantia non est argumentum* – «Незнание – не аргумент», или «Невежество – не довод».

Во-первых, это отсылка к чужому невежеству (оппонента или аудитории). Оратор или вообще кто бы то ни было, услышав неудобный вопрос, может сказать: «Я бы вам объяснил, но вам еще рано это знать», «Вы этого всё равно не поймете» и т.п. На это можно возразить: *наше невежество – не довод. Объясните так, чтобы мы поняли главное.*

Во-вторых, невежество иногда проявляет и говорящий. Когда его опровергают фактами, он может оправдаться тем, что он их не знал. Тогда ему отвечают: *ваше незнание – не довод. Если не знаете – воздержитесь от суждений.* (А по сути это означает: не знаете – воздержитесь от говорения глупостей.)

Вот, например, что безапелляционно изрекает корифей всех наук Н. Бердяев о пролетарской культуре.

«Идея такой новой революционной культуры есть *contradictio in adjecto* (лат.: противоречие в терминах – А.Ф.). То новое, что вы хотите создать, не может уже именоваться культурой. Вы много говорите о революционной пролетарской культуре, которую несет в мир ваш класс-мессия. Но до сих пор нет ни малейших признаков возникновения пролетарской культуры, нет даже намеков на возможность такой культуры. Поскольку пролетариат приобщается к культуре, он целиком заимствует ее у буржуазии»⁵⁵.

Скорее всего Бердяев не знал, что тремя годами ранее (2 октября 1920 г.) В. И. Ленин сказал на III всероссийском съезде русского коммунистического союза молодежи:

«Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. *Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества*» (курсив мой – А. Ф.).

Иначе говоря, Бердяев приписывает большевикам глупость, которой они не говорят, и с умным видом опровергает ее. Эта уловка также называется *Imago*.

И далее у Ленина: «Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных, но это не значит, что мы можем ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги. Этим коммунизма не создашь. *Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество*».

Бердяев не знал этого, однако *Ignorantia non est argumentum*.

Его «Философия неравенства» вышла в 1923 г. – и более чем странно читать, что нет ни малейших признаков возникновения и да-

55 Бердяев, Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев — Берлин : Обелиск, 1923 – С. 220.

же намеков на нее. То есть Бердяеву не были известны М. Горький, «Двенадцать» А. Блока, Вс. Мейерхольд? (Блока он, по крайней мере, упоминает в своих мемуарах – но не «Двенадцать».) Он писал свойopus о неравенстве в Берлине, где уже в 1920 г. открылся «Пролетарский театр». Уже заявили о себе И. Бехер, Б. Брехт, Э. Толлер, Э. Пискатор – «немецкий Мейерхольд». Бердяев мог не знать и этого, однако опять-таки *Ignorantia non est argumentum*.

«Изматывание оппонента» произнесением множества фраз в быстром темпе.

«Многозначительная недосказанность»: оппонент делает глубокомысленный вид, намекая, что он мог бы многое сказать по этому поводу, но не считает нужным это делать. В таких случаях можно попросить его продолжить.

«Мнимая невнимательность»: оппонент умышленно не замечает доводов, на которые не может ответить по существу.

«Симуляция непонимания»: оппонент делает вид, что не понимает, о чем идет речь, и с помощью демагогических вопросов старается уйти от неприятной темы или создать впечатление несостоятельности чужих взглядов. В фильме «Люди и манекены» это называется «запустить дурочку».

«Аргумент к авторитету» – ссылки на изречения великих людей, тех, кого называют «совестью нации»: *Сам Солженицын сказал! Сам академик Сахаров сказал!* и т.п. Или, например: *сам Бердяев*. В постперестроечный период он стал кумиром неолибералов с дипломом о высшем образовании (что отнюдь не обязательно означает наличие самого образования). Его – как незадолго до этого классиков марксизма – объявили непререкаемым авторитетом и принялись цитировать по любому поводу. Хотя этот мыслитель часто противоречил сам себе в пределах одного и того же текста и хотя его собственное образование, *очень мягко говоря*, оставляло желать лучшего⁵⁶, он

56 Бердяев не имел не только философского, но и высшего образования, в отличие от его гимназического товарища А. В. Луначарского, который прошел школу самого Р. Авенариуса.

высказывался по всем вопросам – «как власть имущий». Так, он пренебрежительно разделяется с А. А. Богдановым, которого он в лучшем случае положительно оценивает как человека, но совершенно не признает как философа⁵⁷. Богданов, возможно, ценнее всей много- томной философии Бердяева: его «тектология» в наше время призна- на предтечей теории систем. А. А. Богданов стоял у истоков киберне- тики. Однако отсутствие у него мистики и метафизики для Бердяева означало, что это не философия. Ну, разумеется, на чем же еще может зиждиться философия, если не на мистике!

К любым высказываниям, даже великих людей, следует отно- ситься критически. Во-первых, корифеи тоже ошибаются. Во-вторых, для выдающихся людей тоже актуально общее правило, что жела- тельно воздерживаться от оценок в вопросах, в которых человек не компетентен.

Ссылки на авторитет вполне уместны не в качестве голословных заявлений, а как иллюстрации к уже доказанному тезису, подкрепля- ющие его. *Излишне уточнять, что такие высказывания должны быть истинными.*

«Аргумент к городовому»: это или намек на возможные ре- прессии, если оппонент продолжит отстаивать свою точку зрения, или даже откровенная угроза: *А вы не боитесь высказывать такие мысли?* и т. п.

Бердяев вообще не снисходил до разговора о Луначарском как о философе, хотя тот был именно профессионалом.

57 Имеется в виду не только его «веховская» статья «Философская истина и интеллигент- ская правда», в которой он отказывает А. Богданову в праве быть философом: «(...) к фило- софии Богданова можно отнестись исключительно эмоционально, и она вся укладывается в пятикопеечную брошюру. В русской интеллигенции рационализм сознания сочетался с ис- ключительной эмоциональностью и с слабостью самооценной умственной жизни». Допустим, в 1909 г. он еще не мог оценить Богданова, однако не пожелал сделать это и 30 лет спустя: к тому времени давно уже оформилось богдановское учение о системах (тектология). В «Са- мопознании» (1939-1940), то есть автобиографии, написанной незадолго до смерти, Бердяев сообщает читателям: «Курьезны были мои отношения с А. Богдановым (Малиновским), ко- торый впоследствии создал целую философскую систему, синтезировавшую марксизм с эм- пириокритицизмом и эмпириомонизмом. А. Богданов был очень хороший человек, очень ис- крепный и беззаветно преданный идее, но по типу своему совершенно мне чуждый» (http://www.golden-ship.ru/load/filosofija_i_razmyshlenija/samopoznanie_berdjaev_n_a/42-1-0-1031). Хорошо сказано: чуждый *мне!* Это уже приговор.

Судя по тому, что мы видим в СМИ и еще больше на форумах в Интернете, в нашем обществе не пользуется успехом риторика взаимоважения и сотрудничества. В такой риторике даже не употребляются слова *пропонент* и *оппонент*. В ней участники диалога (а не спора, тем более – не полемики) считаются партнерами. Они делают общее дело – совместно устанавливают истину, каждый из них вносит свой вклад в понимание каких-то важных аспектов, оттенков проблемы. Главными критериями риторики сотрудничества являются **истинность** и **искренность**. Первое означает верность действительности, второе – верность себе.

Коммуникация сотрудничества, разделяя мнение Дж. Свифта: «Спор – беседа наихудшего сорта», отказывается от спора и основывается на **принципе кооперации** Г. П. Грайса и **принципе вежливости** Дж. Лича.

Изложим их по возможности подробно.

Принцип кооперации означает, что коммуникативный вклад на данном этапе диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога.

Его составляют четыре максимы (то есть правила, обладающие универсальным и неоспоримым значением):

а) **максима полноты информации**, состоящая в том, что высказывание должно содержать информации не меньше и не больше, чем требуется;

б) **максима качества информации**: нельзя говорить того, что человек считает ложным или для чего не имеет достаточных оснований (то есть не нужно говорить того, в чем нет уверенности, а явная ложь запрещена полностью);

в) **максима релевантности** состоит в том, что не следует отклоняться от темы;

г) **максима манеры** требует выражаться ясно, то есть избегать непонятных выражений и неоднозначности; быть кратким и организованным.

Принцип вежливости, характеризующий отношение говорящих друг к другу, содержит максимы

а) **такта**: требование соблюдать границы личной сферы собеседника, соблюдать осторожность в отношении его частных интересов;

б) **великодушия**: избегать доминирования в ходе общения, не обременять собеседника своими проблемами;

в) **симпатии и одобрения**: испытывать благожелательность к собеседнику, поддерживать ее в себе и выражать положительное отношение к другому;

г) **скромности**: не принимать комплиментов в собственный адрес (во всяком случае, не принимать их слишком всерьез);

д) **согласия**: если в процессе общения возникло противоречие, не углублять его, а искать способов его преодоления.

Кроме того, выделяются:

а) принцип **равной безопасности** (непричинения друг другу психологического ущерба);

б) принцип **децентрической направленности**, то есть принцип непричинения ущерба делу, умение поступаться самолюбием, вообще эгоистическими интересами;

в) принцип **адекватности** воспринятой информации – запрет намеренного искажения смысла чужого высказывания.

Последователи Г. Грайса и Дж. Лича исповедуют те же принципы и максимы с уточнениями некоторых деталей.

Вот, в частности, коммуникативные максимы **Петера фон Поленца**:

1) Партнер должен понять всё точно и без спешки.

2) Дай партнеру высказаться.

3) Дай партнеру шансы, которых хотел бы для себя.

4) Максимально пойми партнера, задавай как можно больше вопросов.

5) Уважай социальную самооценку партнера и не посягай на его image.

Максимы Уллы Фикс:

1) Воспринимай партнера всерьез, исходи из его коммуникативных намерений.

2) Помни, что для партнера его мнение важно, как для тебя – твое собственное.

3) Слушай внимательно, чтобы понять.

4) Дай другому время для выражения своей позиции.

5) Спроси, прежде чем возразить.

6) Не игнорируй аргументы другого.

7) Раздели чужую точку зрения.

8) Не интерпретируй мысли другого по заранее заготовленным шаблонам.

9) Дай другому почувствовать твое уважение.

5 ЧИСТОТА РЕЧИ

Чистота речи – это качество, системно связанное с ее богатством и выразительностью. Чистота – реакция на нарушение чувства меры при употреблении средств, которые обогащают и украшают речь.

Чистоту речи мы определяем как свободу от злоупотребления маргинальными (периферийными) языковыми средствами.

У каждого вида речи своя периферия. Для разговорной речи – это диалектизмы, вульгаризмы, жаргон, сленг, арго, мат; для книжной – научные термины, профессиональные слова, канцелярит, эвфуизмы (высокопарная поэтическая лексика).

В связи с чистотой часто употребляется слово «пуризм», которое обычно понимается как стремление избегать иностранных слов и заменять их исконными. Но это лишь одно из трех значений данного термина – *общераспространенное*.

Итак, начнем с иноязычных слов. Они плохи не сами по себе, а при неуместном употреблении, как, например, в речи малограмотных, но претендующих на некоторую культурность персонажей комедии Н. Эрдмана «Самоубийца».

Семен Семенович. (...) *Ты это что же, Мария, думаешь: если я человек без жалованья, то меня уже можно на всякий манер регулировать?* (...) *Вот смотри, до чего ты меня довела. (Садится на кровати. Сбрасывает с себя одеяло. Кладет ногу на ногу. Ребром ладони ударяет себя под колено, после чего подбрасывает ногу вверх.) Видела?*

Мария Лукьяновна. *Что это, Сеня?*

Семен Семенович. *Нервный симптом.*

Мария Лукьяновна. *Так, Семен, жить нельзя. Так, Семен, фокусы в цирке показывать можно, но жить так нельзя <...>*

Серафима Ильинична. *Вы зачем же, Семен Семенович, пантомиму такую устраиваете? А? Семен Семенович <...>*

Мария Лукьяновна. *Воротить его надо, обязательно воротить. Он в таком состоянии, в таком состоянии.... Он в кровати мне даже **симптом** показывал.*

Серафима Ильинична. *Матерь божия!*

<...>

Маргарита Ивановна. *Нужно будет моим музыкантам сказать, пусть они ему трубу напрокат **спротежируют**.*

<...>

Серафима Ильинична. *Вы это зачем же, молодой человек, такую **порнографию** делаете? Там женщина голову или даже еще чего хуже моет, а вы на нее в щель смотрите.*

Егорушка. *Я на нее, Серафима Ильинична, с марксистской точки зрения смотрел, а в этой точке никакой **порнографии** быть не может.*

В смысле отказа от иностранных слов мы говорим о пуризме адмирала А. С. Шишкова, насаждавшего слова «**мокроступы**» вместо «**галози**» и «**окоём**» вместо «**горизонта**». Важнейшее замечание: Шишков был сторонником не русского языка, а церковнославянского, о котором он имел очень смутное представление. Он *не изучал* этот язык, а *придумывал* его, заменяя иностранные слова таким образом:

тротуар – *ходырня,*
кий – *шаропёх,*
фортепьяно – *тихогром,*
инстинкт – *побудок,*
медицина – *лечезнание,*
физика – *телообразие,*
астрономия – *звездачество,*
магия – *неистовство,*
механика – *трудоспор,*
маршрут – *путевик,*
эгоист – *себятник,*

атмосфера – колоземица,
анатомия – трупоразъятие,
кучер – возница.

Шишков не слишком хорошо разбирался в предмете, который насаждал в культуре: во-первых, он не отличал старославянского языка от русского (и древнерусского тоже), во-вторых, не чувствовал особенностей старославянского (не чувствовал того, что называют духом языка), если считал словечко *шаропѣх* (особенно замечательна буква ѣ, которую можно было бы назвать новомодной) и многие другие старославянизмами. Ни один уважающий себя носитель старославянского языка не додумался бы до такого.

Эту особенность – плохое знание или даже незнание той области, в которой официозные патриоты считали себя корифеями, отмечал В. И. Даль: «Мы до того шатко знаем язык свой, что, вздумав порусить, пишем – как читал я еще на днях – **позорище** вместо **поприще**, **причалить** вместо **пристать**, **обыденный** вместо **обиходный**, **обознаться** вместо **опознаться** и пр. Таких примеров отыщутся не сотни, а тысячи».

Гораздо лучшее языковое чутье проявил декабрист П. Пестель, который намеревался ввести славянизированную военную терминологию посредством очень корректного калькирования: *рать* (армия), *боерод* (дивизия), *сразин* (батальон), *управа* (штаб), *латник* (кирасир), *конница* (кавалерия) и др.

Мягко говоря, не очень удачные пуризммы есть и у В. И. Даля, иногда весьма забавные: *дикобразность* (барокко), *древник* (антикварий), *извинь* (алкоголь), *ловкосилие* (гимнастика), *рожекорча* (гримаса) и т. п.

Даль предлагал употреблять вместо греческих слов *климат* и *атмосфера* – русизмы *погодье* и *колоземица* (из лексикона А. Шикова), вместо *адрес* – *насыл*, вместо *пурист* – *чистяк*, вместо *кокетка* – *хорошуха* и др.

Мокроступы встречаются в некоторых толковых словарях – например, в словаре Т. Ф. Ефремовой (обувь, предназначенная для сырой погоды – галоши, боты и т. п.) шутовское название галош или бот (Терминологический словарь одежды. Л. В. Орленко).

Заметим, что если даже авторы словарей считают это слово вошедшим в язык, они всё равно трактуют его иначе, нежели Шишков. У Ефремовой это слово приобретает собирательное значение, у других – шутовское, ироническое.

У представителей противоположного лагеря – карамзинистов – используются:

а) прямые заимствования: *вояж, имажинация* (воображение), *экспрессия* (выражение);

б) калькирование (между прочим, по старославянскому типу): *промышленность, влияние, расстояние, трогать*;

в) новообразования-русизмы: *будущность, влюбленность, общественность, занимательный, усовершенствовать*.

Как видим, их практика оказалась гораздо более приемлемой для русского языка.

В наше время к **пуристическим заменам** иноязычных слов прибегал А. Солженицын – и речь идет не о современных англицизмах (американизмах), засоряющих язык, но о хорошо известных, привычных словах: вместо *аренды* – *наймы, прокат, кортома*, вместо *аванпоста* – *оберёг*, вместо *антагониста* – *нелюбовь*, вместо *акклиматизировать* – *приурочить* (совершенно непонятно, зачем нужна такая замена, которая только затемняет смысл), вместо *браслета* – *наручень*; вместо *браконьера* – *пострельщик, обловицк, дичекрад*, по аналогии с *конокрадом*.

Многие из этих лексем взяты Солженицыным из словаря Даля. Но разница между этими словарями принципиальная: Даль констатирует, что данные слова реально употребляются в таких-то областях России (в большинстве случаев, по-видимому, уместнее было бы сказать: «употреблялись в XIX в.»), тогда как Солженицын пытался вве-

сти их во *всеобщее* употребление *сейчас*. По крайней мере, использовал в собственных текстах, видимо полагая, что его примера достаточно для того, чтобы это стало всеобщим увлечением.

В некоторых языках пуристические тенденции проявляются более или менее последовательно. Например, в сербском и других языках бывшей Югославии есть такие слова, как *двигало* (лифт), *Низкоземска* (Нидерланды), *ногOMET* и *рукоMET* (соответственно футбол и волейбол), *глядИЛИШТЕ* (театр), *тискарня* (типография⁵⁸, а сейчас – и лазерный принтер); в чешском тротуар – *hodnik*, театр – *divadlo* и др.

Добавим, что в некоторых случаях пуризм принимает чрезвычайно курьезные формы. Например, украинское «*від кутюр*» – ошибочная передача «от кутюр», *hout couture*, то есть высокая мода).

У термина «пуризм» есть и *конкретный исторический* смысл, на который указывают Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский⁵⁹ – как ни странно, противоположный: архаисты – те, кого впоследствии стали называть «пуристами», обвиняли в этом грехе своих противников – карамзинистов. В. К. Кюхельбекер называл «карамзинистов» «школой так называемых очистителей языка». Сам же термин «пуризм» введен Н. М. Карамзиным, так что обвинения в «очистительстве» «архаисты» и «новаторы» взаимно адресовали друг другу. «Новаторы»-карамзинисты очищали русский язык не от иностранных слов (например, от галлицизмов), а от старославянских. В свою очередь, пуристы «шишковского» лагеря объявили войну как иностранным словам, так и русским, пропагандируя и даже навязывая обществу некорректно понимаемые славянизмы.

Наконец, пуризм бывает *индивидуальным* – это слова, которых сам человек не употребляет по той или иной причине. Так, публицист П. Басинский предлагает изгнать из русского языка лексему «*пиар*» и

58 Тимофеев-Еропкин, Б. Н. Правильно ли мы говорим? / Б. Н. Тимофеев-Еропкин. – Л. : Лениздат, 1961. – С. 93.

59 Лотман, Ю. М., Успенский, Б. А. Вопросы культуры в свете языковой проблемы. Лингвистические аспекты внутрикультурных конфликтов / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Избранные труды. – М., : Гнозис, 1994. – Т. 2. – С. 440.

производные от нее: *«И вопрос только в том: будем мы упорядочивать эту систему PR (“как на Западе”), делать ее “цивилизованной”, притертой под всеобщие подлость и эгоизм? Или неким волевым моральным усилием “раздавим гадину!”? Для начала в самих же себе. И уж совсем для начала предлагаю слово “пиар” как утратившее первичный смысл подвергнуть публичной казни. Раздавить гадину! Чтобы духу ее в русском языке не было! “Общественные связи” – пожалуйста! “Реклама” – сколько угодно!»* (Басинский, П. Раздавите гадину! / П. Басинский. См. электронный ресурс: <http://www.lgz.ru>).

Как видим, П. Басинского тоже возмущают далеко не любые иностранные слова.

Роль и место англоамериканизмов (как заимствований вообще) в современном языке разные: слово *компьютер* (*computer*), конечно, уже прочно вошло в русский язык, хотя, например, А. И. Солженицын называет его *большой печатной машиной*; ясно, что часть англоамериканизмов уже пустила прочные корни в русском языке (особенно в области экономики, социологии, политики, музыки, бизнеса, туризма). Большинство же заимствований семантически дублируют русские обозначения, однако – в отличие от последних – обладают таким важным для языка молодежи или специалистов “довеском”, как престижность и удобопонятность в профессиональном общении. В этом и заключается коренная причина популярности англоамериканизмов: литературно-языковое употребление в современной культуре потихоньку заменяется и вытесняется профессионально-речевым, когда специалист (или даже журналист, комментатор, ведущий радио- или телепередачи) уже не ощущает необходимости переходить со своего профессионально-жаргонного языка в иные стилистические регистры, а часто и не знает, как это сделать, так как не научен. Для литературного употребления (пусть даже в его разговорном варианте) ключевыми являются категории уместности и общепонятной выразительности, для профессионально-жаргонного – коммуникативной достаточности при ограниченном наборе лексических

средств; ведь даже шутка или словесная игра строится в расчете на «своего», знающего и понимающего данный “код”»⁶⁰.

Во Франции с 1994 г. существует закон Тубона (министра культуры), вводящий ограничения на иностранную лексику в официальной речи. Власти Франции предложили замену слову «хэштег» – *mot-dièse* (слово с диэзом, то есть со знаком #, который стоит перед ним).

Специальная комиссия по терминологии предлагает замены даже для таких общеизвестных в мире компьютерных слов, как *спам* (*arrosage*), *фишинг* (*filoutage*), *хакер* (*fouineur*), *блог* (*bloc-notes*), *смартфон* (*terminal de poche* или *ordiphone*)⁶¹.

В последние годы требования такого рода всё чаще высказываются и в России, причем исходят не от специалистов. Специалисты же, навлекая на себя подозрения или даже обвинения в неблагонадежности⁶², пытаются сохранять в данном вопросе здравый смысл: «Глубоко правы те ученые, писатели, которые подчеркивают: охрану языка невозможно осуществлять только принудительно-законодательными способами (хотя это необходимый механизм регулирования языковой политики на государственном уровне), прежде всего, нужно начинать с себя (как я говорю? всегда ли хорошо и точно выражаю свои мысли? красив ли и выразителен мой язык? использую ли я богатейшую языковую палитру стилистических возможностей русского языка?), а в конечном счете (впрочем, именно “начальном”!) нужно научить

60 Зеленин, А. В. Англоамериканизмы в русском и некоторых европейских языках / А. В. Зеленин // Русский язык в школе. – 2003. – № 5. – С. 98.

61 См., в частности: <http://www.rosbalt.ru/style/2013/01/23/1084961.html>.

62 «“Не надо паники – язык сам очистится от пены!” – на весь мир вопит профессор-филолог. Собираясь в очередной раз реформировать русскую орфографию, он решил успокоить общественность. Не верьте доктору филологии! Не верьте ни одному его слову... Этот “доктор наук” такой же, как и все либеральные реформаторы... как, например, Заславская или какой-нибудь Гайдар. Лучше бы их, таких реформаторов, совсем не было. Реформаторство, читай, не улучшение, а уничтожение чего-либо, любимое дело подобных “докторов наук”» (В. Белов «Забвение слова». См. электронный ресурс: <http://zavtra.ru/content/view/2001-06-1954/>)

любить, понимать и уважать свою страну, свой народ, который говорит на этом языке, и сам язык»⁶³.

Л. П. Крысин задает риторический вопрос: «(...) многого ли добились пуристы прошлого, призывая запретить употребление таких слов, как *эгоизм* (вместо этого предлагалось ‘ячество’), *цитата* (предлагались в качестве синонимических замен ‘ссылка, выдержка’), *поза* (взамен изобреталось ‘телоположение’), *компрометировать* (вместо этого рекомендовали говорить: ‘выставлять в неблагоприятном виде’), *игнорировать* (В. И. Даль считал, что это слово непозволительное) и др.»⁶⁴

Нельзя сказать, что иностранные слова и обороты плохи сами по себе. Иное дело – отсутствие вкуса и чувства меры в их использовании. Вот, например, как критик В. Бушин, посвятивший блестящую разгромную статью «Гваделупщина» роману В. Аксенова «Московская сага» и его экранизации, пишет об иностранной лексике в этом малохудожественном произведении: «(...) поразил меня и язык аксеновской “Саги”. Он убог, тщедушен и вульгарен. Автор пытается обогатить его и разнообразить с помощью то многим непонятной музыки, то зловонной матерщины, то впаривает изящное выражение или целую фразу на английском, а то и французском. Например, нет, чтобы просто сказать “роковая женщина”, он выдает **la femme fatale**. Иной раз персонажи целый монолог выдают на английском. Поди, Барщевский (режиссер сериала «Московская сага – А. Ф.) при этом чувствовал себя перенесенным в июль 1805 года, в салон известной Анны Павловны Шерер, фрейлины императрицы Марии Федоровны. С беседы ее гостей на французском начинается роман у Толстого. Можно представить себе, как это заворожило сценариста и режиссера фильма.

А какие здесь вороха словесной иностранщины! Гля, мол, какие мы образованные: “Рестон извлек ‘монблан’, чтобы записать ответ на

63 Зеленин, А. В. Англоамериканизмы в русском и некоторых европейских языках / А. В. Зеленин // Русский язык в школе. – 2003. – № 5. – С. 98.

64 Крысин, Л. П. О русском языке наших дней / Л. П. Крысин // Изменяющийся языковой мир. – Пермь, 2002. См. электронный ресурс: <http://language.psu.ru/>

полях **‘бедекера’**... “он спросил с прямою **квотербек**”... “**пандеминимум** произволов”... “у директора **диспептический** вид”... “они отправились на **суарэ**”... “**демимонд**”... и т. п. (...) И неустанные ухищрения не помогают: если ни чувства языка, ни слуха нет, так уж нет. Порой доходит до того, что автор употребляет даже не те слова, которые требуются по смыслу, не понимает их. Например: “С торцевой стены дома, что здесь, как и в Германии, именуется **брандмауэр**ром, смотрела афиша”. На самом деле и в Германии, и в России **брандмауэр** (Brand – пожар, Mauer – стена) – глухая стена из негорючего материала между двумя домами, которая ставится в расчете помешать распространению огня в случае пожара»⁶⁵.

Злоупотребление иностранщиной (а не просто употребление заимствованных слов!) – самая очевидная и распространенная форма речевого загрязнения. Другие встречаются реже.

Это – прямая противоположность тому, о чем было только что сказано, то есть вульгарная псевдонародная речь, которую блестяще пародирует В. Катаев в сатирической комедии «Понедельник – день тяжелый». Там выведен «классик» из народа Евтихий Корнеплодов, создатель шедевра под названием «Овсы цветут». Катаев приводит цитаты из этого сочинения (вернее, стилизует их):

*«На большие миллионы верст вокруг, словно **ядренная баба-вековуха**, разметалось море овсов. И цвели те овсы истово и буйно. **Рыжемордое, бородатое и задастое** солнце всходило над теми неумными овсищами...»*

*«В **яругах** сладко сочилась весенняя **тягомотина**».*

*«**Митрич** потянул **Васку** за упругие груди и **хлобыстнул** по уху тальянкой...»*

*«**Ахти, бабоньки!** – **истошно** **голосила** **Кирибеевна** **полосатым** **голосом**...»*

65 Бушин В.С. Измена. Знаем всех поименно! / В. С. Бушин – М., 2006. – С. 272.

И, разумеется, речь уродуют **канцеляриты**, которым К. И. Чуковский посвятил особую главу из книги «Живой, как жизнь». Вот что, в частности, он пишет:

«Помню, как смеялся А. М. Горький, когда бывший сенатор, почтенный старик, уверявший его, что умеет переводить “с десяти языков”, принес в издательство такой перевод романтической сказки:

“За неимением красной розы жизнь моя будет разбита”.

Горький сказал ему, что канцелярский оборот “за неимением” неуместен в романтической сказке. Старик согласился и написал по-другому:

“Ввиду отсутствия красной розы жизнь моя будет разбита”, чем доказал полную свою непригодность для перевода романтических сказок. Этим стилем перевел он весь текст:

“Мне нужна красная роза, и я добуду себе *таковую*”.

“А что касается моего сердца, то оно отдано принцу”.

“За неимением”, “ввиду отсутствия”, “что касается” – все это было необходимо в тех казенных бумагах, которые всю жизнь подписывал почтенный сенатор, но в сказке Оскара Уайльда это кажется бездарною чушью»⁶⁶.

Хочется возразить по поводу последней фразы Чуковского. Эти обороты вовсе не были необходимы даже в казенных бумагах. «Бездарной чушью» они являются везде, в любом стиле и жанре.

Впрочем, талантливый человек способен утилизировать даже канцеляриты. У Б. Л. Пастернака они встречаются даже в самых лучших стихотворениях:

Таков притон дроздов тенистый.

Они в неубранном бору

Живут, как жить должны артисты,

Я тоже с них пример беру.

⁶⁶ Чуковский, К. И. Живой, как жизнь / К. И. Чуковский // Соч. : в 2 т. – М., 1990. – Т. 1. – С. 574.

Дрозды. 1941

Края населенье

Хижины свои

Выкупало пеней

Этой от змеи.

Сказка. 1953)

Я вспомнил, по какому поводу

Слегка увлажнена подушка.

Мне снилось, что ко мне на проводы

Шли по лесу вы друг за дружской.

Август. 1953

Он смотрит на планету,

Как будто небосвод

Относится к предмету

Его ночных забот.

Ночь. 1956

Это можно рассматривать как своеобразный эксперимент: как попытку расширить собственный словарь и обогатить поэтический язык теми элементами, которые особенно мало пригодны для этой цели, высечь поэтическую искру из самого непригодного материала (всё то же ахматовское «Когда б вы знали, из какого сора...»). Пастернак словно говорит: «У обывателя это звучит коряво, а я перелью косноязычие в лирику».

Но если талантливые люди могут переплавить для художественных целей даже канцелярит, то блатная лексика – то, что делает речь действительно безобразной.

«Многие люди (не-бандиты) научились разговаривать так как бы шутя и иронизируя, а отучиться никак не могут, тем более что бандитский жаргон успешно мутировал, смешавшись с “новым русским”⁶⁷ язы-

⁶⁷ Автор и его ученики пользуются термином «пиджинизация аргю». «**Пиджинизацией** (от англ. *Pidgin English* – англо-китайский языковой гибрид, синтетический язык эмигрантов; в

ком чиновников и бизнесменов, в котором фигурируют такие слова и выражения, как *коммерсы*, *откаты* и *пилить бюджет*. Короче, жаргон соответствует социальному прогрессу – от периода начального накопления капитала к периоду государственного капитализма и государственной коррупции. В этом случае как нельзя лучше подходит совет *фильтровать базар*, – но только вряд ли к нему прислушаются»⁶⁸.

более широком смысле – для обозначения примитивизированной терминологии, вошедшей в общее употребление) мы называем узкоспециальные лексемы (термины) и квазилексемы (арготизмы), оторвавшиеся от своей первоначальной среды и ставшие обиходными ценой семантического упрощения. Типичными пиджинизмами (это понятие нами заимствовано у А. Н. Тарасова, который в памфлете «Десять лет позора» употребляет словосочетание *pidgin professional: Свободная мысль-XXI. 1999. 7. С. 54*) являются слова *ваучер*, *приватизация*, *дефолт*, *плюрализм* и т. п.» (Липатова, Е. Г. Лингвоэстетические особенности российской публицистики 1990-х гг. : дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Липатова. – Орск, 2002. – С. 37). Таким же образом пиджинизируются и арготизмы (*беспредел*, *крыша* и проч.).

68 Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – М. : Знак : Языки славянских культур, 2007. – С. 25.

6 УМЕСТНОСТЬ РЕЧИ

Под уместностью речи понимается ее соответствие объекту, теме, целям и задачам общения.

А. С. Пушкин высказался гениально: *«Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, какого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности»*. Это значит, что говорить можно всё и обо всём, что нет запретных тем и, пожалуй, даже запретных слов, однако их допустимость зависит от речевой ситуации, которую Пушкин обозначает двумя словами: сообразность и соразмерность.

Сообразность – это целый комплекс факторов. Это значит: соответствует ли то, о чем мы говорим сейчас, общей теме разговора, месту, времени (место и время иногда прямо диктуют текст – чаще всего устный)⁶⁹, личности собеседника, его настроению в данный момент. Например, в высшей степени глупо явиться к человеку, спешащему на похороны родственника, затем, чтобы прочесть ему свою новую поэму, особенно если этот человек не любит стихов.

Сообразность – понятие качественное. Под ним подразумевается также содержание и характер используемых речевых средств. Например, вежливые или грубые слова, экспрессивные и нейтральные, каламбурные, двусмысленные, преувеличительные (аугментативы) или преуменьшительные (диминутивы) и тому подобные в раз-

69 Например:

Странную радость испытывала сейчас Кэт (...)

– Бросьте, – перебил ее Штирлиц, – ваш передатчик у нас, радиogramмы тоже у нас, они расшифрованы, это – доказательства, которые невозможно опровергнуть. От вас требуется только одно – ваше согласие на совместную с нами работу. И я вам советую, – сказал он, обернувшись, всячески показывая ей глазами и лицом своим, что он говорит ей нечто очень важное, к чему надо прислушаться, – согласиться с моим предложением и, во-первых, рассказать все, что вам известно, пусть даже вам известно очень немного, а во-вторых, принять мое предложение и начать – незамедлительно, в течение этих двух-трех дней, – начать работать на нас.

*Он понимал, что о самом главном он мог говорить только в коридоре. Но понять это самое главное Кэт могла, **выслушав его здесь**. У него оставалось минуты две на проход по коридору, он подсчитал для себя время, поднимаясь в палату (Ю. Семенов. Семнадцать мгновений весны).*

ных случаях могут быть «сообразными» и «несообразными» – и с объективной ситуацией речевого общения, и с субъективными качествами собеседника (он может любить или не любить такие слова).

Соразмерность – явление количественное. Это употребление речевых средств в тех количествах, которые оправданы ситуацией. Например, ваш собеседник любит поэзию и готов слушать ваши стихи, но в пределах, диктуемых приличиями. Или, допустим, собеседник вполне терпимо относится к ругательствам, но злоупотреблять ими не следует.

Замечание Пушкина внушает некоторые сомнения: действительно ли можно разрешить абсолютно всё – если это корректируется двумя вышеназванными критериями?

Идеальная речь – это, конечно, утопия. Желательно, чтобы люди всегда, при всех обстоятельствах изъяснялись правильно, вежливо, изящно, однако в реальности мы этого требовать не можем.

Отдельный вопрос: можно ли употреблять *пейоративную* (бранную) и *обценную* (нецензурную, то есть матерную) лексику.

М. Кронгауз, например, полагает, что можно: «Я, в принципе, не против брани. То есть если мне сейчас дать в руки волшебную палочку и сказать, что одним взмахом я могу ликвидировать брань в русском языке или, по крайней мере, русский мат, я этого не сделаю. Просто испугаюсь. Ведь ни один язык не обходится без так называемой обценной лексики, значит, это кому-то нужно. Другое дело, что чем грубее и оскорбительнее брань, тем жестче ограничения на ее употребление. То, что можно (скорее, нужно) (Нужно??? – А. Ф.) в армии, нельзя при детях, что можно в мужской компании, нельзя при дамах, ну и так далее. Поэтому, например, мат с экрана телевизора свидетельствует не о свободе, а о недостатке культуры или просто о невоспитанности»⁷⁰. Похоже, что, например, М. Кронгауз, пытаясь

70 Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – М. : Знак : Языки славянских культур, 2007. – С. 15.

соблюдать максимально выдержанный подход – в духе А.С. Пушкина – явно перестарался.

Брань – особенно матерная – это **пассиолалия**, то есть в буквальном переводе с греческого: «речь страсти». Страсть – это сильное и, как правило, деструктивное чувство, захлестывающее человека и неподконтрольное разуму. Речь, порождаемая в таком состоянии, выражаясь словами М. Кронгауза – на грани нервного срыва, а то и за гранью. Ругань – это речь безумия и бессилия.

Иногда в общении с людьми некультурными и малограмотными, но самолюбивыми неуместной оказывается даже апелляция к грамотности, к норме, особенно если один из участников диалога пытается таким образом уязвить другого.

– Да здесь принято так. Сечешь? Люди поколениями так живут: ты мне – я тебе. И не надо лицо кривить. Здесь всегда так было. Мои родители так жили, ихние родители так же жили.

– Их, Вова, их, а не ихние. Нет такого слова в русском языке.

– Вот видишь. Ты же не можешь по-нормальному.

– А по-нормальному – это как? – Разговор начинает меня все больше и больше напрягать.

– С людьми надо по-людски. Вот как. Без вывертов. Я всю жизнь общался нормально со всеми.

С. Минаев. Dухless. Повесть о ненастоящем человеке (АСТ, 2006)

Еще один пример, когда персонажи в знак враждебности к собеседнику демонстрируют свою неграмотность, игнорируя чужие замечания, – как, например, в фильме-сказке Л. Нечаева «Не покидай» по сценарию Г. Полонского. Там собираются члены милого семейства абидонского короля Теодора – ненавидящие друг друга – и во время завтрака обмениваются ядовитыми замечаниями. В конце концов, самая нормальная из них – романтическая принцесса Альбина, ожидающая жениха – Пенапью, принца Пенагонии, предлагает сменить тему: *«Вы бы лучше взглянули на его портрет в*

ихней энциклопедии». На что главная мегера статс-дама – Оттилия, сестра королевы, источающая презрение ко всему свету, восклицает: «*Племянница! Не ихней, а их!*». После этого король Теодор назло свояченице дважды в ее присутствии произносит: *ихний*.

Грубо говоря, низкая грамотность в человеке, даже обогатившемся и повысившем свой социальный статус, обличает неистребимую плебейскую психологию, а демонстрация безграмотности – это упорство в плебействе. В свою очередь, демонстрация грамотности может восприниматься как претензия на аристократизм, и не только духовный.

В последние годы в широкое употребление вошел рекламный слоган «*Иногда лучше жевать, чем говорить*» – в том смысле, что жевать во время разговора не очень культурно, но говорить иногда бывает еще некультурнее.

Саади выразился гораздо изящнее: «*Для невежды нет ничего лучше молчания, но если бы он знал, что для него лучше всего, не был бы он невеждой*».

В «Трех сестрах» есть персонаж, служащий буквально олицетворением Неуместности. Он абсолютно всё говорит невпопад, считая, однако, свое поведение остроумным и оригинальным, а себя – неизмеримо выше своей среды и даже похожим на Лермонтова.

Итак, вспомним эпизоды с его участием.

Вершинин. *Что вы! Здесь такой здоровый, хороший, славянский климат. Лес, река... и здесь тоже березы. Милые, скромные березы, я люблю их больше всех деревьев. Хорошо здесь жить. Только странно, вокзал железной дороги в двадцати верстах... И никто не знает, почему это так.*

Соленый. *А я знаю, почему это так.*

Все глядят на него.

Потому что если бы вокзал был близко, то не был бы далеко, а если он далеко, то, значит, не близко.

Неловкое молчание.

Тузенбах. *Шутник, Василий Васильич <...>*

Соленый (тонким голосом). *Цып, цып, цып... Барона кашей не корми, а только дай ему пофилософствовать.*

Тузенбах. *Василий Васильич, прошу вас оставить меня в покое... (Садится на другое место.) Это скучно наконец.*

Соленый (тонким голосом). *Цып, цып, цып... (...) Если философствует мужчина, то это будет философистика или там софистика; если же философствует женщина или две женщины, то уж это будет – потяни меня за палец.*

Маша. *Что вы хотите этим сказать, ужасно страшный человек?*

Соленый. *Ничего. Он ахнуть не успел, как на него медведь напал.*

Пауза <...>

Тузенбах. *Всегда вы возбуждаете такое чувство, как будто между нами что-то произошло. У вас характер странный, надо сойтись.*

Соленый (декламируя). *Я странен, не странен кто ж! Не сердись, Алеко!*

Тузенбах. *И при чем тут Алеко... <...>*

Чебутыкин (идя в гостиную с Ириной). *И угощение было тоже настоящее кавказское: суп с луком, а на жаркое – чехартма, мясное.*

Соленый. *Черемша вовсе не мясо, а растение вроде нашего лука.*

Чебутыкин. *Нет-с, ангел мой. Чехартма не лук, а жаркое из баранины.*

Соленый. *А я вам говорю, черемша – лук.*

Чебутыкин. *А я вам говорю, чехартма – баранина.*

Соленый. *А я вам говорю, черемша – лук.*

Чебутыкин. *Что же я буду с вами спорить. Вы никогда не были на Кавказе и не ели чехартмы.*

Соленый. *Не ел, потому что терпеть не могу. От черемши такой же запах, как от чеснока.*

Андрей (умоляюще). *Довольно, господа! Прошу вас! <...>*

Тузенбах (целует Андрея). (...) *И я с тобой, Андрюша. В Москву, в университет.*

Соленый. *В какой? В Москве два университета.*

Андрей. *В Москве один университет.*

Соленый. *А я вам говорю – два.*

Андрей. *Пускай хоть три. Тем лучше.*

Соленый. *В Москве два университета!*

Ропот и шиканье.

В Москве два университета: старый и новый. А если вам неудобно слушать, если мои слова раздражают вас, то я могу не говорить. Я даже могу уйти в другую комнату... (Уходит в одну из дверей.) <...>

Наташа (Соленому). *Грудные дети прекрасно понимают. “Здравствуй, говорю, Бобик. Здравствуй, милый!” Он взглянул на меня как-то особенно. Вы думаете, во мне говорит только мать, но нет, нет, уверяю вас! Это необыкновенный ребенок.*

Соленый. *Если бы этот ребенок был мой, то я изжарил бы его на сковородке и съел бы. (Идет со стаканом в гостиную и садится в угол.)*

Наташа (закрыв лицо руками). **Грубый, невоспитанный человек!** <...>

Тузенбах. *Тоска по труде, о боже мой, как она мне понятна! Я не работал ни разу в жизни. Родился я в Петербурге, холодном и праздном, в семье, которая никогда не знала труда и никаких забот. Помню, когда я приезжал домой из корпуса, то лакей стаскивал с меня сапоги, я капризничал в это время, а моя мать смотрела на меня с благоговением и удивлялась, когда другие на меня смотрели иначе. Меня оберегали от труда. Только едва ли удалось обречь, едва ли! Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гниющую скуку.*

Я буду работать, а через какие-нибудь двадцать пять – тридцать лет работать будет уже каждый человек. Каждый!

Чебутыкин. *Я не буду работать.*

Тузенбах. *Вы не в счет.*

Соленый. *Через двадцать пять лет вас уже не будет на свете, слава богу. Года через два-три вы умрете от кондрашки, или я вспылю и всажу вам пулю в лоб, ангел мой.* (Вынимает из кармана флакон с духами и опрыскивает себе грудь, руки.)

Что он и сделал. Как видим, он шел к этому долго и неуклонно. Вульгарность и глупость его речи запредельна, а языковые средства ее выражения типичны: глупая имитация прямоты, глупая игра слов – квипрокво (*чехартма* и *черемша*), глупые каламбуры (*философистика* и *софистика*), глупые цитаты, и даже глупые изречения с претензией на афоризмы. Его замечания вызывают «неловкое молчание», «ропот и шиканье», «умоляющие» реплики («*Это скучно, наконец!*», «*Довольно, прошу вас*» и т.п.). Но вот что замечательно. Во-первых, довольно хорошо зная характер Соленого, герои при нем несколько не меняют манеру своей речи. Они давно должны были бы понять, что при Соленом желательно быть сдержаннее. Но ничего подобного не происходит. Во-вторых, они изъясняются очень интимно: изливают душу и мечтают о светлом будущем (как Тузенбах), ностальгируют (как Чебутыкин – о Кавказе), делятся семейными радостями (Наташа). В-третьих, они почему-то спорят с Соленым, проявляя упрямство, достойное лучшего применения, хотя и знают, что он не-вменяемый тип. Они буквально нарываються на грубость. Они, можно сказать, выращивают и вскармливают чудовище.

Позволим себе предположить, почему эти люди ведут себя так. Дело здесь не только в чрезмерной интеллигентности и терпимости. По-видимому, их мало что интересует, кроме них самих.

Социокультурная неуместность – несоответствие принятым в обществе правилам поведения, а также научным знаниям.

Возьмем следующий текст:

«Не хочу сказать: “Между нами шло время”, – потому что время никуда и никогда не идет: ни справа налево, ни слева направо, ни вверх, ни вниз. Оно гнездится где-то во мне самом, делая свои отпечатки в самых тайных клетках моего мозга, вернее же всего – оно просто рабочая гипотеза, абстракция, а я человек земной и верю только в мир материальный, который постоянно меняется, но всегда остается по самой своей сути единым, и вот однажды в этом материальном мире среди развалин разбомбленного и взорванного города на чудом уцелевшей могиле Канта чья-то недрогнувшая рука написала мелом по-русски: “Ну что, Кант, теперь ты видишь, что мир материален?”» (В. Катаев. Кубик).

Фрагмент очень выразительный, можно сказать – мощный. Ведомый в трагической ситуации посмертный диалог с Кантом (ибо философия бессмертна), завершающийся изречением, претендующим на афоризм, – это эффектно. Если бы это еще и соответствовало действительности...

Во-первых, не совсем понятно, почему это зрелище должно было убедить Канта в материальности мира – то есть в независимости его от человеческого сознания. Ведь Кант знал, что в мире постоянно идут жестокие войны, однако это не мешало ему быть субъективным идеалистом. Будь он атеистическим солипсистом, тогда он мог бы утверждать, что мир – плод его фантазии, а он (Кант), не будучи мазохистом, вряд ли стал бы воображать мир с войнами и вообще с жестокостями и страданиями. Но Кант был дуалистом, и объективный жестокий мир не противоречит его концепции. Философ полагал, что мы вовсе не обязательно видим и вообще воспринимаем мир именно таким, каков он есть. Поэтому обращенная к нему фраза *«Теперь ты видишь...»* – неуместна.

Во-вторых, и это самое замечательное, – *Кант никогда и не отрицал, что мир материален!* Он сомневался в познаваемости мира, а не в его объективной реальности.

Так что эта остроумная надпись неуместна не только потому, что она *не на месте*: что надгробный камень – не подходящее для неё место, что правила культурного поведения запрещают такую форму ведения «диалога». Кроме того, этот «диалог» не соответствует содержанию философии Канта.

К социокультурной неуместности, по-видимому, следует отнести упорное употребление устаревших слов, нежелание признавать новые слова. Так, например, М. Козаков вспоминает актрису Малого театра Е. Д. Турчанинову (1870-1963), которая девочкой во время русско-турецкой войны (1877-1878) «щипала корпию для *оператора* Пирогова», то есть для знаменитого хирурга. Сам Козаков говорил, что тогда слово «*оператор*» ему было известно только в одном значении – кинематографическом.

К. И. Чуковский начинает свою книгу «Живой, как жизнь» таким замечательным пассажем: «Анатолий Федорович Кони, почетный академик, знаменитый юрист, был, как известно, человеком большой доброты. Он охотно прощал окружающим всякие ошибки и слабости. Но горе было тому, кто, беседуя с ним, искажал или уродовал русский язык. Кони набрасывался на него со страстной ненавистью. Его страсть восхищала меня. И все же в своей борьбе за чистоту языка он часто хватал через край. Он, например, требовал, чтобы слово *обязательно* значило только *любезно, услужливо*.

Но это значение слова уже умерло. Теперь и в живой речи и в литературе слово *обязательно* стало означать *непрерменно*. Это-то и возмущало академика Кони. – Представьте себе, – говорил он, хватаясь за сердце, – иду я сегодня по Спасской и слышу: “Он *обязательно* набьет тебе морду!” Как вам это нравится? Человек сообщает другому, что кто-то *любезно* поколотит его!

– Но ведь слово *обязательно* уже не значит *любезно*, – пробовал я возразить, но Анатолий Федорович стоял на своем.

Между тем нынче во всем Советском Союзе уже не найдешь человека, для которого *обязательно* значило бы *любезно*.

Нынче не всякий поймет, что разумел Аксаков, говоря об одном провинциальном враче:

“В отношении к нам он поступал *обязательно*”.

Зато уже никому не кажется странным такое, например, двустышие Исаковского:

И куда тебе желается,
Обязательно дойдешь.

Многое объясняется тем, что Кони в ту пору был стар. Он поступал, как и большинство стариков: отстаивал те нормы русской речи, какие существовали во времена его детства и юности. Старики почти всегда воображали (и воображают сейчас), будто их дети и внуки (особенно внуки) уродуют правильную русскую речь.

Я легко могу представить себе того седоволосого старца, который в 1803 или в 1805 году гневно застучал кулаком по столу, когда его внуки стали толковать меж собой о развитии ума и характера.

– Откуда вы взяли это несносное *развитие ума*? Нужно говорить *прозябание*»⁷¹.

Уже упомянутая нами бабушка из романа В. Липатова «Игорь Саввович» вела себя в той же манере. Она произносила: *трэст* (впрочем, с той разницей, что, по ее мнению, произносить такое вульгарное слово не следовало вообще никак).

Конечно, неуместность такого рода – самая невинная.

Ю. Н. Караулов пишет: «Отступления от литературных норм, характеризующие современное состояние русского языка, укладываются в три группы фактов разного порядка – системные, культурно-речевые и этические»⁷².

То же самое можно сказать и о разновидностях речевой неуместности: это явления собственно языкового порядка, отступление от культурных и моральных норм.

71 Чуковский, К. И. Живой, как жизнь / К. И. Чуковский // Соч. : в 2 т. – М., 1990. – Т. 1. – С. 467-468.

72 Караулов, Ю. Н. О состоянии современного русского языка / Ю. Н. Караулов // Русская речь. – 2001. – № 3. – С. 27.

Стилистическая неуместность – это экстравагантность и даже вычурность произведения.

Иногда такие тексты делают объектом пародирования. Вот, например, текст, на который написана пародия Евгения Минина (ЛГ. 2013. № 9 — <http://lgz.ru/article/9-6406-2013-03-06/21044/>).

*Помутнели глаза у рыбы, зарезан хлеб,
С солью размешана белая кровь салата,
В горле огня равнодушный пирог окреп:
Трапеза подана, кушайте, чем богаты.*

Елена Генерозова

Пародия:

Салатное

*Острым ножом вспорот банки с горошком живот,
Кожа с картошки снята, как скальп могикана.
Белую кровь майонеза хозяйка нальёт,
Красная жуть вливается в горло стакана.
Вилки копьём воткнулись в невинный салат,
Маслом истерзан оливковым зелени силос.
В пепел сжигает гостей ненавидящий взгляд:
Трапеза подана, чтобы вы все подавились.*

На наш взгляд, не очень уместны образы в следующем восторженном пассаже: «Зритель понимает, что такое Доронина сегодня, что такое “контактное” переливание крови, что такое искусство без “маргарина”, когда вместо акробатики, физкультуры и фитнеса на сцене появляется **космический столб энергии**» (Есин, С. Львиная лапа / С. Есин // ЛГ. – 2006. – № 15 — <http://www.lgz.ru/>). Последний образ был бы весьма хорош, если бы не был штампом. Кроме того, в небольшом текстовом фрагменте автор сосредоточивает целый каскад образов, причем довольно эклектичных: здесь и контактное перели-

вание крови, и маргарин, и акробатика вкупе с фитнесом и физкультурой, и, наконец, космический столб энергии.

Этическая неуместность – несоответствие правилам приличий, нравственным нормам.

Как сказала Н. Я. Галь: «Неточное слово – это плохо. Но куда опасней слово бестактное»⁷³.

Таковы, например, каламбуры, вообще попытки проявлять остроумие по неподходящим поводам: «*Театр военных действий*» – о трагедии в Театральном центре на Дубровке – захвате зрителей мюзикла «Норд-Ост».

«Резкое нарушение этических границ языковой игры противоречит аристотелевскому принципу комического: “Смешное никому не причиняет страдания и ни для кого не пагубно” и, по меньшей мере, приводит к коммуникативной неудаче, так как нередко смешное при ближайшем рассмотрении оказывается несмешным, как в следующем случае. “Пьянству бой!” – стереотипный лозунг из недавнего советского прошлого, призывающий к борьбе с этим общественным пороком. В статье под таким же названием (“Вести”. – СПб., 2001 г.) он обыгрывался с помощью перевода переносного значения этой фразы в буквальное: в материале рассказывалось об убийстве доведенным до отчаяния отцом своего сына-алкоголика. Отец тут же умер от инфаркта. Трагическое событие, поданное ёрнически, характеризует прежде всего личность автора корреспонденции: перед нами либо циник, отстранено смешивающий трагическое и комическое, либо человек, не владеющий стилистическими регистрами языка и не умеющий переключать стилистические коды. Аналогичный случай – заголовок “Улицы подбитых фонарей” в статье, рассказывающей о травмах глаз»⁷⁴.

73 Галь, Н. Я. Слово живое и мертвое / Н. Я. Галь. – М.: Книга, 1972. – С. 114.

74 По материалам статьи Клушиной, Н. И. В какие игры мы играем / Н. И. Клушина // Русская речь. – 2003. – № 1.

Грубая вульгаризация явлений, которые считаются заслуживающими глубокого уважения или даже преклонения, в лингвистике называется травестированием. Вышучивание чего-то доброго, близкого нам всегда вызывает протест. «Известен случай, когда петербуржцы, восхищавшиеся остроумием актера П. А. Каратыгина, осудили его за то, что он на похоронах брата, В. А. Каратыгина, селясь протиснуться к гробу покойного, не утерпел и сказал каламбур: “Дайте мне, господа, добраться до братца”»⁷⁵.

Крайним проявлением неуместности следует считать бесстыдство, о котором пишет, например, Н. К. Михайловский в связи со стилистической распущенностью В. Розанова, которую он называет «философической порнографией». (Розанов писал, конечно, и о сексе, но в данном случае под порнографией подразумевается иное.)

*“Порнография”, хотя и “философическая”, и “любодейный дух”, прикрытый фиговыми листьями работы г. Шарапова, – не думаю, чтобы главным образом в этом состояло неприличие г. Розанова как писателя. **Неприличен он прежде всего своей нечистоплотной маханальностью: той развязностью, с которой он пускает в обращение небывалые факты собственного сочинения или делает достоверные, но ни для кого не интересные, сообщения о подробностях жителя-бытия своих знакомых; той небрежностью, с которой он пишет “первые попавшиеся слова”, не давая себе труда в них вдуматься, и даже прямо и просто свой бред печатает. Все это гораздо неприличнее, чем, например, явиться в общество в халате или с изъянами вроде незастегнутых пуговиц там, где им полагается быть застегнутыми. Костюм есть дело условное, халат для европейца и азиата не одно и то же, тогда как **выплескивать из себя на бумагу для всеобщего сведения всякий вздор всегда и везде одинаково нечистоплотно; нечистоплотно, недобросовестно и оскорбительно для читателя. Есть очень “знойные потребности”, кото-*****

75 По материалам статьи Клушиной, Н. И. В какие игры мы играем / Н. И. Клушина // Русская речь. – 2003. – № 1.

рые, однако, всенародно не удовлетворяются. Г. Розанов не знает в литературном отношении никаких границ. Помните, например, как он однажды обратился к Толстому с **нотацией**, одинаково изумительной как по форме, так и по содержанию: он печатно говорил с “великим писателем русской земли” на “ты” и рылся в интимнейших подробностях его личной жизни. Не помню, где было напечатано это единственное в своем роде произведение русской литературы, во всяком случае ответственность за него, равно как и за все другие курбеты г. Розанова – все эти выдуманые факты, каламбурные аргументы, первые попавшиеся слова, бреды – должна быть распределена между ним и теми редакциями, которые либо совсем безданным (то есть без дани – А.Ф.), беспошлинно пропускают его писания, либо, как г. Шарапов, спохватываются, уже достаточно угостив читателя “философической порнографией”.

Н. К. Михайловский. О г. Розанове, его великих открытиях, его маханальности и философической порнографии

Потомки (например, А. Гулыга, В. Кожинов) отнеслись к В. Розанову намного толерантнее современников. В последние 20-25 лет делаются попытки не просто вернуть его в широкий культурный обиход, но и объявить гениальным писателем и мыслителем – то ли «русским Монтенем», то ли «русским Фрейдом», то ли обоими сразу.

И, наконец, речевая уместность сама должна удовлетворять критерию уместности, то есть сама должна быть «соразмерна и сообразна».

В виде курьеза приведем примеры того, как требования приличий и других проявлений уместности доводятся до абсурда цензурой, которая объявляет недопустимым – то есть неуместным – буквально всё, хоть сколько-нибудь выходящее за пределы официоза.

«Цензора выискивали дух вольности всюду, где могли. Даже В. А. Жуковский – эта воплощенная благонамеренность и благочестие – подвергался гонению со стороны цензуры. Цензор Красовский, запрещавший печатать любовные стихотворения в постные дни, про-

славился своими замечаниями на стихотворение Олина (перевод “Стансов к Элизе” Вальтера Скотта).

1. “Улыбку уст твоих небесную ловить...” – пишет поэт. – Слишком сильно, пишет в ответ Красовский. – Женщина недостойна, чтобы улыбку ее называть небесною.

2. “И молча на тебе свои покоил взоры...” – Тут есть какая-то двусмысленность.

3. “И поняла, чего душа моя искала...” – Надобно объяснить, чего именно, ибо здесь дело идет о душе.

4. “Что в мненьи мне людей? Один твой нежный взгляд

5. Дороже мне вниманья всей вселенной...” – Сильно сказано; к тому же во вселенной есть и цари, и законная власть, вниманием которых дорожить должно.

6. “О, как бы я желал пустынных стран в тиши

7. Безвестный близ тебя к блаженству приучаться...” – Таких мыслей никогда рассеивать не должно; это значит, что автор не хочет продолжать своей службы государю для того только, чтобы всегда быть со своею любовницею; сверх сего к блаженству можно только приучаться близ Евангелия, а не близ женщины.

8. “О, как бы я желал всю жизнь тебе отдать!..” – Что же останется Богу?

9. “И на груди твоей главу мою покоить...” – Стих чрезвычайно сладострастный!

10. “Тебе лишь посвятить, разлуки не страшась,

Дыханье каждое и каждое мгновенье,

И сердцем близ тебя, друг милый, обновясь...” – Все эти мысли противны духу христианства, ибо в Евангелии сказано: кто любит отца своего или мать паче Мене, тот несть Мене достоин»⁷⁶.

Мало того, «Фаддей Булгарин, и тот жаловался, что цензора почитали оскорблением для веры выражения – *ангельская улыбка*,

76 Сакулин, П. Н. Филология и культурология / П. Н. Сакулин. – М. : Высш. шк., 1990. – С. 190-191.

небесный взгляд, ради Бога и т.д. Даже папская цензура не позволяла себе идти так далеко в защите благочестия, прибавляет он»⁷⁷.

Это еще не худшее. Николаевские цензоры превзошли александровских. «Руководствуясь уставом 1826 г., николаевские цензоры доходили в запретительном рвении до абсурда. Один из них запретил печатать учебник арифметики, так как в тексте задачи увидел между цифрами три точки и заподозрил в этом злой умысел автора»⁷⁸.

Уместность – это, как было сказано, водораздел между собственно речевой культурой и искусством. Это средний, оптимальный уровень, обязательный для всех. Высокая речевая культура проявляется в богатстве, разнообразии речи, а также ее яркости, образности и выразительности.

77 Сакулин, П. Н. Филология и культурология / П. Н. Сакулин. – М. : Высш. шк., 1990. – С. 191.

78 Троицкий, Н. А. Россия в XIX веке : курс лекций / Н. А. Троицкий. – М. : Высш. шк., 1997. – С. 106.

7 БОГАТСТВО, РАЗНООБРАЗИЕ РЕЧИ

Сначала немного цифр⁷⁹.

В словаре С. И. Ожегова – 57 000 слов, С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой – 72 500 слов.

В словаре Д. Н. Ушакова – 85 200 слов.

4-томный академический Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (1981-1984) содержит более 90 000 слов.

В «Новом словаре русского языка. Толково-словообразовательном» Т. Ф. Ефремовой (М. : Рус. яз., 2000) свыше 136 000 словарных статей, около 250 000 семантических единиц.

В «Иллюстрированном толковом словаре современного русского языка» В. В. и Л. Е. Лопатиных (М. : Эксмо, 2007) – более 35 000 слов (здесь отображена сравнительно широко употребляемая лексика).

В Большом толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова (СПб. : Норинт, 1998) около 130 000 слов.

В словаре В. И. Даля – около 200 000 слов.

Словарь языка А. С. Пушкина – 21 290 слов (для сравнения: словарь В. Шекспира – около 30 000 слов).

Лексикон образованного человека – в среднем 10-12 000 слов.

Итак, даже образованные люди используют лишь очень незначительную часть лексических ресурсов родного языка.

Но дело даже не в численности. Лексическое изобилие может быть количественным (это **богатство** речи) и качественным (это ее **разнообразие**). Второе качество с точки зрения речевой культуры более ценно.

Обогащение речи может быть *экстенсивным* – за счет источников, внешних по отношению к литературному (общеупотребительному) родному языку – и *интенсивным* – за счет активизации скрытых ресурсов литературного языка.

79 Строго говоря, это неправильный оборот, хотя и допустимый из-за метонимии. Цифры – это знаки, а речь идет о числах.

Экстенсивное обогащение

Самый очевидный источник такого расширения лексикона – заимствование иноязычных слов. В последние 25-30 лет их в русском языке появилось (или активизировалось) так много, что это вызывает протест – прежде всего у почвеннически ориентированных деятелей культуры, как, например, писатель В. Белов: «(...) что делать, если и впрямь ненавистники России всех мастей намеренно, я бы сказал грамотно, засоряют наши сердца и души иностранщиной. Я совсем не против латыни в медицинских рецептах, но ведь надо и совесть (т. е. предел) знать, господа эскулапы! А технику взять? Словарный состав языка отнюдь не всегда богаче становится, если свое живое название сменим на мертвую латынь. Добросовестные доки аптечного и инженерного дела подтвердят эту мысль»⁸⁰.

Не думаю.

Филологи не драматизируют ситуацию. Например, М. Кронгауз, хотя и пишет о «русском языке на грани нервного срыва», все же заявляет: «Я, в принципе, не против заимствований, я только хочу, чтобы русский язык успевал их осваивать, я хочу знать, где в них ставить ударение и как их правильно писать»⁸¹.

Заимствование иноязычных слов – не чья-то прихоть и злая воля. У этого процесса есть множество причин. Л. П. Крысин называет следующие:

- 1) потребность в наименовании новой вещи – *кино, радио, такси, компьютер*;
- 2) разграничение близких, но не тождественных по смыслу предметов и понятий – сообщение – *информация*, страх – *паника*, уют – *комфорт*;
- 3) подчеркивание более узкого и специфического употребления слов – вывоз – *экспорт*; преобразователь – *трансформатор*;

80 Белов, В. Забвение слова / В. Белов. См. электронный ресурс: <http://zavtra.ru/content/view/2001-06-1954/>

81 Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – М. : Знак : Языки славянских культур, 2007. – С. 15.

4) тенденция к стилистической цельности – употребление в общем контексте ради единообразия заимствованных слов, типичных для данной сферы, например, для спорта: *снайпер, стайер, спринтер*;

5) усвоение традиционных (нередко интернациональных) слов, облегчающих понимание – *юзер* у программистов вместо «пользователя»;

б) престижность⁸² – *консалтинг* (слово выглядит более «солидно» даже по отношению к «консультированию»), *эсклюзивное интервью* и т. п.⁸³

Как видим, только последняя из них носит субъективный характер, остальные вполне объективны.

Главное, о чем следует помнить: заимствованное слово и его русский эквивалент часто бывают далеко не тождественными:

– *Пойдешь ко мне в штат?*

Татарский еще раз посмотрел на плакат с тремя пальмами и англоязычным обещанием вечных метаморфоз.

– *Кем? – спросил он.*

– *Кризйтором.*

– *Это творцом? – переспросил Татарский. – Если перевести?*

Ханин мягко улыбнулся.

– *Творцы нам тут (...) ⁸⁴ не нужны, – сказал он. – Кризйтором, Вава, кризйтором.*

В. Пелевин. Generation “П”

Еще один важный источник обогащения словаря – **активизация пассивного запаса** уже русского языка.

82 Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) ; отв. ред. В. А. Земская. – 2-е изд. – М., 2000. – С. 146-147.

83 Там же. – С. 153.

84 Здесь «обогащение» речи за счет мата.

– Но ведь они, кажется, ввели здесь телесные наказания?

– Ах, – сказал Лоханкин проникновенно, – ведь в конце концов кто знает? Может быть, так надо. Может быть, именно в этом великая **сермяжная правда**.

– Сермяжная? – задумчиво повторил Бендер. – Она же **посконная**, домотканая и **кондовая**? Так, так. В общем, скажите, из какого класса гимназии вас вытурили за неуспешность? Из шестого?

– Из пятого, – ответил Лоханкин.

Употребленные здесь прилагательные – исконные русские, однако для многих они уже не более понятны, чем иностранные.

Итак, прокомментируем их.

Посконная – из поскони, то есть домотканого конопляного полотна.

Сермяжная – из сермяги, то есть грубого сукна.

Разумеется, оба эти слова – эпитеты и употреблены в переносном значении.

Сермяжная правда, великая сермяжная правда (англ. *homespun truth*) – русское и английское идиоматическое выражение, означающее простую и неприукрашенную, но глубокую истину. В русском языке это словосочетание существует по крайней мере с XIX века, хотя и приписывается И. Ильфу и Е. Петрову (роман “Золотой теленок”), в английском – встречается в анонимной балладе “The Juste Millieu”, впервые опубликованной в 30-х годах XIX века.

Кондовый, ая, ое. 1. С плотной мелкослойной древесиной, очень прочный (спец.). К. лес. 2. Исконный, сохранивший старые обычаи, устои (устар.). Кондовое купечество (Толковый словарь Ожегова, 1949; С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, 1993).

Кондовый – прочный, протокольный, высокий, исконный, коренной. Кондовый см. исконный (Словарь синонимов русского языка).

Происходит от сущ. конда, *кóнга*, происходящ. из финск. *honka* (род. п. *hongan*) «зрелая сосна». Коми *konda* (то же) заимств. из русск. Неприемлемо по фонетическим соображениям объяснение русск.

слова из шв. *kåda* «древесная смола». Иную этимологию имеет название реки Конда на территории ханты – от *ханты* *Xonda*, *Xùnt* – то же (словарь М. Фасмера).

Богатство речи – это в том числе умелое владение **синонимией**. К. И. Чуковский писал о плохих переводчиках: «Запас синонимов у них скуден до крайности. Лошадь у них всегда только лошадь. Почему не конь, не жеребец, не рысак, не вороной, не скакун? Лодка у них всегда лодка, и никогда не бот, не челнок, не ладья, не шаланда... Словесное худосочие надо лечить. Конечно, если болезнь запущена, окончательное выздоровление едва ли возможно. Но все же мы должны озаботиться, чтобы анемия приняла менее тяжелую форму, а для этого (...) следует изо дня в день пополнять свои скудные запасы синонимов. Даль – вот кого (...) нужно читать, а также тех русских писателей, у которых был наиболее богатый словарь: Крылова, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Сергея Аксакова, Льва Толстого, Тургенева, Лескова, Чехова, Горького»⁸⁵.

Соответственно, у хороших переводчиков запас синонимов велик, и, разумеется, это относится не только к переводчикам.

Следует, однако, уточнить некоторые нюансы. К. И. Чуковский сетует, что у плохих переводчиков «лодка всегда лодка, и никогда не бот, не челнок, не ладья, не шаланда...». Но, во-первых, это отнюдь не синонимы, эти слова далеко не взаимозаменяемы. Во-вторых, *ладья* и особенно *шаланда* выглядят весьма своеобразно в *переводном* тексте. Как, впрочем, областные лексемы из словаря Даля – там же. Чуковский, конечно, кое-что преувеличивает, но принцип понятен: нужно расширять запас синонимов.

Богатейший словарный запас был у Б. Л. Пастернака. За счет чего? Отнюдь не из-за иностранной, экзотической лексики, а благодаря активизации лексики бытовой, малоупотребительной в поэзии, а иногда и в обиходе. Она может быть и исконной, и заимствованной, но давно адаптированной. Вот, например, стихотворение того периода,

85 Чуковский, К. И. Высокое искусство / К. И. Чуковский. – М., 1988. – С. 82-83.

когда Пастернак пришел к некоторой стилистической определенности – решил подпитывать свою поэзию бытовыми, простонародными оборотами, «языком улицы».

*Бывалый гул былой Мясницкой
Вращаться стал в моем кругу,
И, как вы на него не цыцкай,
Он пальцем вам и ни гугу.*

*Напрасно в сковороды били,
И огорчалась кочерга.
Питается пальбой и пылью
Окуклившийся ураган.*

*Но за разгромом и ремонтом,
К испугу сомкнутых окон,
Червяк спокойно и дремотно
По закоулкам ткет кокон.*

*Тогда-то сбившись с перспективы,
Мрачатся улиц выхода,
И бритве ветра тучи гриву
Подбрасывает духота.*

*Сейчас ты выпорхнешь, инфанта,
И, сев на телеграфный столб,
Расправишь водяные банты
Над топотом промокших толп*

«Бабочка – буря»

Пастернак здесь не злоупотребляет необыкновенными, вычурными словами, хотя совсем без них не обходится. В гораздо большей степени он активизирует пассивный словарный запас:

1) вульгаризмы – *цыцкай, ни гугу*;

2) бытовизмы, малохарактерные для поэзии – *сковороды, кочерга*⁸⁶, *закоулки, асфальт, почтамм, ремонт*;

3) специальные слова – *кокбн, окуклившийся, перспектива*.

Свою долю в обогащение речи вносит окказиональное словотворчество, в чем были изобретательны русские футуристы. Вспомним, например, слова из театрального («зерцожного») словаря А. Крученых и В. Хлебникова: театр – *зерцог* (то есть чертог созерцания); актер – *обликмен* (меняющий облики); суфлер – *застенчий* (не только находящийся за стеной, но не показывающийся на сцене из застенчивости); словечки того же В. Хлебникова – *лебедиво, кружеток* (венки), *божестварь*; И.-Северянина – *зеркалозеро, озерзамок, лесофея*.

Занимаются словотворчеством и современные литераторы. М. Н. Эпштейн – собиратель и комментатор таких новообразований – считает, что каждое из них является самостоятельным произведением искусства. Он употребляет термин «однословие», то есть целый текст, заключенный в одном слове.

Теперь назовем источники интенсивного обогащения. Это

1) **полисемия** – название сериала А. Митты «*Граница. Таежный роман*»; другие примеры – из Ф. Кривина: *Каждая низменность норовит стать возвышенностью, и это настоящее стихийное бедствие; Для того, чтобы быть полезным, необязательно стать ископаемым*;

2) **ресемантизация** слова, то есть его переосмысление (переосмысленные слова называются также **псевдоомонимами**): *договор* (вор собак), *привратник* (мелкий лгун), *самогонка* (дрезина),

86 По поводу кочерги – любопытное косвенное свидетельство относительной редкости этого слова – см. у М. М. Зощенко в одноименном рассказе, который здесь уже цитировался:

Но тут директор осекся. Он перестал диктовать и, почесавши затылок, сказал машинистке:

– Что за черт. Не помню, как пишется – пять коче... Три кочерги – ясно. Четыре кочерги – тоже понятно. А пять? Пять – чего? (...)

Молоденькая машинистка, пожав плечами, сказала, что она вообще впервые слышит это слово и, уж во всяком случае, в школе ей не приходилось склонять что-либо подобное.

архилох (сверхпростофиля, так называемый «лох»), *куропатка* (ненормальная курица), *глюкоза* (коза-наркоманка), *крахмал* (небольшой кризис), *мышьяк* (чудо селекции) (взято из юмористических телепередач 1990-х гг.)

3) **эпитеты** – напр., банальные определения к слову «речь»: *яркая, пламенная, патетическая, сладкозвучная* и др.; редкие: *точная и нагая* (В. Маяковский), *тихоструйная речь чиновника* (Ю. Герман), *увертливая* (П. Вяземский) (из «Словаря эпитетов русского литературного языка» К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло).

Обогащение речи происходит и через образность – например, через творческое развитие аллюзии:

*«Гейне в одном из своих посмертных стихотворений говорит, что мир представляется **молодой красавицей** или **брокенской ведьмой**, смотря по тому, через какие **очки** на него взглянуть – через **выпуклые** или через **вогнутые**. Если верить на слово поэту, если предположить, что можно надевать себе на нос разные очки и вместе с тем менять взгляды на жизнь и на ее явления, то мы принуждены будем сознаться в том, что **наше зрение радикально испорчено вогнутыми очками**; чуть только мы попробуем заменить их другими или просто снять их долой, перед нашими глазами расстелется такой густой туман, который помешает нам распознавать контуры самых близких к нам предметов. Наше зрение слишком слабо для того, чтобы охватить все мироздание, но те крошечные уголки, которые нам доступны, кажутся нам такими неизящными шероховатостями и такими глубокими морщинами, которые гораздо легче себе представить на старой физиономии брокенской ведьмы, чем на свежем, прелестном лице молодой красавицы»* (Д. И. Писарев. Московские мыслители).

Итак, открытие внутренних богатств, скрытых ресурсов языка может быть гораздо интереснее, чем заимствование из внешних источников.

8 ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РЕЧИ

Выразительность (экспрессивность) речи – это ее способность привлекать внимание к тексту за счет ярких, нетривиальных, необычных средств на всех языковых уровнях. Выразительность апеллирует к чувствам человека и к его эстетическому восприятию. Выразительность соотносится с такими категориями, как красота (но не обязательно – гармония: напротив, нарушение гармонии, порядка бывает очень экспрессивным), оригинальность, эффектность, красочность, образность, увлекательность.

Предполагается, что для нее обязательны, по крайней мере, два коммуникативных качества:

- а) богатство – и лексики, и вообще языкового репертуара;
- б) отчетливость, наглядность, ясность: чтобы привлечь внимание, выразительные средства должны быть не только заметными, но и понятными. Сложность – не лучшее для них качество.

В общем, текст должен

*быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.*

Что значит «живым» – это в целом понятно.

А что значит: «до конца»?

Прежде всего эта живость проявляется *последовательно*, постоянно, а не спорадически (от случая к случаю). Хотя, с другой стороны, равномерная яркость текста как раз вредит восприятию, потому что в ней теряется, растворяется то, что действительно. В статье Б. А. Ларина о «Судьбе человека» М. А. Шолохова: «Семантические спектры стиля открывают чередование светящихся и богатых в глубину словесных средств с тусклыми, семантически простыми креплениями композиции; позволяют следить за той пульсацией напряжений в повествовании, которая передается читателю и помогает (...) всей способностью мысли и чувства подняться до пафоса и раздумий

такого писателя, как Шолохов»⁸⁷. Вот именно: «такого писателя, как Шолохов». Но таких писателей – единицы. Для Шолохова такой стиль подходит, для других, возможно, и нет.

Выразительность проявляется на всех языковых уровнях.

Приемов ее достижения множество, и мы сможем упомянуть и хотя бы как-то охарактеризовать лишь малую часть.

В художественной литературе и публицистике весьма редкий прием – **звукопись**, например, фонетические анафоры – прежде всего в заглавиях текстов.

Например: Д. Тукманов. *Пепел, полеты и пиар* (Завтра. 2010. № 16. 21 апреля).

Автор развивает этот прием, перенося его в текст – точнее, в начало: *«Пять “П”: полеты, погода, пепел, похороны и пиар, — казались в эти дни главными действующими лицами. Из уст миллионов людей, ставших жертвами “авиационно-вулканического спектакля”, то и дело срывалась, подытоживая ситуацию, интегральная шестая “П”, но мы, патриоты, по этому поводу промолчим»*. Автор настолько увлекся приемом фонетического единоначатия, что продолжает употреблять слова, начинающиеся на *п*, даже не соответствующие первоначальной функции данного приема (объединение тем, которые оказались наиболее актуальны для СМИ). Далее он использует такие слова, так сказать, по инерции: *патриоты, по поводу, промолчим*.

Важный источник выразительности – **лексика и семантика**. Ранее мы много говорили о том, что словоотбор должен быть тщательным, максимально точным, недвусмысленным.

Однако двусмысленность часто используется как художественный прием – например, **амфиболия**, как в афоризмах Ф. Кривина:

*Для того, чтобы быть полезным, необязательно стать **ископаемым**.*

87 Ларин, Б. А. Эстетика слова и язык писателя / Б. А. Ларин. – Л., 1974. – С. 282.

Число, которое нельзя отнести ни к положительным, ни к отрицательным, во всех случаях является нулем.

И любовь к себе бывает плодотворной. У одноклеточных.

Двусмысленность имеет в этих изречениях особую функцию: указывают на глубинное сходство и даже родство явлений на разных уровнях, на универсальное устройство мира. В природе, в культуре, в человеческом обществе всё происходит по одним и тем же правилам и законам.

Другой прием, связанный с двусмысленностью – **плока**, то есть повторение слова в разных значениях. Плока создает эффект остроумного косноязычия:

«Нам с вами нужно с вами что-то делать. А эта история на уроке истории просто переполнила чашу терпения» (фильм «Большая перемена»).

На уровне **лексики** отметим прежде всего использование экспрессивных, эмоционально окрашенных слов, в том числе вульгаризмов.

В публицистике вполне уместна умеренная **пейоративность**, то есть использование отрицательных характеристик, даже ругательств, но не очень грубых, например:

*За это время антисоветизм **протух** и сделался **омерзителен**. Он стал признаком **тупости**, чем-то бесконечно **вульгарным**. И всё равно им **размахивают, как дубиной**. Его вкачивают в тело общества против его желаний. Так ведёт себя только **воинствующая серость**, для которой нет других идеалов, кроме собственного **брюха**. Так упорствует только лишь тот, кто примеряет к человечеству собственное **ничтожество**. Лишь тот, кого раздражают огонь сознания и воля к жизни, понимаемой как бытие, как противостояние смерти. Лишь тот, кто хочет всё это избыть и готов на любую **мерзость** (Валерий Рокотов. Вежливые люди. ЛГ. № 17. 24.04.2013 — <http://lgz.ru/article/-17-6413-24-04-2013/vezhlivye-lyudi/>). Обратим внимание, что автор закольцовывает свой текст словами **омерзителен***

– мерзость, то есть не просто ругается, но старается придать этому процессу гармоничную форму.

Это вообще типично для публицистических и/или ораторских текстов – не только специфическая лексика, но и подкрепляющие приемы – чаще **синтаксические**. Вот, например, вульгаризм, усиленный **эпифорой**. А. Проханов цитирует одного политического деятеля, который *«после катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС и авиационной катастрофы “Русских витязей”, смертоносного взрыва в Назрани и жуткого пожара на Югре» «заявил, что домыслы о технологическом крахе России – “это брехня”*. Заявление залихватское, достойное сильного лидера, компетентного политика, настоящего реформатора.

Значит, разговоры о гибели российской науки, которая не сделала за двадцать лет ни одного открытия, доедает остатки советских калорий, состоит из печальных, с погашенными умами стариков, – это брехня.

Утверждение о тотальном разорении ВПК, который больше не может строить звездолёты, баллистические ракеты и самолёты “пятого поколения”, закупает комплектующие за границей, там же приобретает снайперские винтовки и вертолётноносцы, теряя последних заказчиков в Индии, Китае, Алжире, – это тоже брехня. Суждение о разрушении дорог, трубопроводов, жилищного фонда, отечественной фармацевтики, легкой промышленности, ужасающего положения Русской деревни – это брехня» (Проханов, А. Монархия без империи, православие без Христа / А. Проханов // Завтра. – № 36. – 2 сент. 2009 г.).

Синтаксис и лексика вступают здесь в амбивалентные отношения: с одной стороны, вульгаризм, как было сказано, подчеркивается и усиливается эпифорическим повтором. С другой – вульгаризм придает речи разговорную окраску, а **киклос** (кольцо) – книжную, то есть синтаксис смягчает крайности лексики.

Эпифора – вообще один из самых распространенных и эффективных синтаксических приемов, особенно когда она используется для подведения итогов, для создания целостной картины действительности.

Налог в 13%, один из самых низких в Европе, перераспределяющий налоговое бремя с богатых на бедных, – это тэтчеризм. Массовая приватизация медицины, уничтожающая сейчас один из последних островков советской социальной политики, – это тэтчеризм. Уничтожение качественного и массового образования – это тэтчеризм. Катастрофическая для отрасли приватизация энергетики, уже отозвавшаяся минувшей зимой авариями и отключениями целых районов, – это тэтчеризм. Стоящая на грани краха коммунальная сфера, заботу о которой государство сейчас готово окончательно сбросить со своих плеч, – это тэтчеризм. Развал системы общественного транспорта в городах на фоне пробок – это тэтчеризм. Повышение пенсионного возраста, которое пропагандируют молодые упитанные чиновники, призывающие страну “жить по средствам”, – это тэтчеризм. Список читатель может продолжить сам. Тэтчер умерла. Задача левых – похоронить тэтчеризм (С. Соловьев, Д. Пономаренко. См. электронный ресурс: <http://scepsis.net>).

Анафора – одинаковое начало близких по смыслу фрагментов (колонов):

Так проходят год, два, три, и вдруг начинаешь видеть, что почти на каждом спектакле налет какой-то суетливости. Суетливость – хуже ржавчины.

*Между тем **профессионализм** – это скрупулезность, способность трудиться, отсутствие суеты.*

***Профессионализм** – это деловая скромность, способность служить своему делу, самокритичность.*

***Профессионализм** – это не притягивание роли к себе, а умение идти от себя к роли, ломая не роль, а себя. Это умение не*

задерживать на себе лишнего внимания. **Это** способность ощущать действие и его развитие.

Профессионализм – это умение слышать режиссера и чувствовать локоть партнера. Тяга к изживанию в себе поверхностного, тяга к углубленности.

Профессионализм – это воспитание в себе особого слуха к внутреннему ходу сценического действия.

Профессионализм – это подвижность внешняя и внутренняя. Наконец – это подвижничество.

А. В. Эфрос. Профессия – режиссер

Есть и более интересный (но, конечно, и гораздо более редкий) прием – **симпλόка**: при повторениях точно или приблизительно совпадают начала фраз, их концы, а в середине возникают вариации. Критик сообщает, что прочитал в «АиФ» интервью одного известного кинорежиссёра, который *«проклинает Советское время. Считает, например, что оно “разрушило традиционные устои, породило изуверскую мораль”*. Какие устои? Молчит. В чём изуверская мораль – не в том ли, что деревни и города гибнут, народ вымирает, а нам закатывают Всемирную Олимпиаду стоимостью в 1,5 триллионов рублей да вдобавок ещё чемпионат мира по футболу, который обойдётся в 600 млрд. рублей? **Такое, уважаемый служитель муз, могло быть в Советское время? И не в том ли изуверская мораль, по вашим же словам, “что всё сводится к потреблению, все можно купить и продать, общество деградирует в стадо скотов”**. **Это было, маэстро, в Советское время? Нет, вы сами так характеризуете время нынешнее.**

“У нас на отечественную культуру государство махнуло рукой”. **Так было, народный артист СССР, в Советское время?**

“Мы утратили некие нравственные табу”. Что ж так стыдливо – “некие”? Ведь можно кое о чем сказать конкретно. В стране разгул педофилии, со сцен академических театров, со страниц книг

гремит матерщина, по телевидению показывают совокупления...
“Живи на светлой стороне!” **Так было, так могло быть, любезный, в Советское время?**

“Телевидение беспрестанно поддерживает в обществе состояние агрессивности, изо дня в день людям показывают оружие, насилие, кровь, убийства... Когда всё это – бытовое явление, люди к этому привыкают. Общество теряет иммунитет”. **Так было, так могло быть, мыслитель, в Советское время?** (Бушин, В. «Весна, она о нас не знает...» / В. Бушин // Завтра. – 27 июня 2013 г.)

Выразительность симплоки возрастает, если ее срединные элементы составляют некоторую **градацию**, подчиняются определенной логике и/или закономерности. В данном случае это компоненты *уважаемый служитель муз – маэстро – народный артист СССР – любезный – мыслитель*. Сначала даются трафаретные общечеловеческие, космополитические формулировки (*служитель муз, маэстро*), имеющие, однако, легкий архаический оттенок, отсылающий к дореволюционному прошлому – не скажем явно: буржуазному, но и к нему тоже. Затем Бушин по контрасту упоминает о советском прошлом режиссера (*народный артист СССР*), подчеркивая в том числе его неблагодарность: он, как было сказано, проклиная власть, которая его признала и наградила (следует добавить: *и воспитала*). Последние два иронических наименования (*любезный, мыслитель*) имеют отношение уже не к социальному положению режиссера и его убеждениям, а к его качествам, причем *любезный* перекликается с *уважаемый*. Ирония эта называется «**антифразис**» – порицание и насмешка через мнимую похвалу.

Речь весьма украшают и облагораживают проявления человеческого интеллекта, остроумия – прежде всего афоризмы.

Вот некоторые блестящие изречения выдающихся писателей.

Из Ф. Искандера:

«Инспектор-ангел, пролетая над нашей Землей, воскликнул:
«*Боже, Боже, какая провинциальная планета!*»

«Двадцатилетний футурист – любопытно. Пятидесятилетний – омерзительно»;

«Кто-то хорошо сказал: “В молодости нам нравятся люди красивые, талантливые. В зрелом возрасте – хорошо воспитанные”»

«В состоянии рассеянного хамства»;

«Ум без нравственности неразумен, но нравственность разумна и без ума»;

«Глупость высмеивается не для того, чтобы истребить глупость, – она неистребима, – а для того, чтобы поддержать дух разумных»;

«По высочайшей аккуратности текста угадывается подлог»;

«Степень погружения в комфорт равна объему вытесненной мысли»;

«Бунтарь – гомеопат»;

«Логика судьбы любит пролезать в прорехи человеческой логики»;

«– Я по ту сторону Добра и Зла!

Зло молча усмехается»;

«Дурак, засекреченный образованием»;

«Не так важно, любишь ли ты язык, на котором пишешь, гораздо важнее – любит ли он тебя».

Из А. Вампилова:

«Из него не получилось даже пьяницы»;

«Стройна, как знак вопроса»;

«Человека из зоологии выделяют эмоции»;

«Если нет свежего, неожиданного эпитета, надо брать точный эпитет»;

«Графоман-рецидивист»;

«Даже Ромео познакомился с Джульеттой на танцах».

Но есть и риторические средства более сильные, чем просто использование чужой мудрости – например, **обновление фразеоло-**

гизма. Тем самым выражается важная идея: человеческая мысль не застывает. Она живет в культуре, меняется и развивается. Например:

*Высоцким бредит вся страна,
Им весь экран захвачен снова.
Сказать “Россия им больна” –
Нельзя: Россия им здорова.*

*[Ведь он – связующая нить,
Последний шов, который сварен.
Кто может нас объединить?
Лишь он, Победа да Гагарин.]*

Д. Быков

А вот искромётный обмен переосмыслениями библейского оборота *смешение языков* у героев «Горя от ума»:

Чацкий

*А Гильоме!.. – Здесь нынче тон каков?
На съездах, на больших, по праздникам приходским
Господствует еще смешенье языков –
Французского с нижегородским.*

Софья

Смесь языков?

Чацкий

Да, двух, без этого нельзя ж.

Софья

Но мудрено из них один скроить, как ваш.

А. С. Грибоедов

Здесь игра слов включает прием, который называется «**плока**»: лексема *язык* упоминается в разных значениях – средство общения (у Чацкого) и орган речи (у Софьи).

Обновляемый фразеологизм обогащается новыми смысловыми оттенками – например, за счет **парономазии**:

*О мания! О мумия
Величия!*

М. И. Цветаева

Гениальный цветаевский оборот *мумия величия* содержит в себе целую идею огромной обобщающей силы.

Конечно же, одним из самых экспрессивных приемов является **антитеза**, оформляющая резкие столкновения и противоречия.

*Шаркуны,
ишиковисты,
насильники,
вам гасить –
не гореть суждено.
На светильники и гасильники
человечество разделено.*

*И светильники не примиряются
с темнотой
в наитемные дни,
а гасильники притворяются,
что светильники –
это они*

Е. Евтушенко. Казанский университет

Кстати, сам Евтушенко воспользовался антитезой Н. Глазкова, у которого, впрочем, в ее основе лежат окказиональные слова (придуманные автором⁸⁸):

88 У Евтушенко, строго говоря, тоже окказионализмы, но они образованы путем так называемой семантической деривации, то есть употребления общепонятных слов в специфических, им – автором – придуманных значениях. Внешний вид слова при этом остается неизменным.

*Пусть ошибочно это открытие,
Сообщаю новую весть.
На творителей и вторителей
Мир разделен весь.
И творители проторяют
Неизведанные пути,
А вторители повторяют,
Ибо надо куда-то идти.*

Н. Глазков. Поэтоград

И, наконец, совершенно необыкновенное впечатление могут производить тексты, не содержащие никаких особых или вообще никаких приемов.

Например, А. М. Горький вспоминает о таком потрясении.

Помню, “Простое сердце” Флобера я читал в Троицын день, вечером, сидя на крыше сарая, куда залез, чтобы спрятаться от празднично настроенных людей. Я был совершенно изумлен рассказом, точно оглох, ослеп, – шумный весенний праздник заслонила предо мной фигура обыкновеннейшей бабы, кухарки, которая не совершила никаких подвигов, никаких преступлений. Трудно было понять, почему простые, знакомые мне слова, уложенные человеком в рассказ о “неинтересной” жизни кухарки, так взволновали меня? В этом был скрыт непостижимый фокус, и – я не выдумываю – несколько раз, машинально и как дикарь, я рассматривал страницы на свет, точно пытаюсь найти между строк разгадку фокуса.

Простота и безыскусность, пробуждающие добрые чувства и производящие впечатление чуда, — это и есть высшее проявление речевой культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теперь обратимся к моменту, который мы переживаем сейчас.

М. Р. Львов отмечает ряд особенностей, так или иначе относящихся к современному состоянию речевой культуры.

«В наше время нередко отрицательное отношение слушающих вызывает неумеренное употребление усложненных образов, тропов, мифологических символов, цитат и труднопроизносимых англицизмов». «Современное восприятие речи предпочитает краткость». Актуальными стали такие аспекты, как толерантность, недопустимость высокомерия, снобизма⁸⁹. В советские времена, когда общая культура поведения, по крайней мере, в публичном пространстве, соблюдалась, таких проблем не было.

Это касается прежде всего СМИ, ярче всего проявляется именно там.

Ю. Н. Караулов задается вопросом: если бы А. М. Горький – интеллигент XX в., познавший дно жизни, с его грубостью и грязью, прорвавшийся к высотам культуры путем напряженного самообразования и ставший одним из создателей советской культуры, – воскрес, то «какое бы у него возникло представление о современном русском человеке – “читателе” и “писателе” – и современном русском языке? Сложно предположить, но шокирован, думаем, он был бы определенно. Причем шок был бы вызван, видимо, не в первую очередь возможными культурно-речевыми промахами пишущих или говорящих с экрана телевизора, хотя эти ошибки и могут подрывать доверие к тому, о чем говорится. Поразительным для восприятия человеком другой эпохи покажется даже не содержательная сторона, не обсуждаемые темы и проблемы, а прежде всего общий дух и тон текстов в СМИ. **Тон** – в основном, независимо от обсуждаемой проблемы, – **иронический, скептический, насмешливый, а подчас издеватель-**

89 Львов, М. В. Риторика. Культура речи : учеб. пособие / М. В. Львов. – 2-е изд., испр. – М. : Академия, 2004. – С. 217.

ский. Этот фельетонный дух в соединении с использованием раско-
ванных, не отмеченных этической озабоченностью языковых средств,
перешедших из нашей повседневной жизни, из устного бытования на
страницы газет и в эфир, очевидно, призван, по замыслу авторов, ин-
тимизировать общение с читателем, слушателем. Но интимизация
возможна, если партнеры равноправны, а такого равноправия нет (...)
В итоге мы имеем дело с общим снижением культурно-речевого
уровня использования языка в СМИ, которое естественным образом
отражается на повседневной языковой жизни общества, на “состоя-
нии” русского языка»⁹⁰.

Иными словами, культурный русский и советский интеллигент,
да еще и сделавший себя сам, пришел бы в ужас даже не просто от
современного состояния грамотности, но от стиля отношений в СМИ
и в сфере публичного общения.

Если в середине XX в. К. И. Чуковский писал об истреблении
остатков бескультурья и цитировал П. Нилина: «В нашей стране, где
широко открыты двери школ – и дневных и вечерних, – никто не мо-
жет найти оправдание своей неграмотности», то сейчас приходится
говорить о самой настоящей безграмотности, хотя оправданий для
нее всё равно нет.

Если в 1990-х гг. В. Г. Костомаров в книге с говорящим назва-
нием «Языковой вкус эпохи» (где тоже исследуется публицистика),
будучи явно не в восторге от этого «вкуса», еще пытался искать (или,
вернее, внушить себе и читателям) нечто обнадеживающее: «Главное
же в том, что изменился языковой вкус общества, общественное от-
ношение к языку из идеологически-державного стало коммуникатив-
ным или, будем надеяться, культурно-коммуникативным и историч-
ным»⁹¹. Оптимистические надежды, для которых и в то время не бы-
ло оснований, не сбылись.

90 Караулов, Ю. Н. О состоянии современного русского языка / Ю. Н. Караулов // Рус-
ская речь. – 2001. – № 3. – С. 31.

91 Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи / В. Г. Костомаров. – 3-е изд. – М. : Златоуст,
1999. – С. 307.

Традиционно основным достоинством публицистики считалась выразительность. По мнению автора этих строк и его бывших аспирантов, ныне кандидатов наук Е. Г. Липатовой, Л. В. Писаренко, С. В. Корносенкова, главным коммуникативным свойством современной публицистики становится точность. Экспрессивных, эффектных, ярких статей российские читатели видели много – по крайней мере, со времен «перестройки». Сейчас нужны не эффектные, а умные, глубокие аналитические статьи.

Но это важно не только для СМИ. По мнению автора этих строк, на точности, определенности, ясности, корректности и следует выстраивать речевую культуру. Остальное приложится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1) Асоян, Ю. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков / Ю. Асоян, А. Малафеев. – М.: ОГИ, 2000.
- 2) Бельчиков, Ю. А. Стилистика и культура речи / Ю. А. Бельчиков. – М. : Наука, 2002.
- 3) Введенская, Л. А. и др. Русский язык и культура речи : учебное пособие для вузов / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Катаева. – Ростов н/Д : Феникс, 2001.
- 4) Волков, Ю. Г. и др. Социология / Ю. Волков, В. Добренков, В. Нечипуренко, А. Попов // Социология. – М. : Гардарики, 2003.
- 5) Галь, Н. Я. Слово живое и мертвое / Н. Я. Галь. – М.: Книга, 1972.
- 6) Голуб, И. Б. Основы культуры речи : пособие для учащихся 8-9 классов / И. Б. Голуб. – М. : Просвещение, 2005.
- 7) Голуб, И. Б. Русский язык и культура речи : учебное пособие / И. Б. Голуб. – М. : Логос, 2002.
- 8) Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – М. : Прогресс, 1985.
- 9) Гречихин, А. А. Вузовская учебная книга. Типология, стандартизация, компьютеризация / А. А. Гречихин, Г. Девс. – М. : Логос, 2000.
- 10) Зализняк, А. А. О профессиональной и любительской лингвистике / А. А. Зализняк // Наука и жизнь. – 2009. – №№ 1-2.
- 11) Зеленин, А. В. Англоамериканизмы в русском и некоторых европейских языках / А. В. Зеленин // Русский язык в школе. – 2003. – № 5.
- 12) Караулов, Ю. Н. О состоянии современного русского языка / Ю. Н. Караулов // Русская речь. – 2001. – № 3.
- 13) Клубков, П. А. Говорите, пожалуйста, правильно / П. А. Клубков. – СПб. : Норинт, 2002.
- 14) Клушина, Н. И. В какие игры мы играем / Н. И. Клушина // Русская речь. – 2003. – № 1
- 15) Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи / В. Г. Костомаров. – 3-е изд. – М. : Златоуст, 1999.

- 16) Кравченко, А. И. Культурология : словарь / А. И. Кравченко. – М. : Академический Проект, Трикста – разные издания.
- 17) Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – М. : Знак: Языки славянских культур, 2007.
- 18) Крысин, Л. П. О русском языке наших дней / Л. П. Крысин // Изменяющийся языковой мир. – Пермь, 2002. См. электронный ресурс: <http://language.psu.ru>.
- 19) Ларин, Б. А. Эстетика слова и язык писателя / Б. А. Ларин. – Л. : : Худож. лит., Ленингр. отд., , 1974.
- 20) Левонтина, И. Б. Русский со словарем / И. Б. Левонтина. – М. : Азбуковник, 2010.
- 21) Львов, М. В. Риторика. Культура речи : учеб. пособие / М. В. Львов. – 2-е изд., испр. – М. : Академия, 2004.
- 22) Малькова, В. К. Методы диагностики этнической толерантности в СМИ (на примере российской прессы) / В. К. Малькова // Диагностика толерантности в средствах массовой информации. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002.
- 23) Мыркин, В. Я. Всегда ли языковая норма соотносится с языковой системой? / В. Я. Мыркин // Филологические науки. – 1998. – № 3.
- 24) Новикова, В. И. Речевые ошибки в электронных СМИ / В. И. Новикова. См. электронный ресурс: <http://www.gramota.ru>.
- 25) Основы культуры речи : хрестоматия / сост. Л. И. Скворцов. – М. : Высшая школа, 1984.
- 26) Поварнин, С. И. Искусство спора / С. И. Поварнин. – СПб : Лань, 1996.
- 27) Радугин, А. А. Культурология : курс лекций / А. А. Радугин. – М., 2001. См. электронный ресурс: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Rad/index.php.
- 28) Родос, В. Б. Правила дискуссии и уловки спора / В. Б. Родос. – М. : Идея-Пресс, 2006.
- 29) Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д. Э. Розенталь. – разные издания.
- 30) Русский язык и культура речи : уч. пос. / под ред. В. И. Максимова. – М. : Гардарики, 2000.
- 31) Русский язык и культура речи : учебник, практикум и словарь : в 2 ч. / под общ. ред. проф. В. Д. Черняк. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2013.

32) Русский язык и культура речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова и Е. Н. Ширяева. – М. : Флинта; Наука, 2003.

33) Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / отв. ред. В. А. Земская. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 2000.

34) Сакулин, П. Н. Филология и культурология / П. Н. Сакулин. – М.: Высш. шк., 1990.

35) Скворцов, Л. И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи / Л. И. Скворцов. – М.: Просвещение, 1996.

36) Тимофеев-Еропкин, Б. Н. Правильно ли мы говорим? / Б. Н. Тимофеев-Еропкин. – Л. : Лениздат, 1961.

37) Успенский, Б. А. Избранные труды / Б. А. Успенский. – М. : Гнозис, 1994. – Т. 2.

38) Чуковский, К. И. Высокое искусство / К. И. Чуковский. – М. : Сов. писатель, 1988.

39) Чуковский, К. И. Живой, как жизнь / К. И. Чуковский // Соч. : в 2 т. – М. : Правда, 1990. – Т. 1.

40) Эпштейн, М. Слово как произведение: о жанре однословия / М. Эпштейн // Новый мир. – 2000. – № 9 ; Континент. – 2000. – № 104 и другие публикации.

Справочная литература

1) Зарва, М. В. Русское словесное ударение. Словарь нарицательных имён / М. В. Зарва. – М. : ЭНАС, 2001. См. электронный ресурс: <http://www.gramota.ru>.

2) Русский орфографический словарь Российской академии наук / отв. ред. В. В. Лопатин. Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ», 2001-2007. См. электронный ресурс: <http://www.gramota.ru>.

3) Национальный корпус русского языка. См. электронный ресурс: <http://ruscorpora.ru/>

4) Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1993.

5) Большой толковый словарь / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 1998.

6) Горбачевич, К. С., Хабло, Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1979.

Общая типология ошибок и недочетов

Начнем с того, что следует разграничить ошибки и недочеты. Обычно эти слова употребляются как синонимы, во избежание повторений, или недочеты считаются разновидностями ошибок. При таком подходе возможны две трактовки недочетов: это или просто негрубые ошибки, или ошибки, связанные не с формой, а с функционированием языковых единиц. Вот характерное разъяснение по этому поводу.

«Речевые недочёты – это ошибки не в построении, не в структуре, а в использовании языковой единицы, чаще всего в использовании слова; по преимуществу – это нарушение лексических норм. Например: *Штольц – один из главных героев одноименного романа Гончарова “Обломов”. Они потеряли на войне двух единственных сыновей.* Само по себе слово *одноименный* (или *единственный*) ошибки не содержит, оно лишь неудачно употреблено, не “вписывается” в контекст, не сочетается по смыслу со своим ближайшим окружением» (<http://wiki.ipk.ru/index.php>).

Мы все же будем различать данные термины, считая ошибками явные нарушения языковых норм на всех уровнях, а недочетами – отклонения от речевых стандартов, моделей, не нарушающие языковой системы. Ошибке соответствуют характеристики «Так нельзя», «Это неправильно», а недочету – «Так (говорить) нежелательно», «Это некрасиво». По-разному они соотносятся и с коммуникативными качествами речи. Ошибка – это нарушение правильности и точности, недочет – недостаток богатства, выразительности, чистоты речи, но прежде всего это неуместность.

Лексико-семантические

недочеты: семантическая амфиболия – полисемия, не снятая в контексте («*Мертвые – они сухие*» – из сочинения о «Мертвых ду-

шах», о Плюшкине: то ли он тощий, то ли бессердечный; из сочинения: *Есенин передал нам душу коровы*: выразил или вручил), в том числе энантиосемия, то есть совмещение в слове противоположных значений («*Оставьте эту мысль*» – сохраните или откажитесь от нее);

ошибки – связаны с неверным употреблением слов из-за незнания или не(до)понимания точных значений (см. выше, а также пример Н. Я. Галь: «*единственный дубль*»); нужно: «*единственный кадр*» или «*без дублей*»; пример из СМИ: *сотрудник органов попал с ней в словесную, а потом и физическую перепалку*; отдельно отметим словечко *попал* вместо *вступил*), смешение паронимов и дублетов (*одеть пальто*), «*Он одолжил деньги*» – дал или взял в долг, «народная этимология», без изменения внешнего вида слова (*страховой полюс*) или с искажениями: *полуклиника* и т. п.

Особо – искажение фразеологизмов: нарушение сочетаемости (пример Н. Я. Галь: *удар волшебной палочки* вместо: *мановение*) или/и контаминация (*ни ухом ни рылом не повел* – объединение фразеологизмов *не понимать ни уха ни рыла* и *бровью не повел*).

Словообразовательные ошибки – искажение структуры слов (*азотосодержащий* вместо *азотсодержащий*), сочинение собственных слов (в сочинении о «Мертвых душах»: *деградационное зрелище*).

Орфографические, орфоэпические и пунктуационные ошибки – неверное написание, произношение слов и неправильное употребление знаков препинания.

Грамматические ошибки – неправильное словоизменение, склонение или спряжение, неправильное образование словоформ – кратких прилагательных, степеней сравнения, причастий и деепричастий; неправильное образование отдельных частей речи (прежде всего числительных и местоимений).

Синтаксические ошибки – неправильное построение словосочетаний и предложений, нарушение рядов однородных членов предложения, неверное употребление деепричастных оборотов, нарушение порядка слов – синтаксическая амфиболия.

Из сочинения: *Наташа Ростова танцует русский танец у дядюшки со всеми его прелестями.*

Классический пример из «Собачьего сердца» М. А. Булгакова:

– *Мы, управление дома, – с ненавистью заговорил Швондер, – пришли к вам после общего собрания жильцов дома, на котором стоял вопрос об уплотнении квартир дома...*

– *Кто на ком стоял?* – крикнул Филипп Филиппович, – *потрудитесь излагать ваши мысли яснее.*

– *Вопрос стоял об уплотнении...*

Речевые недочеты

– тавтология (*объединение в единое целое*; в том числе скрытые: *IT-технологии, VIP-персона*), плеоназм (*мертвый труп, уголовное смертоубийство*⁹² в «Унтере Пришибееве» А. П. Чехова, в том числе скрытые – примеры Б.Н. Тимофеева: *в анфас* и *для проформы*, то есть буквально: *в в лицо* и *для для формы*) и оксюморон (*полное запускание*) как следствие невнимательности, непонимания; актуализация в контексте метафорического значения слова (в «Путешествии дилетантов» Б. Окуджавы: *«Кузнечика знакомое лицо вдруг выросло среди травы»* – слово *трава* пробуждает в слове *выросло* «ботаническую» семантику, будто кузнечик – тоже растение; о других); искажение цитат (из сочинения: *У Ахматовой был голос, но она пальцами заткнула уши*⁹³)

92 В обороте *уголовное смертоубийство* целых два плеоназма: во-первых, убийство бывает только уголовным, во-вторых, избыточность заключена в слове *смертоубийство* (это, правда, уже языковой плеоназм).

93 Срав. У А. А. Ахматовой

*Мне голос был. Он звал утешно.
Он говорил: "Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный.
Оставь Россию навсегда*

Стилистические недочеты

тавтология (*Экономика должна быть экономной*⁹⁴), плеоназм (*Там листья падают вниз* – А. Розенбаум: неоправданное усиление) и оксюморон (*патриот чуждой страны*) как неудачные приемы; бедность и однообразие языка; напротив – ненужная красивость, вычурность, то есть эвфуизм (см. процитированный выше пассаж о «знакомом» «лице кузнечика»); другой пример – из А. Солженицына: *лицо порочного волка*; из сочинения: *Печорин просматривает свою жизнь, словно непонятную киноленту* – здесь еще два стилистических недочета: штамп и анахронизм); неоправданное смешение стилей, употребление стилистических средств в неподходящем контексте (из сочинения: *О Плюшкине можно сказать: жадность фраера сгубила*), чрезмерная эмоциональность (из сочинения: *С Тарасом поступили еще хуже: эти гады сожгли его*); напротив – сухость; использование штампов, в том числе канцеляритов (*Девочка, ты по какому вопросу плачешь?*)

Кроме того, бывают **фактические** и **логические** ошибки. Первые представляют собой искажение содержания действительности, вторые – искажение связей в ней.

Задание.

Постарайтесь прокомментировать следующие фразы из сочинений: какого рода ошибки и недочеты в них допущены и как можно их исправить (если это возможно). Если в одном и том же случае сочетаются разные ошибки и недочеты, отметьте это.

Махровое мурло мещанина...

Пока Онегин ездил по заграницам, Татьяна вышла замуж.

*Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд, Я новым именем покрою
Боль поражений и обид".
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.*

94 Эта фраза из отчётного доклада Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС, строго говоря, не тавтологична, ибо содержит обыгрывание паронимов *экономика* и *экономия*. Она, скорее, претенциозна: выражает претензию на остроумие, на афористичность, а также на руководящий принцип, хотя и не бесспорна в этом отношении.

Печорин, пробегая мимо, бросает недовольно что-то вроде «здравствуйте». Это трогает и обижает Максима Максимыча до глубины души.

Мицыри проявил силу характера: он не подошел к грузинке и не утолил свой голод.

Медведеобразный Собакевич похож на Коробочку.

Почему у Собакевича такая фамилия? Потому что он буквально превращается в собаку.

Раскольников не смог совершить преступление стерильно. В конце концов он дошел до апатии.

Лев Толстой жил за границей и был свидетелем войны 1812 г.

Князь Андрей лежал на поле боя, смотрел в небо и думал о доме, о Наташе, которая работала в госпитале и ухаживала за ранеными.

Матёру затопили, а на этом месте решили построить электростанцию.

После всех бедствий, которые выпали на долю бедной волчицы, ну, как она могла не озвереть!

Стоя на могиле друга, он понимает, что не может находиться на этом месте и руководить людьми.

Произведение Романа Виллипатова «И это всё о нем».

Логичность

Учитывая системный характер речевой коммуникации, следует особо уточнить, что качества речевого культурного оптимума должны быть сбалансированы с качествами культурного максимума (см. Введение). Увлечение одними аспектами может сказаться на других. Как правило, преувеличение вторичных качеств идет в ущерб качествам первичным. Допустим, автор увлекается выразительностью, оригинальностью, нестандартностью, не уделяя должного внимания таким свойствам, как ясность или логичность.

Например, в учебнике В.Д. Губина «Основы философии» (М.: ТОН; Остожье, 1999) (замечу: в хорошем учебнике) студентам предлагаются вопросы «на сообразительность»: **«Кто прав: Горький («Всем хорошим во мне я обязан книгам») или Шопенгауэр («Чтение – суррогат чужого мышления»)?»** (С. 233). Вопрос сформулирован некорректно, ибо это неравноценные высказывания: Шопенгауэр, делая своё более чем сомнительное заявление, говорит о чтении *вообще* – любом чтении любых книг для любого человека, едва ли имея основания для таких деклараций. Получается, что мыслящему человеку вообще не следует читать. Горький же говорит о *своем собственном опыте*, сомневаться в котором у нас нет оснований.

Если бы эти утверждения оба принадлежали Горькому, то они и тогда не противоречили бы друг другу. Одно не исключает другого: разве нельзя стать лучше, усваивая чужие мудрые мысли? Разве хорошо только то, что оригинально? Если человек не имеет своих мыслей, но имеет чужие хорошие мысли – что же в этом плохого?

Однако оставим авторскую принадлежность этих афоризмов в ее настоящем виде и попытаемся ответить на вопрос автора с такой поправкой: кто был бы прав, *если бы Горький* (подобно Шопенгауэру) *говорил не только о себе, но обо всех?* По-видимому, никто.

Гипотетическая горьковская фраза «Всем хорошим в себе все люди обязаны книгам» была бы необоснованным обобщением – таким же, как афоризм Шопенгауэра.

Другой вопрос: **«Согласны ли вы с К. Юнгом, что “есть вещи сны, предупреждающие нас”?»** (С. 207). Такая формулировка тоже некорректна, поскольку может подразумевать всё, что угодно.

Дело в том, *кто* или *что* предупреждает человека посредством «вещих снов»: бог Морфей, инопланетяне, гипнотизеры, знающие нечто о нашем будущем из вполне реальных источников, и т. п. Вот что пишет сам К. Г. Юнг: «(...) сны могут иногда оповещать о некоторых ситуациях задолго до того, как те произойдут в действительности. *И это вовсе не чудо или мистическое предсказание.* Многие кризисы в нашей жизни имеют долгую бессознательную историю. Мы проходим ее шаг за шагом, не сознавая опасности, которая накапливается. Но то, что мы сознательно стараемся не замечать, часто улавливается нашим бессознательным, которое передает информацию в виде снов» (Функция и анализ снов. — См. электронный источник: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/psih_snov/12.php). Юнг говорит не о каких-то вещих снах, в том смысле, в котором мы понимаем слово «*вещий*», то есть о снах, неким *сверхъестественным* образом проникающих в будущее, но о том, что человеческое подсознание фиксирует тревожные признаки, обрабатывает их и сигнализирует о них сознанию в сновидениях. Спорить с этим так же нелепо, как отрицать существование сновидений вообще. В чем тогда цель вопроса, тем более неудачно сформулированного?

А вот задание, способное развить в ком угодно комплекс неполноценности.

Цитируется набросок Л. Н. Толстого: *«Человек, воспитанный, положим, в кружке революционеров, потом народник, социалист, православный, монах на Афоне, потом атеист, семьянин, потом ду*

хоборец, всё начинает, всё бросает, не кончая. Люди над ним смеются. И умирает, думая, что даром погубил свою жизнь».

Затем студентам предлагается вопрос: **«Можно ли такого героя отнести к человеку массы, считать, что это стандартная, серая и заурядная личность?»** (С. 315). Откуда мы знаем? Нельзя делать такие серьезные заключения, не зная многих важных деталей, прежде всего: *что* руководит этим человеком, *отчего* он мечется? Одно не вызывает сомнений: автора учебника точно нельзя заподозрить в заурядности и стандартности. Едва ли кто-то другой выдвинул бы такое предположение по поводу толстовского замысла.

Учебное издание

Александр Владимирович Флоря

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Учебное пособие

Редактор
Е. В. Кондаева

Редактор 2 категории
Г. А. Чумак

Подписано в печать 10.03.2016 г.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 9,4.
Тираж 300 (1 завод – 50) экз. Заказ _____.

**Издательство Орского гуманитарно-технологического института
(филиала) федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

462403, г. Орск Оренбургской обл., пр. Мира, 15А